

ВОПРОСОВ «ЗА ОДЕССУ»

ЮВЕЛИРНЫЙ МАГАЗИНЪ

„О. О. МАНГУБИ“

А. В. Искрахи

Дерибасовская ул. № 21

Телефон 46-97.

Г. АБРАМОВИЧЪ, ОДЕССА

Мариупольская № 62. Телефон 62-80

Мозаичное, жемчужно-бетонное, цементное

и водопроводное производство.

Принимается заказъ жилыхъ и промышленныхъ

зданий въ тридцатипятилетнюю перспективу.

Фирма существуетъ съ 1878 года.

ОДЕССКОЕ МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОДЪ

М. Г. ПАНДАКИ

рекомендуютъ свои мыла

выпущенныя съ чистыми и безукоризненными

качествомъ вѣжливой конкуренціи

Особое вниманіе просимъ обратить

ПЕРЛАМУТРОВОЕ Высшій Сортъ

аренд. Б. М. ГУЗЪ и Д. З. ПАНДАН

ОДЕССА Троицкая 22. Телефонъ 14-75.

Рекомендуются мылоны высшаго сорта

въ пакетахъ и коробкахъ № 1, 2, 2, и 5 ф.

Дерибасовская 12.

Телеф. 4-73.

АППАРАТЫ

РОНЕО

даютъ 5000 копій,

не отличающихся отъ оригинала

М. Таликовскаго

Владимиръ Александровъ

Жармаковскій

Васко, Букинскіе, 57. Тел. 16-31.

Учить, исправлять и починять

по дѣламъ

переводнымъ.

Оптика Миль

Дерибасовская, 21. Телефонъ 56

ОПТИЧЕСКІИ и МЕХАНИЧЕ

ПРИБОРЫ.

ФАБРИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ

— шляпъ —

„Н. ГЛЕЙЗЕРМАНЪ“

ОДЕССА. РИШЕЛЬСКАЯ № 15.

Телефонъ 33-62.

Фабрика помѣщается ПРИ МАГАЗИНЪ.

MAGASIN des CHAPEAUX

P. WADKOFF

ОДЕССА.

Фабричный магазинъ

ДАМСКИХЪ ФАСОНОВЪ

Николай Байерле, Одесса.

Ул. Жуковскаго № 23; входъ съ подъезда.

ТЕЛЕФОНЪ 9-84.

Фабрика находится въ прямыхъ агентурныхъ
связяхъ съ Парижемъ и ежедневно, въ те-
чение всего года, получаетъ его послѣднія
новинки.

Модельныя выкладки выставлены на складѣ.

ГРАММОФОНЫ * *

* * и ПЛАСТИНКИ

Акционернаго Общества

„ГРАММОФОНЪ“

Агенты

Бр. М. и В. Иссерлинъ,

ОДЕССА, внутри Пассажа,

2-й этажъ, № 55, противъ

входа въ Пассажъ, съ Пре-

ображенской ул.

Телефонъ № 16-90.

ПРОДАЖА

ОПТОМЪ и ВЪ РОЗНИЦУ.

АВТОМОБИ

WINDHOFF

Специально для русскихъ

по простотѣ конструкціи едво-

Грузовики и омнибусы

„МАННЕСМАНЪ-МУЛ“

МОТОЦИКЛЕТЫ „ПУХ“

ОДЕССА

Специальная механическая мастеря

ремонта автомобилей всѣхъ сист

инженеръ Д. А. ДЕЛ

Контора, гаражъ и мастерскя

Одесса, Ольгибская № 5. Телефонъ

ОПТИКЪ

Л. ЛЕВЕНТАЛЬ

ОДЕССА,

Дерибасовская, 12, в. Новинки.

Московскій Торговый Домъ
Бр. А. и Я. Альшвангъ

ШОДЛЪ и РАЙХЪ

Въ Одессѣ: ул. Жуковскаго, № 23. Выходъ съ подъезда.

Въ Петербургѣ: ул. Невская, № 10. Выходъ съ подъезда.

ОТДѢЛЪ мужскихъ вещей: пальто, костюмы, шапки, галстуки, носки, перчатки, обувь.

ОТДѢЛЪ дамскихъ вещей: платья, костюмы, шляпки, перчатки, обувь.

ОТДѢЛЪ детскихъ вещей: платья, костюмы, шапки, перчатки, обувь.

ОТДѢЛЪ хозяйственныхъ вещей: постельное белье, полотенца, скатерти, салфетки, посуду.

ОТДѢЛЪ канцелярскихъ товаровъ и принадлежностей.

ОТДѢЛЪ обуви: мужской, дамской, детской.

ОТДѢЛЪ головныхъ уборовъ: шляпки, шапки, перчатки.

ОТДѢЛЪ перчатокъ: мужскихъ, дамскихъ, детскихъ.

ОТДѢЛЪ носковъ: мужскихъ, дамскихъ, детскихъ.

ОТДѢЛЪ галстуковъ: мужскихъ, дамскихъ, детскихъ.

ОТДѢЛЪ обуви: мужской, дамской, детской.

ОТДѢЛЪ головныхъ уборовъ: шляпки, шапки, перчатки.

ОТДѢЛЪ перчатокъ: мужскихъ, дамскихъ, детскихъ.

ОТДѢЛЪ носковъ: мужскихъ, дамскихъ, детскихъ.

Торговый Домъ
„ПРОГРЕССЪ“

Фабрика папирной бумаги

ОДЕССА, Екатерининская улица, д. № 85.

Телефонъ № 48-31.

Первая Одесская мастерская бамбуко-

вой мебели въ итальянск. и др. стиляхъ

У. Лившицъ

А также имѣются

ГОТОВАЯ МЕБЕЛЬ

Еврейская, 50, ут. Авинионовъ пер.

„Cafe Liebmann“ „Кафе Либманъ“

Одесса. Одесса, Соборная плас

Торжия и холодныя закуски,
напитки лучшихъ русскихъ
и заграничныхъ фирмъ

Биллардный залъ 12-й Биллард. О.

ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ РУССКІИ и ИНОСТРАННЫЕ

Фабричный складъ издѣлій,
мельхиоровыхъ и изъ бѣлаго металла

Юсифа Фраже

въ ОДЕССѢ Дерибасовская 12, д. Савича — Телеф. № 23-31

ФАБРИКА СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1891 года

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

Столовыхъ приборовъ, черпалъ, утвари, предметовъ, для ресторано

самого высшаго качества.

— ИЗДѢЛІЯ —

изъ НАКЛАДНОГО СЕРЕБРА и ПОРЦЕЛАНОВЫХЪ и БѢЛЫХЪ МЕТАЛ.

Трѣхъ-уровней высказываютъ по боспоробанки.

ЮВЕЛИРНЫЙ МАГАЗИНЪ

Б. С. ШОЛЕ

Дерибасовская улица № 16.

Постоянно большой выборъ

новостей.

Виноторговля Ф. Б. НУВО

ОЛЕГ ГУБАРЬ

100

ВОПРОСОВ
«ЗА ОДЕССУ»

Scan by Skorpion Professional

КИНОЦЕНТР
ОДЕССА
1994

ББК 26.89 (4Укр-2ОДЕ)
Г 93

Зав. редакцией А. Л. Грабовский

Редактор Н. Н. Пустовойтова

Художник В. Миненко

Фотоиллюстрации С. В. Калмыкова

Губарь О.И.

100 вопросов за Одессу. /Фотоилл. С. В. Калмыкова. — Одесса : "Полином", 1994. — 168 с., [16] л. ил.

ISBN 5-7240-0051-2

Г 93 Эта книжка вопросов и ответов — не "краткий курс" истории Одессы и не "книга для внеклассного чтения". (Может быть, это ближе всего к историко-бытовым очеркам — очеркам обычаев и нравов). Целиком основанная на достоверной информации, она все же продолжение легенды о старой Одессе, о давних временах, когда, как принято говорить, и солнце светило ярче, и небо было голубее.

Сознаемся честно, вопросов пока не 100. Однако не будьте в претензии: задавайте нам свои собственные — и мы ответим в следующем издании с возможной обстоятельностью и тщанием. Потому что и 1000 вопросов и ответов не объяснят до конца загадочный одесский феномен.

Искренне Ваши Автор и Издатели.

Г 4702064201
086 (02) - 94

Без объявл.

ББК 26.89 (4Укр—2ОДЕ)

Книга издана предприятием « Полином »

- Пользуясь случаем, автор сердечно благодарит бескорыстных и добрых людей, на протяжении многих лет оказывавших помощь в краеведческих разысканиях, — А. Д. Беньковскую, И. Д. Беньковскую, В. И. Волчека, Е. М. Голубовского, С. В. Калмыкова, В. К. Корченова, С. З. Лущика, М. Б. Пойзнера, А. Ю. Розенбойма, Л. М. Смычок, В. С. Фельдмана, В. А. Чарнецкого, Ф. В. Шелова-Коведяева, Р. А. Шувалова, Н. Т. Щербаня и Машеньку Губарь.

© О. Губарь, автор текста, 1994.

© В. Миненко, художественное оформление, 1994.

© С. Калыахов, коллекционные фотографии, 1994.

© «Полином», составление, худ. оформление, 1994.

ISBN 5-7240-0051-2

Мифы старой Одессы

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

“Старая Одесса“... Это что такое? Нескончаемая театральщина? Название рюмочной в стиле псевдоретро? Экстравагантные шоу, нещадно эксплуатирующие одесскую тему? Или два-три со страшным скрипом возвращенных названия старых улиц? Или — сплошная тоска. И боль. И беспросветность.

Слава Богу, она все-таки есть, эта “Старая Одесса“. Потому что была. Потому что состоялась. Потому что мы носим ее в себе по долинам и по взгорьям. А будущее... Оно, как и настоящее, всего только “утро туманное, утро седое“.

Для Александра Дерибаса, одного из гениальных творцов мифа о “Старой Одессе“ (см. вступительную статью к репринтному изданию одноименной книги), старая Одесса прежде всего — город детства, т. е. город второй половины XIX столетия. Но это лишь поверхностное понимание.

Подверстывая к собственным медитациям впечатления отца, старших, избранные исторические документы и анекдоты, А. М. Дерибас, подобно крохотному ручейку, органично вплетается во вселенский поток, приобщается к вечности, продлевая себя в прошлое и будущее. Миф Дерибаса о “Старой Одессе“, впоследствии продолженный Олешей, Катаевым, Паустовским, Бабелем, Славиним, Флитом, Дорошевичем, Боровым, Галицким, Азаровым и многими другими, — это остроумный, добрый, трогательный миф историко-бытового, но не политического свойства. Здесь постоянно лорнируются живые люди, лица; события же отступают на второй план, пока к ним не приводят их живые свидетели и участники.

В отличие от Дерибаса, Доротея Атлас в известной своей работе “Старая Одесса, ее друзья и недруги“ (эта книга также переиздана) глядит на эволюцию как бы из-

вне, рассматривая через увеличительное стекло опять-таки живых людей, но не простых смертных, а тех имущих власть, кто указующим перстом ввергает город то в радости, то в печали, руководствуясь порой не принципами целесообразности, а “тропическими эмоциями”. И эта концепция, конечно, мифологична, ибо довольно жестко смонтирована под идею: кадры решают все. Но, очевидно, в истории ни один фактор, как бы серьезен он ни был, не в силах подолгу замещать Господа Бога, так часто балующего мир всякими непредсказуемыми случайностями, стремительно направляющими события в совершенно иное русло...

Так что же такое “Старая Одесса”? Не позабыли ли мы темы? Не заблудились ли в библиографических дебрях и рассуждениях о подходах давным-давно вымерших авторов? По-видимому, все-таки не отвлеклись и не заблудились. Легче всего свести мчсгосложность нашей темы к какой-нибудь простенькой модели, к сакраментальной формуле: “Дерни, деточка, за веревочку, дверь и откроется”. В том-то и дело, что история Одессы (как, впрочем, история вообще) не укладывается ни в какие элементарные схемы, простые и удобные в обращении, как не существует и универсального понятия “Старая Одесса”. А потому позволительно свое суждение иметь и Дерибасу, и Атлас, и Скальковскому, и Смольянинову, и Кирпичникову, и Маркевичу, и Яковлеву, и Надлеру, и Орлову, и... даже нам с вами.

Сколько же исследователей потрудились над разгадкой “феномена Одессы”? А точнее всего высказалась по этому поводу Патрисия Херлихи — замечательный американский историк, автор единственной солидной монографии по истории Одессы, изданной в нынешнем столетии: “Положение, климат, дистанция от центральной власти (воздух свободы — О. Г.), меркантильный брак Черного моря с черноземом (экспорт пшеницы — О. Г.), спрос и предложение, этнически пестрое, энергичное население, разумные администраторы, — все это совпало. Все вместе это дало то, что нельзя ни повторить, ни симитировать”.

Итак, мы имеем “черный ящик”, некую реторту, в которой соединились, сплывались физико-географические, экономические, политические и прочие компоненты. Так народилось живое существо — единственное, неповторимое (а потому — загадочное), которое “нельзя ни повторить, ни симитировать”. Что мы можем, так это прокомментировать отдельные моменты, имеющие отношение к становлению “пенорожденной” (но это

будут опять-таки субъективные заметки). А ведь именно так, бесхитростно, и поступили мудрые одеситы, выпустившие к 100-летию родного города полновесный юбилейный том. Здесь и не пытались монтировать какие-то вселенские концепции; здесь была всего только тематическая летопись города: что? где? когда? Единственное, что порой бросается в глаза, — неосознанное, быть может, стремление потрафить городскому общественному управлению, субсидировавшему это объемное издание. Необходимые реверансы представителям августейшего дома, разумеется, также имели место. Но это такая же традиционная формула, как, скажем, "Боже, храни королеву!". Во всем этом нет ничего необычного, а тем более постыдного, если учесть к тому же, что общественное самоуправление было весьма и весьма демократичным: в этом отношении Одесса когда-то выступала в авангарде городов российских.

Рискуя власть в тот же грех схематизации, в каком обвиняли упомянутых (достойнейших!) авторов, пойдем все же их опасным путем и условно разделим дореволюционную историю города на два больших этапа: от основания до рубежа 50—60-х годов XIX века и далее — до 1917 года.

Первый, портофранковский, этап собственно и заложил фундамент роскошного мифа о "Золотом городе". В период порто-франко Одесса и в самом деле процветала. И здесь очень важно иметь в виду, что порто-франко было не целью, но формой существования, естественным инструментом осуществления внешнеторговых операций. Никто и никогда не провозглашал лозунгов и не вывешивал плакатов: "Вперед, к победе порто-франко!" Это был естественный процесс, постепенно получивший официальное оформление. (В этом-то и состоял "большой секрет для маленькой компании": не жизнь укладывается в схему, а, напротив, схемы приспособляются к жизни. Этой простой истине и следовали давние одесские администраторы, в этом и заключалась их мудрость).

Еще никто не имел понятия ни о какой "свободной гавани", а спрос и предложение уже наличествовали, жизнь диктовала свои законы: Европа остро нуждалась в хлебе, а Причерноморье этот хлеб могло дать. Уже в самом начале XIX столетия интерес к Одессе как потенциальному хлебному экспортеру чрезвычайно высок, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в итальянских, фран-

цузских, английских и прочих изданиях. И в этом нет ничего удивительного, ибо этот регион снабжал сельхозпродукцией Европу и Малую Азию еще во времена греческой, римской, византийской, итальянской экспансий на Понте Эвксинском.

Спрос особенно возрастает после наполеоновских войн, и учреждение порто-франко становится, можно сказать, чисто формальным актом. (Когда о порто-франко заходит речь сегодня, то даже у ребенка может невольно возникнуть закономерный вопрос: так что же мы будем предлагать? Что на что будем менять?..).

Сколь повезло Одессе с местоположением, климатом и прочим, столь же повезло и с администраторами: они оказались не только умны, деликатны, образованы, прозорливы, но и удачливы. Это, конечно же, относится и к де Ришелье, привлечшему в город и край необходимых специалистов и инвесторов — всех тех, кто наладил хлебный экспорт и городской быт. Тем же путем следовали его преемники.

Казалось бы, чего проще: вези зерно в Одессу, грузи на суда, отправляй, куда пожелаешь, и считай себе барыши... Однако не все было так просто. Для начала необходимы были, скажем, оборудованная гавань, морские коммерческие конторы, занимавшиеся фрахтом судов, закупкой, транспортировкой, хранением, реализацией зерна, а следовательно, нужны были “хлебные магазины”, офисы, карантин, судоверфь, биржа со всеми ее атрибутами, включая биржевую информацию, банки и ломбарды, коммерческий суд, гостиницы, квалифицированные чиновники и мастера, развитая городская инфраструктура. Да мало ли что еще. И надо сказать, что в значительной степени появление многих городских служб, развитие самых разных сфер общественного быта ускорило и приобрело соответствующее качество именно в результате становления Одессы как крупнейшего хлебного экспортера. Все это не могло не сказаться позитивно и на эволюции сельскохозяйственного производства в регионе.

Подобная ориентация города в сочетании с физико-географическим положением, этнически пестрым населением, специфическим разделением труда и другими факторами определила и более демократичные формы городского общественного самоуправления, и более свободный, по сравнению с центром, общественный быт. Можно говорить об исключительно быстром становлении гражданского общества Южной Пальмиры. Наличие в городе значительных национальных колоний, среди представителей которых

имелось немалое число специалистов высочайшего класса, людей высокообразованных, в том числе с университетскими дипломами, просвещенных чиновников канцелярии генерал-губернатора, военных инженеров, гидрографов и т. д., не могло не способствовать стремительному развитию в городе и крае науки и культуры (Ришельевский лицей, Институт благородных девиц, итальянская опера, музей древностей, ботанический сад, библиотеки, периодические издания, ученые общества и т. д.).

В годы правления М. С. Воронцова Одесса достигла по-настоящему "просперити". Не особенно идеализируя реальное статус-кво, мемуаристы свидетельствуют, что в это время в городе практически не было людей, живущих за чертой бедности. Наемные рабочие, прислуга, извозчики, приказчики и т. д. получают жалованье намного большее, нежели в других городах Империи.

Трагической случайностью для Южной Пальмиры стала Крымская кампания, после которой город уже никогда не сумел по-настоящему оправиться и вернуть себе прежнее положение на мировой арене. Занимая четвертое место в России (после Москвы, Петербурга и Варшавы) по народонаселению и другим показателям, Одесса, тем не менее, навсегда утратила корону мирового хлебного экспортера. (Гонор, правда, сохранила надолго).

А складывалось все так. Пролиты в Черное море были блокированы неприятелем, спрос Европы остался неудовлетворенным. Но, как принято говорить, свято место пусто не бывает: наконец-то хлебные импортеры открыли для себя Америку. Сначала Канада и Аргентина, а затем даже далекая колониальная Индия сделалась смертельными конкурентами Причерноморью, Одессе. Маршруты хлебных караванов значительно удлинились, зато транспортные затраты с лихвой компенсировались за счет новой технологии грузоперевозок: экспорт зерна сменился экспортом муки, более компактно укладывавшейся в трюмах, — за океаном вовсю вертелись паровые мукомольни. Что до юга России, тут технологическая революция с трудом пробивала себе дорогу. Так, даже в 1859 году к единственной паровой мельнице в Одессе (Гома) прибавилась только одна (Яхненко) и лишь была запроектирована третья (Хавы и С.). Но, как говорится, поезд уже ушел...

Увеличение числа экспортеров, естественно, привело к падению мировых цен на хлеб. Греческие коммерсанты, главенствующие в этой отрасли, заметно утрачивают интерес к хлебоэкспорту через Одессу, причем кое-кто из них (можно вспомнить того же Папудова) понес большие

убытки. Сократились и доходы города. Хлебный вывоз становится все более мелочным. Да и городское самоуправление уже не то, что прежде, когда в Думе заседали преимущественно негоцианты, благоденствовавшие от хлебной торговли. Пришла беда — отворяй ворота: неблагоприятно складываются в это время дела и в обеих столицах, о чем толкует в своей книге Д. Г. Атлас. Радикальная космополитическая Одесса всегда вызывала раздражение “наверху”; ряд экономических санкций создает Евпатории, Николаеву, Таганрогу, Херсону преимущества перед Одессой, развитие города еще не раз искусственно тормозится. Гордому, независимому городу приходится туго.

Но, очевидно, Одесса родилась под счастливой звездой. Ей в очередной раз повезло с администратором. Граф А. Г. Строганов был одним из тех, кто стоял у истоков новой Одессы (что бы там ни говорили о его чудачествах, непоследовательности и прочее). Но это была в нашем понимании уже совсем иная “Старая Одесса”. Это была Одесса, свято и ревностно хранившая и приумножавшая корпус сказаний и легенд о самой себе, очевидно, стремясь мифом восполнить то, что у нее отняла исключительно злая судьба, — первенство, первородство. Это была, вместе с тем, все та же беспечная, аполитичная, меркантильная, темпераментная Одесса, запоздало взгромоздившаяся на рельсы индустриализации. И мы тут ничуть не сгущаем краски, ибо даже в лучшие порто-франковские времена местные промышленные товары находили сбыт главным образом лишь в слаборазвитых странах — в Турции, Греции, Персии, Хиве и Бухаре. И хотя еще художественно-промышленная выставка 1837 года продемонстрировала хороший уровень здешних изделий, все это выглядело в целом довольно декоративно, кустарно, несерьезно. “Товары народного потребления”, привозимые из-за границы, удовлетворяли любые запросы и обходились дешевле. Кроме того, местные предприниматели морально не были готовы к такому повороту событий и очень неохотно меняли “привычное дело” на подозрительное новое. Промышленное производство набирало обороты крайне медленно.

“Вынужденная индустриализация” в определенной степени сдерживала развитие Одессы-курорта, приобретшего популярность еще в пушкинские времена, когда “для морских ванн” сюда съезжался весь бомонд, самое изысканное общество из внутренних губерний. Одесская перестройка 60-х годов XIX столетия весьма негативно отразилась на распределении и функциональном назначении отдельных городских территорий. Скажем, Пересыпь, уникальный ес-

тественный курортный комплекс (в сочетании с лиманами — просто непревзойденный), трансформировалась в непробиваемый промышленный и транспортный узел. Развернулась генеральная реконструкция и модернизация порта (что само по себе, разумеется, следует оценить позитивно), который, слившись с “пересыпской твердыней”, окончательно отсек город от моря. Так крутой поворот истории предопределил путь, приведший благодатный приморский город к экологическому провалу...

Положительным моментом этого переходного (к индустриализации) периода, безусловно, явилось введение нового “Городового положения”, регламентирующего систему общественного самоуправления. Новые люди в Думе и Городской управе (по сути — в Горсовете и Горисполкоме) методично занялись благоустройством Одессы: в течение двух-трех десятилетий она превратилась в портовый центр европейского уровня. Был пущен днестровский водовод, за мощены улицы, проложена система ливневых коллекторов, канализационная система (плюс поля орошения), устроено немало маршрутов “конки” и паровичков, налажено электрическое освещение, создана разветвленная сеть “человеколюбивых заведений” (приютов, богаделен, больниц, ночлежек и т. д.), народных школ, читален, аудиторий, сформированы государственные и частные пароходные компании, проложена железная дорога, соединившая “одесский остров” с российским материком. Параллельно развивался промышленный комплекс (к 1892 г.: 125 фабрик, 714 ремесленных заведений, 157 заводов, 16 мукомольных и крупяных мельниц), банковское и кредитное дело. Любопытно, что (все-таки в соответствии с дедушкой Лениным) в годы дореволюционной индустриализации Одесса налаживает уже и “вывоз капитала в отличие от вывоза товаров”: местные банкирские дома и конторы широко известны за пределами Империи. Впрочем, постепенно начинают вывозиться и некоторые товары: сельхозорудия Хена (Гена), мануфактура Пташниковых, шампанское Редерера, мыло Санценбахера, папиросы Попова, музыкальные инструменты сразу нескольких фабрик и др. Да что там говорить: Одесса даже строит... военные суда (миноносцы) для Черноморского флота!

Это — г о р о д ! Второй по числу учащихся и студентов в России, с крупнейшим и авторитетнейшим университетом, Высшими женскими курсами, многочисленными научными обществами мирового уровня, великолепными театрами, музеями, библиотеками и даже спортивными сооружениями (велотрек, “роль-палас”, скейтин-ринг, иппод-

ром, тир-клуб, два яхт-клуба, гимнастические залы и т. д.). Одесса открывает миру выдающихся ученых, педагогов, литераторов, людей искусства...

Не сразу, не вдруг созрели плоды строгановской перестройки — несколько десятилетий ушло. И не все просто далось, и не все безошибочно получилось. Так, миф о “Золотом городе” сыграл с этим городом недобрую шутку — в корне изменил демографическую ситуацию: воздушный замок оказался перенаселенным, наподобие многоколенной коммуналки. (Вот некоторые данные о росте населения: 1795 г. — 2.349 душ обоего пола, 1817 — 32.740, 1841 — 73.888, 1859 — 114.265, 1873 — 193.513, 1892 — 336.412). Избыток рабочих рук, их дешевизна на фоне жестокого рынка. Ба, да мы это уже проходили! Стремительно нарастающее социальное расслоение, потом — еще один крутой поворот истории; нелепицы, случайности и, — грандиозный взрыв, “выпускание пара”... Нет, не станем заходить так далеко. Ведь даже “Старая Одесса” Александра Дерибаса, Доротеи Атлас, Аполлона Скальковского и всей честной компании не настолько простирается в этом направлении.

Что было, то прошло. Но почему так трудно расставаться с прошлым? Расставаться, улыбаясь и шутя, без боли и сожаления? Почему так тяжело терять этот дивный запах весенних акаций, солнечные улицы, щедро политые дворниками, наши детские игры в “маялку” и “ножички”, в “казака-разбойника”? Почему нам так недостает открытых трамвайных вагонов на большефонтанской и люстдорфской линиях, булыжной мостовой, фруктового эскимо за шесть копеек, школьных гимнастеров, раскладушек, этажерок, рыбных рядов “Привоза”, китайских зонтиков, вееров и рубашек “Дружба”? Почему мы не можем обойтись без парусиновых брюк, шоколадного масла и зайчиков, без пахучей бабушкиной муфты, мамино зеркала с пароходиком и пальмой, без своего места за семейным столом, без знакомого всем одесситам дедушки, без старой кривоzubой вилки и каменистого берега у Дачи Ковалевского?..

Старая, старая и еще более “Старая Одесса”, от которой все-таки что-то остается в наших душах. Все это было, было в жизни. Собственно, все это и было жизнью. И нет в природе ничего более прочного, надежного, верного, нежели прошлое. Что было с тобой, то и остается с тобой. И никому этого не отнять.

...“Город, в котором я жил, — писал Геннадий Гор в “Пяти углах”, — был слишком красив и поэтичен, и ули-

цы его, когда-то служившие фоном и декорацией для творческой и житейской судьбы самых известных действующих лиц русской литературы, казалось, требовали и от меня мысленно вписаться в вечно начинающееся и никогда не кончающееся действие“.

Эта книга вопросов и ответов — не “краткий курс” истории города и не “книга для внеклассного чтения”. Целиком основанная на достоверной информации, она все же продолжение легенды о старой Одессе, о давних временах, когда, как принято говорить, и солнце светило ярче, и небо было голубее.

Больше всего автору хотелось научиться перемещаться не только в пространстве, но и во времени Южной Пальмиры, ощущать аромат времени, постигать этот г о р о д в первую очередь на эмоциональном уровне. И если такой подход вам по душе, следуйте за ним.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- ...Затем живут асиаки, соищенные с рекой Асиаком; за ними — кро-
бигги, река Рода, залив Саггарийский, г а в а н ь О р д е с .

Г А Й П Л И Н И Й С Е К У Н Д 1 в. н. э.

- От Борисфена 60 стадиев до небольшого необитаемого и без-
ыменного острова, а отсюда — 80 до Одесса; в Одессе — стоянка
для кораблей. За Одессом находится гавань истрианов, до нее 250
стадиев; далее — гавань исиаков, до которой 50 стадиев.

А Р Р И А Н Ф Л А В И Й, II в. н. э.

- Ордисс — 57°; 48°30'.

“ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ”

К Л А В Д И Я

П Т О Л Е М Е Я, II в. н. э.

- ...Далее — Качибеево городище, как будто обрушившаяся земля,
омываемое широким озером, находящимся вблизи моря и при устье
Днестра; там, говорят, был прежде довольно значительный порт.

М А Р Т И Н Б Р О Н Е В С К И Й, 1578 г.

- Мы... прибыли в землю крепости Ходжабай. Когда султан Баязед
завоевал Аккерман, один богатый человек, прозванный Бай, пол-
учив разрешение султана, построил в этом месте на скале прочное
укрепление и поместил в нем отряд воинов. Он сделался облада-
телем пяти стад по 1500 овец, и после долгой счастливой жизни
его стали называть Ходжабай. До сих пор постройки этого укреп-
ления сохранились и хорошо видны на берегу Черного моря, на
крутой скале. Если это укрепление хотя бы немного поправить, ме-
стность станет населенной, а дорога — безопасной.

Э В Л И Я Ч Е Л Е Б И, 1666—1667 гг.

Что такое привоз?

Ну, это уж все знают. Или все-таки — думают, что знают? Давайте не будем торопиться с выводами и немного почитаем.

...Планируя городское строительство, знаменитый Ф. П. Деволан учел все обстоятельства — от особенностей рельефа до преобладающего направления ветров. Совершенно логично, что по тальвегу глубокой Военной балки, начинавшейся от Практической гавани и далеко врезавшейся в одесское плато, проходила основная транспортная артерия: город — порт и наоборот. Точно так же естественно, что от вершины этой балки тянулся первый торговый центр, открывавшийся так называемыми “Красными рядами” и продолжавшийся по направлению к “Вольному рынку”, т. е. Старому базару (вдоль современного проспекта Мира), и далее — к Привозной площади.

По свидетельству авторитетного историка К. Н. Смольянинова, система “сообщающихся базаров” вдоль запланированного Александровского проспекта нарождалась буквально вместе с городом. Уже в 1797 году в юной Одессе функционировало около 400 “лавок каменных”, 17 “магазинов для поклажи”, 98 погребов, значительная часть которых располагалась вдоль описанной торговой оси. С октября того же года в городе были введены единые расценки на продовольственные товары в соответствии с “Высочайшим указом”. В документе, поступившем в городской магистрат, оговорено, что “цены составлены в неурожайный 1797 г. и что они выше действительно существующих”.

Вот эти завышенные цены: пуд коровьего масла — 5 руб., овечьего — 4 руб. 25 коп.; пуд говяжьего сала — 4 руб. 70 коп., бараньего — 4 руб. 50 коп., свиного — 4 руб. 80 коп.; фунт говяжьего мяса — 2,5 коп., бараньего — 3 коп., свиного — 6 коп.; птица: индейка — 1 руб., гусь — 50 коп., утка — 30 коп., курица — 20 коп., десяток яиц — 10 коп.

С введением порто-франко растет число так называемых хлебных магазинов, по существу — амбаров, часть из которых располагалась также по описанной торговой оси: кое-какие из них сохранились в перестроенном виде по сию пору. Двигаясь от Красных рядов Греческого базара, пешеход пересекал в те давние годы целую серию специализированных рынков, Старобазарную площадь и выходил на Привозную.

Весь этот многоколенный комплекс удивительно красочно описан современницей, жившей в Одессе в 30-х годах XIX столетия.

“Рынков в Одессе три: Греческий, Старый и Новый базары, но главный — Старый. Под сим именем соединяется несколько рядов. Сначала идет Немецкий рынок: тут продают телятину, свинину, ветчину, колбасы, сосиски; близ него, на площади, останавливаются приезжие колонисты с маслом, сметаной, творогом, яйцами, живностью; тут продают дичину и сидят торговки с зеленью. После рядов с угольями начинаются мясные ряды, а на другой стороне — овощные лавки; там продают муку, крупу, солод, постное масло; середину между сих рядов занимают торговки с зеленью и разными овощами; тут можно найти квашенные бураки, кислую капусту, соленые огурцы.

Немного подальше — рыбные ряды и площадь, где всегда увидите множество телег с рыбою и раками. Направо от мясных и рыбных рядов продают битую птицу, а немного подальше — живую; в той же стороне летом и осенью бывает временный зеленой ряд и шалаши, где продают разные овощи; подле них стоят возы с яблоками, виноградом, грушами, арбузами и дынями; около — устроены дровяной и лесной рынки; тут же продают и кизяк.

Если начать от Немецкого рынка и идти до дровяного, то верно будет пространство около двух верст. Здесь находишь все возможные припасы; кроме того, на всех рынках есть особые отделения для печеного хлеба разных родов, и всем предлагают греческий, немецкий, французский, русский — пшеничный и ржаной. Сверх того, в разных местах сидят торговки с фруктами, плодами, орехами, пряниками“.

По всему видно, что в первые эпохи своего существования Привоз был именно площадью, практически лишенной каких бы то ни было строений, на которой производилась торговля непосредственно “с колес”. Он входил, таким образом, в систему Старого базара, являясь его составной частью, придатком. В те же 30-е годы начинается поэтапное обустройство этого круп-

нейшего торгового комплекса: нивелируются и мостятся базарные площади и близлежащие улицы, устраиваются сквозные каменные галереи (эшопы), возводится высокая башня с часами на Старом базаре. Все эти капитальные сооружения, как и обычные места, сдаются городом в аренду негоциантам, причем городская управа проводит с этой целью специальные торги-аукционы; желаемое получает, разумеется, тот, кто щедрее раскошелится. Полученные средства шли в городскую казну и обыкновенно использовались на благоустройство Одессы.

В третьей четверти прошлого столетия отдельные капитальные торговые лавки начинают появляться уже и на территории Привозной площади, впоследствии их число растет. Постепенно эта автономная часть Старого базара обретает полную независимость и суверенитет — трансформируется в самостоятельный рынок, причем где-то перерастает своего прародителя. Иной оттенок отношения к сему месту появляется и в сознании одесситов: для горожан это уже не просто площадь, не просто элемент чего-то целого, но нечто определенное, характерное — “Привоз”. В конце XIX ст. он начинает отвоевывать пальму первенства у Старого базара, несмотря на то, что лишен каменных эшопов и башен.

Ознакомьтесь, если интересно, с “привозными ценами” столетней давности, тщательно проверенными и опубликованными в газете “Одесский вестник”: “капуста бел. — 10—20 коп., цветная — 60 коп., сафойная — 5—10 коп. головка, сельдерей — 5—8 коп., морковь — 5—6 коп., хрен — 10 коп., цикорий — 15 коп., пшинат — 10—12 коп. фунт, бураки — 1—5 коп., картофель американский — 50 коп. за пуд, лук — 1 руб. за пуд, артишоки — 1 руб. 50 коп., помидоры — 20—30 коп. десяток; мясо: 1-й сорт — 9 коп., 2-й — 8 коп., филе — 20 коп., баранина — 7—8 коп., телятина — 10 коп., мозги воловьи — 15 коп., телячьи — 10—12 коп., язык воловий — 50 коп. фунт; птица: куры — 80 коп. — 1 руб., цыплята — 55—60 коп., утки — 90 коп. — 1 руб., гуси — 1 руб. 60 коп. — 2 руб., индюки — 3—4 руб.: цена везде — за пару птиц; битая птица: куры — 1 руб. 20 коп., утки — 1 руб. 30 коп., голуби — 20 коп. пара; дичь: рябчики — 1 руб., тетерева — 1 руб. 60 коп. — 1 руб. 70 коп., дрофа — 3 руб. — 3 руб. 50 коп., заяц — 1 руб. штука; масло свежее — 40—45 коп. фунт, соленое — 35—38 коп., творог — 8—10 коп., брынза — 15—16 коп., молоко — 10—12 коп. кварта, сметана — 35 коп.; свежая рыба: короп — 12—15 коп. фунт, судак — 10—

12 коп., щука — 10 коп., белуга — 25 коп., осетрина — 60 коп., севрюга — 40 коп., стерлядь — 30—50 коп., барбуня — 40 коп., камбала крупная — 10 коп., мелкая — 1 руб. — 1 руб. 20 коп. за десяток, кефали крупные — 1 руб. 50 коп. десяток, бычки — 15—30 коп. низка, свежая икра — 2 руб. 50 коп. фунт; колбасы балтские — 5 руб. 50 коп. — 5 руб. 80 коп. за пуд; в мелочной продаже, за фунт: свинина — 10 коп., колбасы — от 15 до 30 коп., окорока копченые — 18 коп. “Что скажете, посетители Нью-Привоза?”

Постепенно Привоз сделался главным кормильцем Южной Пальмиры. Собирая статистические сведения о потреблении продовольственных товаров на душу населения, неизменно к нему, родному, обращаются исследователи. Интересная информация на сей счет опубликована около 100 лет назад и дает вполне реальную картину тогдашнего аппетита горожан. Так, за один год на бойнях, включая убой мелкого скота на Привозе и Новом базаре, забивалось 27.990 голов бугаев и волов, 61.930 коров, яловок и быков, 10.855 — молодняка, 18.815 — телят травяных, 21.323 — телят молочных, 141.142 — овец, баранов, коз, ягнят и козлят, 9.859 — свиней, 61 — лошадей. Последние, как указано, лишь иногда закупались в пищу местными татарами, а в основном шли на кормление животных в зверинцах. В пересчете на мясо получалось всего 1.895.934 пуда, т. е. около 30,5 миллионов кг. При этом надо иметь в виду, что учтен лишь забой в пределах города.

Что касается птицы, тут “одесское чрево” принимало дозы тоже довольно изрядные. Кстати, в этой области торговли Привоз также держал первенство среди прочих местных рынков. “На ваш вопрос, сколько приблизительно в день продается на Привозе кур для потребления в Одессе, — пишет любознательный современник, — один опытный торговец ответил: до тысячи пар”. Наивысшая цена за пару хороших кур столетие назад составляла 1 руб. 80 коп. — 1 руб. 90 коп. А росла цена в результате оттока птицы со внутреннего рынка на внешний. Вблизи Привоза находились склады ведущих “куриных экспортеров” — Мунесса, Фишеля, Кашиха, Метаксы и Монтиньяни. Так, первый из них, испанец Мунесс, вывозил в течение летнего сезона (с 1 марта по 1 сентября) в Барселону 68.750 штук, а все пятеро экспортировали 403 тысячи за полугодие, а бывало и больше. Небывалый размах ошипанных крыльев!

Торговля птицей на Привозе велась в 45 специализированных лавках, но “рачительные хозяйки предпочитали

покупать птицу непосредственно с воза“, ибо были уверены, что заплатят дешевле, нежели перекупщикам. Подробно анализируя вопрос птицеторговли на Привозе, местная газета пришла к выводу, что одесситы ежегодно поедают не менее 1.132.800 кур. Годичное потребление куриных яиц ориентировочно составляло 40 млн. штук. Самая высокая цена куриных яиц на Привозе не превышала 25—30 коп. за десяток.

Все это, впрочем, магия чисел. Для реального ощущения положения дел сопоставим приведенные цифры с общим числом горожан — около 300 тысяч. Если теперь оперировать приведенными выше цифрами, получим на душу одного одессита ежегодно: 100 кг мяса, более 110 куриных яиц, а вот самих кур — всего-то штуки четыре. Вообще говоря, оно и так совсем не плохо, но на самом деле означенные продукты питания распределялись среди различных социальных слоев и даже этнических групп неравномерно, в соответствии с материальными возможностями и национальными традициями.

Важно, что со временем Привоз сделался основной перевалочной базой практически всех пищевых продуктов, распространившихся в городе: уже отсюда они растекались по другим рынкам, от оптовиков поступали к средним и мелочным торговцам. Настала пора, когда осуществлено было и солидное внешнее оформление этого центрального одесского базара: появляются каменные магазины, лавки, резничные павильоны, возводится знаменитый “Фруктовый пассаж” — уникальный памятник архитектуры. Описанный многими и многими известными литераторами, Привоз становится местом поистине легендарным, может быть, не самой лучшей, но все же — визитной карточкой города.

Что касается его нынешних реалий, — этим еще предстоит заняться кропотливым исследователям, которые, надеюсь, следуют за нами.

Вести из прошлого

- В цирке Мариани разыгралась сцена, потрясшая нервы зрителей в сильной степени. Гимнаст Ренье стоял вверху на трапеции, когда вдруг сделал из веревки, по которой взобрался наверх, петлю, вложил в нее голову и спокойно объявил, что если Мариани ему сейчас же на месте не заплатит следуемых ему 25 рублей, — он повесится. В публике началось сильное волнение, дети и женщины стали кричать и плакать.

Тут Мариани вынул из кармана пятирублевку, в зале собрали тоже 5 рублей, и деньги были показаны человеку на трапедии. Приманка оказалась свое действие: Ренье спустился, взял деньги и спокойно приступил к упражнениям.

"ДИВЕРТИСМЕНТ", 1910, № 1

- Как факт заносим в нашу хронику, что в настоящее время в Одессе все более и более распространяется употребление рому лицами, до сих пор придерживавшимися водки. Можно думать, что это составляет прогресс по пути к трезвости (...).

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1860, № 6

- Одесские прелести. Район Екатерининской улицы, между Троицкой и Еврейской ул., имеет невероятное количество "меблированных комнат" самого подозрительного свойства; только в одном квартале таких комнат четыре. Есть даже комнаты в подвальном этаже. Жильцы в этих комнатах самого неблагоприятного свойства: большею частью — женщины безобразного вида. Особенно же неприглядно высматриваются какие-то "Американские меблированные комнаты". Неужели же все это существует для украшения центральной части города и притом вблизи храма Божия (греческая церковь св. Троицы)?

"НОВОРОССИЙСКИЙ ТЕЛЕГРАФ", 1880, № 1574

В гостинице, как всегда, мест... есть?

По-видимому, не стоит пространно рассуждать о самых первых известных в городе гостиницах “для чистой публики”. “Отель дю Норд” Шарля Сикара и знаменитая клубная гостиница в доме Жана Рено вошли не только в историю Одессы, но и в “Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина”. Несколько слов лишь об известном рестораторе Цезаре Отоне, воспетом поэтом, поскольку мемуаристы как будто путаются с адресом его заведения: называют то Ришельевскую улицу, то Дерибасовскую, а то и Херсонскую.

Представьте, противоречий тут никаких нет, — просто речь идет о хронологически разных этапах существования ресторации “услужливого Отона”. До 1823 г., т. е. до окончательного переезда Пушкина в Одессу, она располагалась в доме купца Крамарева, на Дерибасовской, близ современного “Пассажа”. Затем в продолжение некоторого времени содержание обособленных ресторанов в Одессе было запрещено, и Отон держал кухмистерский стол (а фактически — тот же ресторан) при отеле Рено. В дальнейшем же он управлял рестораном при “Ришельевской” гостинице, стоявшей напротив дома Рено, где ныне — Дворец бракосочетания.

По мере роста Южной Пальмиры и становления ее как модного курорта приток капитала в нишу бытового обслуживания усиливается, число гостиниц и ресторанов неуклонно растет. В середине прошлого века, правда, по-настоящему комфортабельных гостиниц европейского уровня было еще не так много. А потому взыскательному клиенту в это время порой приходилось тужить. “Мы долго ездили по городу, — писала Олимпиада Петровна Шишкина, фрейлина русской императрицы, автор нескольких исторических романов, — все лучшие гостиницы заняты приезжими; только в “Петербургской”, в третьем ярусе, нашли за шестьдесят рублей ассигнациями в неделю две комнаты

с прихожей. И дорого, и тяжело ходить так высоко, но комнаты чистые и веселые, и мы особенно обрадовались балкону, на котором тотчас сели, прежде всего спросив не чаю, а мороженого“. Вглядываясь в морские дали за густыми аллеями бульвара, памятником Ришелье и “огромной лестницей из триестского камня“, наша путешественница и вовсе разомлела и стала нахваливать такую юную и такую блестящую Одессу.

“Санкт-Петербургская“ гостиница размещалась в правом полуциркульном здании (если стоять лицом к морю); в первом этаже, рядом с памятником Ришелье находился содержащийся при ней роскошный ресторан. Руководил всем этим комплексом Р. Донати. В 60-е годы XIX столетия с постояльцев тут взималось от рубля до пяти в сутки. К числу фешенебельных уже тогда относилась и сохранившаяся до сих пор в перестроенном виде гостиница “Лондонская“ (ныне — “Одесса“), с рестораном. Содержатель ее, некто Паскаль, был вовсе не физик, но тоже по-своему знаменитый своими законами и правилами (обхождения с клиентурой) человек. Обходительность эта стоила дороже — до семи рублей в сутки с квартиранта.

Хороша была и “Европейская“ гостиница, располагавшаяся по улице Преображенской, 24, где сейчас — библиотечный корпус Одесского университета. Содержатель ее, до сей поры памятный одесситам, также носил громкую фамилию — Вагнер, истинный композитор в области гостинично-ресторанного искусства. Сначала он променял эту свою гостиницу на старинный корпус Ришельевского лицея по улице Дерибасовской (сие строение до сегодняшнего дня именуют домом Вагнера), а потом, благодаря ему, напротив старого места, у пересечения Преображенской и Херсонской, расцвел целый куст превосходных отелей — “Виктория“, “Савойя“, “Гранд-Отель“. Свое детище “Викторию“ дальновидный и аналитичный Вагнер оборудовал на загляденье. Едва ли кто другой из его коллег с таким вниманием и даже упоением вникал во все гастрономические тонкости гостиничного ресторана. В “Виктории“ не только служба изысканлась по-немецки, по-французски, по-польски, но даже... повара. Традиционные национальные кушанья удовлетворяли запросы как этнически пестрого одесского населения, так и “интуристов“.

В реестре второклассных гостиниц — “Новороссийская“ (от рубля до четырех в сутки), “Парижская“ (75 коп. — 3 руб.), “Белый лебедь“ (50 коп. — 2 руб. 75 коп.) и уже упоминавшаяся “Ришельевская“ (50 коп. — 2 руб.).

При всех этих гостиницах функционировали рестораны. Более скромные по тем временам цены запрашивали владельцы постоянных дворов — “Ревельский порт”, “Кавказ”, “Россия” (все — на Садовой улице), а также “подворьев” (Ширяев, Сапожников и Воробьев) — на Поллицейской. Гостей города почти за символическую плату в несколько копеек готовы были приветить в любом из городских предместий, впрочем, подобный постой был далеко не безопасен.

Из числа кофеен выделим знаменитую аристократическую Замбрини (впоследствии — Печеского) в Пале-Рояле, славную особым приготовлением мороженого, кофе и шоколада, а также располагавшиеся рядом “Коммерческую” и “Канна” (в театре). До расцвета кофейни Фанкони негодичанты, биржевики, судовладельцы и “морские волки” собиравшись в заведении Новака и “Биржевой” кофейне, находившихся в начале Рипшелевской улицы. Помимо кофеен, в центральной части города имелось немало кондитерских (Альбрехта, Баргетци, Кальгера и др.), а промочить горло можно было в “пивных залах” (Николаи, Ротте, Степанова и т. д.).

Дать хотя бы беглое описание всем гостиницам и ресторанам конца XIX — начала XX вв. вообще не представляется возможным. Не будем даже трогать статистический 1913 год, обратимся к информации по этому вопросу столетней давности. Итак, в это время в городе действовало... В районе Бульварного участка — 24 гостиницы с ресторациями, 7 кафе-ресторанов, 6 кофеен, 14 буфетов и 76 трактиров и отдельных ресторанов. В районе Александровского участка — 7 гостиниц с ресторанами, 2 кофейни, 6 буфетов и 82 трактира и ресторации. В районе Херсонского участка — 5 гостиниц с ресторанами, 1 буфет, 1 кафе-ресторан, 1 кофейня и 65 трактиров и ресторанов. В районе Петропавловского участка — 3 гостиницы с рестораном, 1 буфет, 102 трактира и ресторана. В районе Михайловского участка — 2 буфета, 65 трактиров и ресторанов. За бывшей Тираспольской заставой — 13 трактиров и рестораций. В районе Пересыпского участка — 3 буфета, 17 трактиров и рестораций. За бывшей Херсонской заставой — 25 трактиров и рестораций. В районе Дальницкого участка — 5 трактиров и рестораций. Если переводить все это в питейные заведения, то всего их получается 534, но это — капля в море, поскольку в расчет не принимались ни ренсковые погреба, ни штофные и прочие лавки...

И все-таки назовем несколько наиболее известных гостиниц и рестораций, пользовавшихся популярностью хотя

бы в среде известных людей, посещавших Одессу. Начнем, скажем, с гостиницы "Имперяль" (нынешняя — "Спартак"). Не ведаем, сколько "гостей города-героя" (или все-таки экс-героя?) ухитряются втискивать сюда ныне, но при содержателе А. Ф. Шклярове здесь имелось 54 номера. Зато в полном смысле слова комфортабельных. Обслуживающий персонал традиционно владел в необходимом объеме четырьмя языками. У крыльца наготове стояли "экипажи для встречи поездов и пароходов и для прогулок", предлагались табль-доты в ресторане по умеренным ценам. (Примечание: табль-дот — это что-то вроде комплексного обеда по форме, но не по содержанию).

"Лондонскую" гостиницу содержал Жюль Кошуа, оформивший интерьеры с необычайным изяществом и вкусом. Здешний ресторан традиционно имел высокое реноме. К услугам гостей всегда готовы были не только экипажи, но и омнибусы. "Европейская" гостиница, как бы репрезентовавшая бывшую вагнеровскую, в 90-х гг. XIX ст. находилась на пересечении Пушкинской и Ланжероновской улиц. Ее шеф Адольф Магенер также держал превосходный ресторан, которым не брезговали именитые горожане.

Как и "Большая Московская", сохранила свое давнее имя и гостиница "Центральная", против Соборной площади. В конце XIX века содержателем ее был А. А. Великанов, предлагавший 102 отличных номера по таксе от 75 коп. до 4-х руб. в сутки, а также "обед из четырех блюд и чашки кофе за 70 копеек, напитки — по умеренным ценам". Отменной службой славилась "Северная" гостиница А. Яшука в Театральном переулке с самым респектабельным рестораном и зимним садом. Именно в этом ресторане проходили обеды и ужины, посвященные пребыванию в Одессе известных людей своего времени (Чайковский, Айвазовский, Островский и т. д.), торжественные юбилейные вечера различных учебных, научных, спортивных, благотворительных обществ, встречи бывших офицеров, ветеранов обороны Севастополя, Турецкой кампании и т. д.

Упомянем еще уютную "Крымскую" гостиницу на Сабанеевском мосту (номера — от рубля до трех) с небольшим изящным садиком. В этой гостинице также останавливались знаменитости: ныне на этом месте — и это символично — музыкальная школа имени Столярского. В самом деле, одесские гостиницы видели Щепкина, Белинского, Гоголя, Пирогова, Мочалова, Заньковецкую, Сарру Бернар, Шаляпина, Вертинского, Куприна, Гумилева, Чехова, Сенкевича, Лесю Украинку...

Говоря о размещении приезжих, мы даже не коснулись дачных местностей, многочисленных пансионатов при частных и городских лиманно-лечебных заведениях. Не вспомнили ожерелье ресторанов и кафе-шантанов, блиставшее вдоль приморской полосы — от Люстдорфа и Большого Фонтана до Аркадии и Ланжерона. “Бель-Вю“, “Шато-де-Флер“, “Эльдорадо“... Фейерверки, маскарады, канкан, “сумерки в природе, флейты голос нервный, позднее катанье...“. Всему хватало места под высоким небом Столицы Юга.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Мы... въехали в новый порт Одессу, следующее сколько-нибудь значительное место на этом побережье от турецкой границы; и в самом деле оно обещает быть значительным, если запланированное будет надлежаще исполнено... генералом Волланом и вашим старым другом вице-адмиралом Рибасом, который так долго служил с вами в Кадетском корпусе и теперь является командиром этого порта и галер, какие в нем будут расположены. Вы знаете, что турецкое название этого залива, или бухты, было Аджибей; но ее императорское величество изменила его в Одессу, кажется, с намерением сохранить древнегреческое имя порта и города, некогда располагавшегося на этом берегу... Но вернемся к новому порту, от которого увело меня древнее его название прежде, чем я закончила его описание. Насколько я могу судить, он представляется большим и важным предприятием, нечто вроде Шербура во Франции; оба места требуют защиты от бушующего моря: прежде, чем порт может быть построен, создается искусственный фундамент — отсылаются камни и обшиваются деревом, — что помогает укротить морскую стихию... Сам город Одесса обещает быть не хуже порта, т. к. он создается с использованием того же красивого известнякового камня, что и в Николаеве, который придает сооруженным впечатляющий внешний вид.*

М Э Р И Г У Т Р И, 1795 г.

Что такое универмаг?

Странный вопрос, однако едва ли как одесситы, так и гости города представляют себе универсальный магазин в полном смысле этого слова. Когда бы место позволило нам более-менее полно рассказать о разнообразных магазинах старой Одессы, их фантастическом ассортименте, получился бы сериал не менее захватывающий, нежели "Богатые тоже плачут", "Санта-Барбара" и иже с ними. Опыт бестселлера всех времен и народов "Робинзона Крузо" убедительно доказывает, что читающей публике особенно близки и дороги... текстовые описания (реестры) самых обыденных, прозаических бытовых предметов. Воспользуемся же этим успешным опытом и приступим к описанию некоторых чудес дивной и давней Южной Пальмиры.

Мануфактурные и "модные" магазины. В разные эпохи существования города в этой отрасли подвизалось немало толковых коммерсантов, прежде всего — В. Т. Пташников, о котором мы расскажем особо. Но первый большой успех выпал на долю Марии Ивановны Страц. Эта мудрая и энергичная женщина стала снабжать тканями и готовыми платьями всю Новороссию. Магазин ее, основанный еще в 1818 г., был крупнейшим в пушкинское время, им не брезговали Воронцова, Нарышкина, Собанская, Зонтаг и другие дамы высшего света.

Заведение оказалось не только живучим, "долгоиграющим", но и эволюционирующим к лучшему: в 50 — 60-х гг. прошлого столетия "Европейский базар" М. И. Страц вполне соответствовал своему громкому имени и мог соперничать с подобными торговыми точками западных столиц. Располагался магазин в тогдашнем элитарном торговом центре Одессы Пале-Рояле, на Театральной площади. Вот перечень некоторых товаров, предлагавшихся "Европейским базаром": "шелковые материи, черный и цветной бархат, французские шали, полотна, столовое белье, ку-

тили разных рисунков, перья, мадаполам, кембрик, нансук, пике, жаконет, кисея, шерстяные материи, попелин, альпаг, модные шелковые материи, бареж, батист, полотняные и батистовые платки, чулки, носки, галстуки, мужские и дамские рубашки, ковры, мебельные материи, занавеси, одеяла шерстяные и пикейные, драдедам и кастор; здесь же большой выбор готовых дамских нарядов“.

Я вижу, что читатель и в самом деле начинает смеяться: универмаг — совсем не то, к чему он сизмалства привык.

Надо сказать, что нашей Марии Ивановне и ее славному “базару“ пришлось иметь дело с весьма и весьма серьезными конкурентами, как по части мануфактурной, так и по готовой одежде. Среди первых обязательно упомянем магазин известной компании “Беллино-Фендерих“ (вспомним популярную в старой Одессе песню: “На Приморской улице Фендриха завод...“). Этот магазин был основан на два года позднее, чем “Европейский базар“, однако выбор товаров здесь был не хуже: шелковые, шерстяные и бумажные ткани, “шали, бархат, сукно, кастор, трико, кутил, полотно, столовое белье, шитое белье для дам и мужчин, мебельные материи, ковры, занавесы и друг.». (Вот это “друг.“ нас сильно смутило: возможно, в друзья навязывались сами хозяева?). Реализацией мануфактуры в то же время занимались и такие “волки“, как “Эгиз и Вармас“, “А. Люльки и К“, а также “потомственный почетный гражданин Аполлинарий Павлович Аристархов“, не говоря уже о рыбешках помельче.

Что касается так называемых “модных магазинов“, тут всыскательную клиентуру попросту приходилось брать с боем. В свое время город буквально заполонили модельеры из благословенного Парижа, и оккупация подобного рода не была таким уж тяжким бременем для местных аборигенов. Судите сами, в начале 70-х гг. XIX ст. в городе одновременно функционировало три одноименных магазина “Парижские моды“: госпожи Гранж, г-жи Ленур и г-жи Манжен, причем все эти салоны располагались на Дерибасовской. На этой же знаменитой улице, отнявшей пальму первенства у некогда главенствовавшей Риппельевской, находился и “Французский магазин модных вещей для дамского и мужского туалета А. Леруа“. На Екатерининской площади размещался “Модный магазин“, хозяйка коего носила громкое экзотическое имя “г-жа Адель де Задурович“. В Пале-Рояле помещались заведение г-жи Рубо, магазин кружев, белья, вышитых вещей, занавесей и голландского полотна А. Деппер, салон корсетов Луи Дрона.

Наиболее шикарный салон дамской одежды, доживший до самой революции, принадлежал мадам М. А. Озерской и размещался на Екатерининской площади, номер два, в доме князя Гагарина. Здесь предлагалось множество самых свежих моделей платьев, костюмов, манто, жакетов, шляп, корсетов, доставлявшихся непосредственно из Парижа, Вены, Берлина, Лондона. Услугами Марии Озерской пользовался весь одесский бомонд. И не случайно: образцы мод "от Озерской" были удостоены ряда дипломов на крупнейших европейских вернисажах.

Никак нельзя обойти молчанием когда-то знаменитую в Одессе модельершу Томазини, истинную кудесницу в своем деле. Подумать только, ей целовали ручки аристократки голубых кровей! "И, действительно, — свидетельствует современник, — Томазини одевала своих фавориток с таким вкусом, что они тотчас отличались от других туалетов. Г-жа Томазини, покончив с Одессой, удалилась в Париж и зажила роскошно, в собственном отеле, с ливрейным швейцаром".

Не менее преуспели другие мастера модно одевать — Тембюте, Ленгле, Верель. Но как потешается над этими заносчивыми господами знаменитый пересмешник, "польский Вальтер Скотт" Юзеф Игнаций Крашевский: "Здесь можно увидеть... европейца, которому скроили платье по образцу Хумана из Парижа Ленгле и Тембюте, наимоднейшие портные в Одессе, по воле моды позволяющие себе полгода шить фрак, который дожидаящийся заказчик находит тесным и немодным".

На Ришельевской и Дерибасовской располагались также специальные косметические магазины — Кохлера, Гудшона, Залесского. "В магазине Гудшона можно иметь во всякое время: помады для растения волос из гусиного жира и другие. Кольд-крем и губная помада. Фиксатуары. Глицерин душистый. Белила и румяны. Кориновая вода от веснушек и огуречное молоко. Мыло разных сортов здешних и заграничных. Духи и одеколоны. Краска для волос. Бензин для выводки пятен из материй. Мыло для выводки пятен. Пудра и марсазит. Курительная эссенция для комнат... Щетки для платья, для паркетов и полов, а также сапожные. Щетки головные, щетки для зубов и ногтей...".

...Была когда-то в нашем славном городке хорошая традиция, скорее даже правило: одесские обыватели имели полную информацию обо всех товарах, проходящих через порт. Даже и в том случае, когда партия товара была самой мелочной: скажем, пять-десять бутылок вина, связка книг, нот или один музыкальный инструмент. В местной газете

давался полный реестр грузов и значились имена грузополучателей. Вследствие этого, горожане никогда не паниковали и не запасались впрок мылом, консервами, крупами и сухарями. Они абсолютно точно знали, что, допустим марокканские и алжирские цитрусовые всегда можно приобрести у Ризнича, греческие вина — у Маразли, уголь антрацит — у Моберли, английский текстиль — у Ревиллиода, табак — у Лонгинова и Морозова, книги — у Коллена и т. д. Если бы можно было путешествовать во времени и рассказать нашим предшественникам о припрятывании товаров в наши дни, этот факт, верно, удивил бы их куда больше, нежели сама возможность перемещения во времени.

В годы порто-франко Одессу называли “дешевым городом”. Это верно лишь отчасти — в отношении пищевых продуктов, дешевизна которых и в самом деле приятно поражала приезжих. И, главное, ассортимент-то какой многообразный, экзотический: цитрусовые, свежие овощи, фрукты, бахчевые, сыры, приготовленные по французским образцам, окорока и колбасы — по немецким, “дары моря”, начиная от устриц и кончая катранами, колониальные товары: все это было большой редкостью на столе во “внутренних губерниях”. Правда, покупка жилета, сорочки, башмаков становилась предприятием поистине разорительным для человека малообеспеченного. Но чтоб в те годы кто-нибудь не мог позволить себе кружку молока, стакан сметаны, полфунта масла...

“Молоко от “Новодворского” молочного хозяйства. Во избежание подделок и недоразумений, прошу гг. потребителей и заказчиков цельного молока и сливочного масла моей фермы обращаться с заказами и оставлять свои адреса прямо в контору Малаховского: Ришельевская, № 12, угол Греческой. Всякая бутылка снабжена этикеткой, а развозчик — фуражкой с надписью: “Новодворское молочное хозяйство. Развозчик”. Вот так ухитрялись некогда “делать бизнес” в нашем жуликоватом городе, торговцы которого вроде бы пользовались далеко не лучшей репутацией...

Минуло порто-франко, однако и позднее Одесса не осталась без достойных продовольственных универмагов. Не станем даже упоминать знаменитый магазин Дубинина, и поныне сохранивший свое имя в народе: подобной чести удостоился в нашем городе разве что еще дом Папудова на Соборной площади. Назовем еще крупнейшие продовольственные универмаги старого центра, принадлежавшие Актарову, Еригову, Крапивину (все — на Дерибасов-

ской). Последний владел также большим магазином на Рижельевской; вот перечень товаров, реализуемых по умеренным ценам и без всякой связи с пропиской покупателя: "Сахар разных фабрик, чай кантонский и кяхтинский, кофе, свечи стеариновые, масло: прованское, ламповое, машинное, подсолнечное, мука, крупа разных сортов, макароны; закуски, как-то: сыр разных сортов, анчоусы, сельди голландские, икра, оливки, каперсы, сардинки, балык, пикули, горчица, уксус и проч. Миндаль, изюм, конфеты, разных сортов варенья, водки разных сортов завода Абазы, крымское вино и карты".

Другим универсальным торговым центром издавна была Греческая улица, где располагались, скажем, бакалейный магазин Р. Мандзавино и знаменитый "золотой окорок" — Всемирная мясоварня и депо сыра пармезана Иоахима Мариани". Здесь торговали вкушностями невообразимыми (наберись мужества, читатель!): "Разные консервы, сыр горгонцолла, стракино, голландский, швейцарский и прочие, итальянские колбасы, ветчина С. Даниэля, галантин и проч.". На Греческой же находилась одна из наибольших точек винной и бакалейной торговли А. Л. Дрона, реализовывавших во всякое время "икру паюсную малосольную по 1 руб. 40 коп. за фунт". Публика поплотнее пользовалась услугами менее респектабельных поставщиков, торговавших в мелочных лавках, а то и на дому, предварительно поместив в газете объявление вроде этого: "Окорока настоящие литовские, масло подольское, свежее и соленое, совершенно чистое. Цены понижены. Угол Гулевой и Ямской, дом № 78, Соколова, кв. 3).

Кажется, вы уже начинаете догадываться, что же на самом деле означает слово "универмаг". Правда, вы еще не знаете, что это за такие "каперсы" и "пикули", какими торговала фирма Крапивина. Признаюсь откровенно: я этого тоже не знаю. Должно быть, очень вкусно...

Вести из прошлого

- Знаете ли вы, что такое одесская грязь? Возьмите грязь вашего скотного двора, помножьте ее на грязь Ляховского базара и произведение разведите водою, разлитую возле корыт ваших водопоев, — тогда вы получите настоящую одесскую грязь.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1865, № 6

● При всех неудобствах нынешних новых кредитных бумажек, оказывается, что трехрублевые депозитки отличаются еще и особым качеством: зеленая краска, которой они покрыты, при трении чем-либо мокрым сходит; стало быть, есть основание думать, что окраска эта должна при обращении выцвести, а в воде вылинять до совершенно белого цвета. Главное же неудобство всех новых кредиток состоит в том, что лицевая сторона их одинакова, и сплошь и рядом случается, что вместо бумажек одной ценности дают другую, иной ценности.

"ОДЕССКИЙ ЛИСТОК", 1889, № 91

● В квартиру домовладельца Шпигеля, проживающего по Николаевской дороге, в ночь под Новый год забрались несколько злоумышленников и, похитив у него множество ценных вещей и платья и 140 рублей, скрылись, оставив на столе записку следующего содержания: "Поздравляем Вас с Новым годом и берем на чаек некоторые вещи. Не будьте в претензии".

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1890, №2

● Вчера выписалась из Городской больницы совершенно оправившаяся Щербинина, которая вместе со своей кумой и знакомой объелась в "Ардагане" блинами.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1891, №62

● Местный мясопромышленник Д. Бенетато заявил вчера мясникам, что несмотря на высокие цены на скот на рынке, он будет продавать им для продажи в розницу мясо не дороже 4 руб. 20 коп. пуд. Этим г-н Бенетато думает предостеречь могущее произойти неимоверное повышение цен на мясо.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1891, №70

● Содержательница бань на Ближних Мельницах Ефимова заявила полиции, что муж ее покушался отравить ее, для чего всыпал яд в водку. С своей стороны, Ефимов заявляет, что не он, а жена его хотела отравить. По этому делу производится следствие.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1891, №142

● Безобразие на Польском спуске. В доме Вальчевского на Польском спуске приютилось множество проституток, которые, чуть наступает вечер, не дают проходу положительно ни одному мужчине, таща его за рукава к себе. Такое безобразие в центре города, нам кажется, не должно иметь места. Здесь проходят подростки, на которых подобные сцены могут влиять с нежелательной стороны.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1893, №174

Почем “ пляшка файного бухла”?

Есть вещи, которые трудно, почти невозможно вообразить. Ну что такое, скажем, 247 сортов вин плюс полторы сотни сортов коньяку, рома, ликера, водки и других горячительных напитков, не считая пива? Это же Бог знает что такое. Особенно, если все это собрано в одном магазине. Недаром же вояжеры, посещавшие Одессу в разные годы, искренне радовались возможности побаловаться разнообразным и недорогим товаром многочисленных ренсковых погребков, кабачков, трактиров и прочих питейных заведений, при этом вызывая скептическую улыбку взыскательных горожан.

Можно было бы вспомнить не только Пушкина, воспевшего знаменитого ресторатора Отона, но, скажем, Г. П. Данилевского, подробно излагавшего в своих мемуарах, за сколько копеек и в каком именно одесском кабачке потребил он рюмку хереса или мадеры с бисквитом. Удержусь в этом случае от цитирования, ибо подобные пассажи, как правило, вызывают обильное слюноотделение.

Любопытно, что уже во второй четверти XIX ст., несмотря на значительный экспорт испанских, французских, итальянских, греческих и прочих вин, местные виноделы и предприниматели также добиваются ощутимых успехов. На рынке появляются качественные бессарабские и крымские вина (скажем, из имений М. С. Воронцова), полученные не без участия зарубежных, в особенности швейцарских, специалистов. В это время за Тираспольской карантинной заставой уже функционировал завод шампанских вин, перешедший в 1850 г. к крупному виноторговцу Ивану Изнару.

Из прейскурантов, помещенных в “Одесском вестнике”, видно, что бутылка шампанского продавалась за рубль, полбутылки — за 55 копеек. Оптовой продажей занимался другой известный в городе коммерсант — Л. Вакье, а розничной — А. Посохов. Разумеется, и тогда в Одессе торговали также импортным шампанским: так, агентом знаме-

нитого Луи Редерера в конце 40-х годов здесь был некто Лабаррер.

Сто лет назад в Одессе исправно функционировало 534 питейных заведения (ресторации, в том числе — при гостиницах, кафе-рестораны, кофейни, буфеты, трактиры), не считая многочисленных погребков. Если же попытаться хотя бы бегло перечислить представительства и отделения фирм, товариществ, торговых домов, предлагавших разнообразные крепкие напитки, мы окажемся в большом затруднении. В самом деле, только по “коньячному ведомству” — около двух десятков известнейших европейских поставщиков, в том числе Штауб и К, Герберт фон Шварцвальд, Турнер и К, Сараджевы, Шустов и Сыновья и т. д. Нисколько не преувеличивая, можно говорить о том, что в нашем городе без малейшего напряжения можно было отыскать лучшие в мире вина, коньяки, ликеры, наливки и пр.

В каноническом 1913 году в Столице Юга имелось около двух с половиной сотен исключительно виноторговых точек, в их числе — с такими экзотическими именами, как “Замок Тамары”, “Стелла”, “Хуторок” и др. Кроме того, здесь действовало около ста номерных (казенных) винных лавок: №№ 508 — 608.

Надо отметить, что и при самой серьезной конкуренции извне город имел СВОИ винокуренные (наследники В. И. Богдана), коньячные (“Золотой колокол”, Эльман, Рейфман и К), водочные (“Золотой колокол”, Розенберг и К), пивные (Санценбахер; Енни; Кемпе) заводы. И, насколько можно судить, все они как-то уживались не только друг с другом, но и с иногородними производителями, находили свое место, свою нишу на рынке сбыта.

Чтобы получить хотя бы самое общее представление о том, что же конкретно мог приобрести в “ликеро-водочных магазинах” всякий горожанин, обратимся к раритетному прейскуранту 1915 года, переданному в наше распоряжение известным одесским библиофилом и краеведом Виктором Семеновичем Фельдманом. В нем — реестр товаров славного магазина-салона Цезаря Гинанда, существовавшего с 1856 г. и располагавшегося по улице Греческой, 30. Изящный этот магазинчик сохранился по сегодняшней день. На мраморных подоконниках отчетливо различима надпись “Ц. Гинанд”, по-русски и по-французски. Правда, товар здесь давно уже совсем не тот...

Да, так вот, перечень товаров, предлагаемых этим магазином, занимает около 18-ти страниц машинописного

текста! А посему мы приводим лишь, так сказать, “выжимки” из этого “собрания сочинений”.

Бордосские красные вина (Шато Лафит, Шато Марго, Шато Латур и др.) — 28 сортов; бордосские белые (Шато Икем, Го-Сотерн и др.) — 18 сортов; бургонские красные (Кло-де-Вужо, Шамбертен и др.) — 15 сортов, бургонские белые (Мон-Раше, Шабли и др.) — 8 сортов; рейнские (Рюдесгеймер, Либфраумильх и др.) — 21 сорт; венгерские (Рустер, Токайское и др.) — 14 сортов; испанские (Херес Амонтильадо, Мадера Империяль, Портвейн Старый, Малага Старая и др.) — 34 сорта; бессарабские (Вен-де-Кот, Вен-де-Грав, Сен-Жорж и др.) — 12 сортов; кавказские (Кахетинское, Рейнское и др.) — 5 сортов; крымские (Рислинг, Мускат-люнель, Сотерн и др.) — 15 сортов; сладкие (Мускат Ривезальт, Фронтиньян, Клерет и др.) — 19 сортов; разные (Лакрима Кристи, Лиссабонское, Педро Хименес, Вермут Французский и др.) — 16 сортов; итальянские (Марсала, Кьянти, Асти Спуманте и др.) — 8 сортов; шампанские заграничные (Г. Г. Мумм Карт-бланш, Луи Редерер Аи, Клико сладкий и др.) — 29 сортов; шампанские русские (Дуаэн, Эксельсиор, Кабинетное и др.) — 7 сортов...

Нет, тут определенно пора прерваться, ибо, дойдя до “Шартреза”, “Кюрасо” и “Шерри Бренди”, мы рискуем нанести ущерб здоровью слишком эмоционального читателя, что, конечно же, не входит в наши планы.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Одесса (город Улисса), в 70 верстах от Очакова, на том месте, где был Аджибей... На том месте, где он образует как бы отдельный бассейн, с помощью двух молов устроен порт. Первый мол (меньший) окопан. В настоящее время начали строить второй мол, который в будущие времена даст полную безопасность от ветра... На возвышении, господствующем над городом и портом, возведена одесский крепость; четыре батареи ярусами спускаются к морю. В городе, в котором год тому назад не было ничего, насчитывается уже до тысячи каменных домов. Устроены каменные казармы на 10.000 человек, военный госпиталь и карантин, магазины для адмиралтейства. На воду уже спущены три корабля будущего легкого флота. Построены магазины для соли. Город открыт ветру со всех сторон, но воздух здесь здоровый; много источников. Пока малочисленный легкий флот перевозит соль из Крыма в Одессу...

БАРОН ДЕ ЛА Турби и д, 1796 г.

Какие чаи гоняли наши дедушки?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, автору настоящих “штудий” пришлось расстаться с иллюзиями, будто он что-нибудь знает о чае — напитке, подкрепляющем нас ежедневно. Итак, трактат о чае.

Кто бы мог подумать, что в свое время Одесса была “чайной столицей России” — одним из крупнейших мировых центров, принимавших и перерабатывавших сей “колониальный товар”? Так, в начале века в наш город поступало 4,75 млн. кг чая, а в Петербург — только 3,16. Значительная часть китайского и индийского чая приходила в Россию как раз через одесский порт, причем объем экспорта за минувшее столетие увеличился в 50 раз! В самом деле, кто теперь в это поверит?

И дело, разумеется, не столько даже в количестве, сколько в качестве чая, предлагаемого одесскими предпринимателями. Для начала клиент мог выбирать товар по географическому признаку, исходя из собственных представлений о наилучших условиях произрастания чайного куста, традициях его культивирования в той или иной стране — Британской Индии, Голландской Индии, Китае, Цейлоне, Яве, Японии и др. Что касается сортов, — держись читатель, наберись мужества...

Давайте посмотрим, что предлагала, скажем, известная одесская фирма Г. Крапивина и А. Киевского, торговавшая кантонскими чаями, т. е. чаями, доставлявшимися из важнейшего южно-китайского порта Кантона (Гуаньчжоу). Черный — 7 сортов, цветочный — 5 сортов, лянсин — 4 сорта, зеленый — 5 сортов, желтый — 3 сорта. Назовем лишь экзотические наименования сортов зеленого чая: ароматический, высокий ханский, жемчужный, фучанский, шанхайский. Нам, потребителям, привыкшим к одному сорту чая, именуемому чаем, трудно представить себе, что цена на один и тот же напиток может варьировать в пределах от одного до десяти рублей за фунт...

Дому градоначальника, построенный в 1829 г. на месте дома Ришелье.
(Теперь Ришельевская гостиница).

Одесса
Odessa

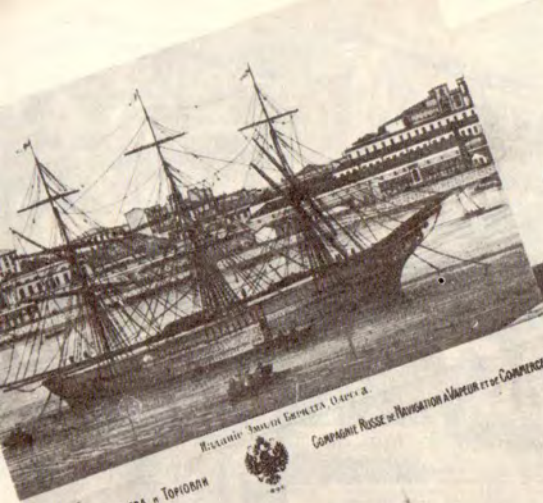
Гостиница "Виктория"
Hotel Victoria

ОДЕССА. Главный вход Гостиницы Бристоль со Пиромовской ул.
ODESSA. Facade frontale du hôtel „Bristol“ vue de la rue Ponomarev.

Одесса.—Одесса. № 7.
Гостиница "Паша".

Русское Общество Пароходства «Торговля»

Изданіе: 1904 г. Бюро: Одесса.

COMPAGNIE RUSSSE DE NAVIGATION A VAPEUR ET DE COMMERCE

Одесса. Учебное судно «В. К. Мария Николаевна»

Русское Общество Пароходства «Торговля»

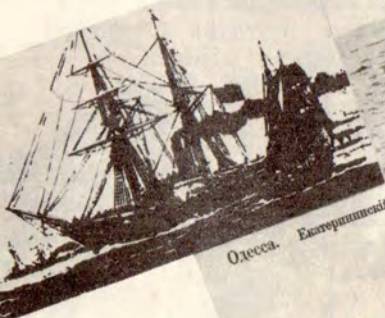
Пароходы «Царина»

COMPAGNIE RUSSSE DE NAVIGATION A VAPEUR ET DE COMMERCE

Paquebot «А»

Пароходы «Абонь»

Одесса. Екатерининский Яхт-Клубъ.

А.А. Як.
РОЙТМАНЪ
УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ.
Иркутская, 72, телефонъ 58-28

Придворный ювелиръ
К. ФАБЕРЖЕ
ЗОЛОТО БРИЛЛАНТЫ СЕРЕБРО
ОБЩАЯ
И. СЕРВЕЛЛОВСКАЯ Д.
Петербургъ, Москва, Киевъ,
Иркутская контора, Пенза.

Stadt-Polizei.

Городская Полиція.

Модельно-Модерная одежда
Б.Р. НЕОФИТЪ
Фабрика Хуторская № 20.
Дачинская площ. № 1.
Магазинъ: Ново-Рыбная, 68.
Телефонъ № 1322

Rue Preobrajenska.

№ 4 Одесса. Улица Кондратенко (Полицейская).
Odessa. Rue Kondratenko (précédemment rue de la Police)

Преображенская УЛИЦА.

САЛОНЪ ШЛЯПЪ
№ РАШЕЛЬ
Ришельевская ул., домъ № 13, кв. 10
примите магазинъ Брендана
SALON
de Modes Parisiennes
№ RACHEL
Richelieu № 9

ОДЕССА. ПРЕБРАЖЕНСКАЯ УЛ. 41

ОДЕССА **ГЛАЗА**

Н. АЛЬТШУЛЕРЬ
Ул. Жуковского (Почт., 34) во дворе

Цѣна 75 коп.

ОЧКИ И ПЭНСЭ

из французских оптических заводов.
Точное выполнение по рецептам с. врачей.
Наивысшего качества — 2 р. Среднего качества — 3 р. 50 к. Высшей работы — 4 р. 50 к. Французские оптические заводы. Спешите скупить с 2 до 50 р.

Возьмите оптический аппарат, чтобы избежать
или избежать неприятностей

Одесское Общественное Искусственное Минеральных Вод

Учрежден в 1829 г.

ПРАВЛЕНИЕ:
Ул. Потаповской победы, 11
Телефон № 11-4

**КРАСИВЫЕ
УСЫ**
ЕСТЬ ЛУЧШЕЕ
УКРАШЕНИЕ
МУЖСКОГО ЛИЦА.

Если вы хотите иметь усы
у вас только один способ
узнать, то не упустите.

ОДЕССА. Е. СОНТАТ. Ст. Восточноевропейского Храма.
ОДЕССА. — Grande Fontaine, Station du Tramway électrique.

ОДЕССА. — Е. СОНТАТ. Ст. Восточноевропейского Храма.
Городской автобус

Русские Автомобильные Общество Автомобилей

"ФИАТ"
Fabbrica Italiana Automobili Torino.

Отделение в Одессе
Екатерининская № 33. Телефон № 53-70.

ПРИВѢТЬ

В. Любарскому
г. Кондратенко 33
Одесса
Одесса

ИЗЪ
ОДЕССЫ

Садитесь
на
электричку

ПРИВѢТЬ
ИЗЪ ОДЕССЫ

Видна портъ отъ парадника Ривалье

ПРИВѢТЬ

ИЗЪ

ОДЕССЫ

ОДЕССА

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

AMERIKANISCHES KUNSTWERK

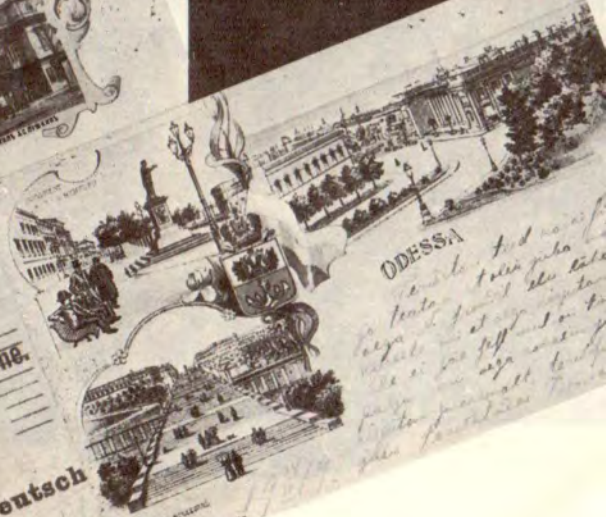
AMERIKANISCHES KUNSTWERK

Hamburg-Amerika-Linie
Hamburg

Drucksache.

An die Redaktion

Odessaer Deutsch

ОДЕССА

Handwritten text in Russian script, partially legible, mentioning 'Одесса' and 'Торговля'.

АДМИРАЛЪ
ЮСИФЪ ДЕ-РИВАСЪ.

Градоначальникъ
А. И. Левшинъ.

Присланъ А. Левшинъ

Биржа.

Ита, льянская улица

Новая Синагога.

Новая Синагога.

Покровская церковь.

Одесса. № 133.
 Grand Hotel Europeen
 le champagne de Henri Rederer.

Рекомендуется
 ШАМПАНСКОЕ
 ЭКСЦЕЛЬСЮРЬ
 КОНЬЯКЪ
 ФЕНИКСЪ
 Продается вездѣ.

Кофейня Фанкони.

Odessa.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
 «Наслѣдники А. М. попова»
 въ одессѣ
 РЕКОМЕНДУЕТЪ ПАПИРОСЫ
 «САЛЬВЕ»
 съ иллюстрирующимъ мушкетеромъ
 10 шт.—15 к. 10 шт.—10 к. 10 шт.—6 к.

Заводъ основанъ въ 1862 году
 ПИВОВАРЕННЫЙ ЗАВОДЪ
 ТОРГОВАГО ДОМА
Ф. ЕННИ и Ко
 въ одессѣ.
 Заводъ исполняетъ немедленно и тихо доставляетъ
 въ города на волѣ, а иностраннымъ порту-
 галемъ на ст. м. «Дарска» и въ гавани.

Пивоваренный заводъ Ф. ЕННИ и Ко, въ Одессѣ.

1910 г.

Поздравляю съ Новымъ Годомъ!

ФАБРИКА ПЕШИИХЪ НАРЯДОВЪ.

М^{те} Марія Озерская, Одесса.

ШЛЯПНЫЙ МАГАЗИНЪ
П. ВАДКОВЪ
въ ОДЕССѢ,
Екатериновская, д. Греческого Училища, рядомъ съ кондитерской Фабрикой.

Софья Бяковитой — "Золотая Ручка"

М^{те} СЕТИНА
Модистка
Пешая и сѣдлая

ВѢРА КОЛОДЯВЪ

Фабричный магазинъ
ДАМСКИХЪ ФАСОНОВЪ
Николай Байерле, Одесса.
Уд. Жуковского № 23; входъ съ подъезда.
ТЕЛЕФОНЪ 9-84.

Фабрика находится въ прямыхъ агентурныхъ
связяхъ съ Парижемъ и ежедневно, въ
теченіе всего года, получаетъ его послѣднія
пошивки.

Модельеры шатомъ постоянно работаютъ на заказъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ
НОНДИТЕРСКАЯ и НАФЕ
"ДЕГУРМЕ"
Былъ ТИЛЬОНЪ
ОДЕССА, главныя заводы въ П. П.
Телефонъ № 44 11

Кисторинъ Фотографии

на 10
ОЛЕ V.
выплатить ЕЖЕДНЕВНО, за исключением
дней праздничных, БОЛЬНОВОГО фонда.

Список сотрудников больницы имени Саввы, на текущий 1888 год
из расчета заработной платы: А. Г. Гусов (кандидат права), В. М. (аспи-
рант), А. Зубов (ученик агронома), И. М. (аспирант), С. М. (аспи-
рант), А. Купцов (ученик агронома), П. Г. Петров (аспирант), (аспи-
рант), А. Сидор (ученик агронома), С. А. Троицкий (аспирант),
А. Купцов (ученик агронома), Петров (аспирант), С. А. Троицкий
(аспирант), Тихомир (ученик агронома), Г. А. Шереметьев (кандидат права) и другие.

Политическая, Литературная и Коммерческая,
будет выходить
ЕЖЕДНЕВНО.

dem Jahre 1889 ihren 27. Jahrgang beginnt
"neue Organ ist, hat es sich seit Jahren zur
"abe gemacht, die Interessen der deutschen
"Aufstands zu vertreten, indem sie unter
"riales" allgemeinverständliche Artikel über
"ufen, Landwirtschaft u. s. w. bringt,
"em Kolonialwesen gehalten werden sollte.
preis beträgt für auswärtige:
ОТКРЫТА ПАТЕНТ

Постоянная читателя «Политического Телеграфа», не-
близкая, чтобы мы не за утратились редакцией, на-
бавляясь из постоянных летчиков гостеприимства, при-
едем и не экспонировать легковес публики из периода
попечки. В течение круглого года наше издание
состоит из одной сотрудинок и содержание газеты
из одного из полноты и разнообразия. Литерату-

еся разсрочка.
еся, ул. Кондратенко № 13

Одесса, Преображенск.

Печатах:
Худож. брошюры, каллиграф., журналы, всеобщего изд.
Бюро издательств и проч.

Исполнение образцов. • Печать утилитарная.

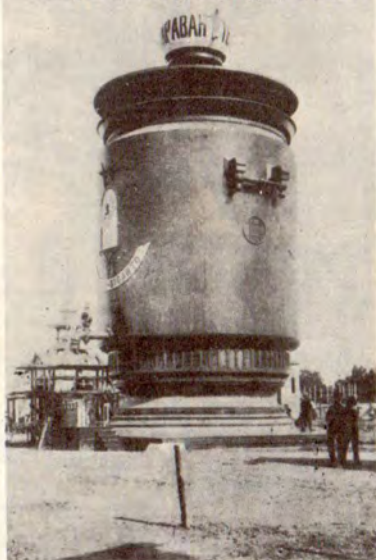
Исполнение образцов. • Цилиндр утюжения.

Одесса — Самовар.
Гигант для осмотра общими выставками и гор-д
Odessa — Samovar
Géant pour l'observation générale de l'exposition et de la ville

А. 1. Переходный. Переходный от Одессы к Одессе.

Пушкинская ул.
Puschkin-Strasse

Въ память Одесской Выставки 1910 г.н

ОДЕССА. — ODESSA. N° 141.

Панорамный вид на город. — A panoramic view of the city.

Эдди Лоджини,
Eddi Loidgini

— 2 мужчины, 1 дама —
Король кардолов и цдей
Сейчасъ свободенъ.
Адресъ: журналъ „Дивертисментъ“.

ГРИНГАУЗЪ, Еврейскій чемпионъ.

ХЕРСОНСКАЯ, 29

Пышной склад
С. Ф. Кременчу
 Хлебозная плод.
 Телефон №

Патентъ изобретения
Янова Гена
 въ ОДЕССѢ

Усовершенствованная машина, которая позволяет сажать и выкапывать овощи, фрукты и другие растения в огородах и на полях. Ширина от 23 см. до 160 см. Водяной насос и другие инструменты. Также рекомендуем свои ОДНО- и МНОГОДЕ-МЕТНЫЕ ПЛУГИ с стальными корпусами и проч. проч. Изобретения Янова Гена.

Самое совершенное по силе и простоте устройство в уличном освещении. Кerosинно-капильное устройство Бельгийского Анонимного Общества "ВАШИНГТОН" в Брюсселе. Сила света 750, 1000 и 1200 свечей и сужающегося света.

Изобретено для Мира Републики И. О. З. в О. Базарная. Сила и мощность. Простота и надежность. Служит долго. Изобретение Анонимного Общества "ВАШИНГТОН" в Брюсселе.

Старо-базарная площадь. — Alter Bazar Platz

Деловые люди — чаоторговцы заботились и о том, чтобы сам процесс купли-продажи высококачественного колониального товара был обставлен надлежащим образом и приносил максимум удовольствия покупателю. (Как в высшей степени странно это звучит сегодня, не правда ли?). Коммерческие фирмы Высоцкого, Крапивина, Перлова, Поповых фасовали свою продукцию в изящнейшей работы китайские чайницы с замками. Отделанные изнутри оловом, они герметически запирались и позволяли продолжительное время сохранять “букет”. По желанию клиента чай упаковывался в фигурные “стеклянные банки московской работы с картинками”.

Можно только догадываться о чувствах покупателя, приобретшего знаменитый “желтый лянсин” в китайской чайнице, обтянутой шелком с многокрасочными изображениями золотых рыбок и сказочных драконов. Здесь же он имел возможность выбрать подходящие “китайские изделия из фарфора, по преимуществу принадлежности к чаю”.

А какой же чай без... сахара. В фирменных одесских магазинах стояли специальные машины, колющие сахарные “головы” на кусочки такой величины, какую изволит выбрать заказчик. Упаковка сахара в свою очередь превращалась в настоящий ритуал, священнодействие. Его аккуратно подбирали лопаточкой, а затем тщательно заворачивали в особую синюю бумагу, которая так и называлась — “сахарная”.

Ну теперь, кажется, все? Вовсе нет. Ведь покупка должна быть доставлена клиенту на дом. Предположим, он живет в Ананьеве или в Бирзуле, а чай желает получить из такого-то фирменного магазина Одессы. Нет проблем. “Пересылка чаев нашей фирмы, — заявляет Г. Крапивин, — по требованиям *производится бесплатно* в следующие места: во все порты, куда заходят пароходы РОПиТ (Русского общества пароходства и торговли — О. Г.), во все места Новороссийского края, Бессарабской области и Каменец-Подольской губернии”.

Что-нибудь еще? Представьте себе, да. А вдруг какому-нибудь недоверчивому заказчику вздумается попробовать тот или иной сорт? Ради Бога! Будьте любезны! Приходите на склад фирмы (улица Екатерининская, в доме Вагнера) с девяти утра до восьми вечера. Отведайте! “Иногородние же покупатели, которые выписывают чай чрез почту, — заклинает объявление, — могут также обозначать в письме, каких сортов желают иметь пробы”.

Право, затрудняюсь с финалом: как бы покоректней

завершить этот "Трактат о чае". Разве что цитатой из Маяковского: "Это было, было в Одессе..."

Вести из прошлого

● "Аргентина". Один из местных купцов, г-н Рахат, обратился на днях к одесскому городскому раввину с просьбой о наречении родившейся у него дочери именем "Аргентина" (в Аргентину в то время шла еврейская эмиграция, субсидировавшаяся бароном Гиршем — О. Г.). Раввин нашел невозможным лично разрешить этот "вопрос" и обратился за разъяснением в Городскую управу. По поводу этого запроса Городская управа известила городского раввина, что вопрос об имени, как чисто религиозный, не входит в ее компетенцию. По-видимому, раввин сам сознал неуместность этого вопроса, так как занес в метрические книги имя "Аргентина" еще до получения ответа Городской управы.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1893, № 176.

● В еврейскую больницу доставлен извозчик М. Зелис, которого другой извозчик хватил камнем по голове.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1891, № 2.

● Одесская контора Государственного банка вчера продавала золото по следующему курсу: полумпериалы старого чекана — по 7 руб. 28 коп., полумпериалы нового чекана и 20-франковые — по 6 руб. 90 коп., а 10-франковые — по 3 руб. 49 коп.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1891, № 6.

● В правление Одесского общества покровительства животных поступает ежедневно немало заявлений от жителей города о необходимости строгого надзора за биндюжниками, варварски истязаемыми лошадьми. В заявлениях рекомендуется введение правил по перевозке тяжестей, правил, практикуемых в Вене и Берлине. В этих городах возжи совершенно изъяты: лошади ведутся под уздами. Заявления эти будут обсуждаться правлением в ближайшем заседании.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1891, № 21.

Какие шиньоны носили наши бабушки?

Поскольку Одесса весьма проворно обрела облик цивилизованного города, наводнилась значительным числом людей образованных и воспитанных, постольку у этих людей явилась настоятельная необходимость содержать в порядке собственную певелюру. Учитывая то, что уже в первой четверти XIX ст. в приморском городе сформировалась значительная прослойка высшей аристократии и состоятельных людей коммерческого звания, можно было ожидать порядочных прибылей в деле "устройства причесок". И, действительно, уже в это время в Южной Пальмире разворачивается деятельность ряда отменных мастеров, в том числе — соотечественников легендарного героя оперы Россини. Кстати говоря, "Севильский цирюльник" неизменно пользовался в Одессе грандиозным успехом, о чем свидетельствует сам Пушкин.

"В числе лучших парикмахеров-куаферов считался долгое время Трините, передавший свою торговлю Лавиньоту", — вспоминает одесский старожил накануне 100-летия города. Но почему *торговлю*, спросит читатель, ведь речь идет о цирюльнике?! Ответим. Дело в том, что как Трините, так и Лавиньот, заведение которых располагалось на пересечении Дерибасовской и Екатерининской улиц, имели "специальность ложных волос", т. е. подбирали клиентам разнообразные парики и шиньоны.

Вообще говоря, мода на шиньоны, занесенная в Одессу француженками, была принята, что называется, в штыки. "Благодаря демократизации моды, — писала местная муниципальная газета на рубеже 60-70-х годов прошлого столетия, — так долго держится одно из нелепейших женских украшений, над которым внучки наши будут смеяться с большим правом, чем над фижмами и мушками наших прабабушек, это безобразнейшее произведение парикмахерского искусства — шиньон". Его сравнивали с бесовским

хвостом, величали чудовищем, придумывались истории о косах, срезанных с мертвецов, и т. п. Говорили даже, что один священник отказался благословлять прихожанок, носивших “фальшивые волосы”. Мода победила все суеверия и предрассудки — торговля шиньонами процветала.

Лучшие произведения подобного рода, так называемые “блонд арден”, поступали к Трините и Лавиньоту из Парижа, где цена их достигала полутора тысяч франков! Главнейшими же импортерами “сырья” были Германия и Англия. “Сырье” это в прямом и переносном смысле выращалось крестьянками французской Бретани, где, как утверждают, невозможно было встретить особу женского пола, ходившую с непокрытой головой: все они продавали прекрасные свои локоны на ярмарках за бесценок.

Во Франции, как писали тогда газеты, возник целый клан охотников за “скальпами”. Подобно российским корабейникам, бродили они по бретонским деревушкам, соблазняя простодушных “золоторунных овец” дешевыми украшениями, косметикой, галантереей.

Постепенно цена волос достигла 20-25 франков, однако это не стало препятствием делу, ибо сбыт и стоимость готовых шиньонов все возрастали. Одесские предприниматели-куаферы стали заказывать в парижских мастерских шиньоны в виде кос, хвостов и так называемых “кубликов”. Только самые состоятельные горожанки могли раскошелиться на великолепные “ун блонд д’анж” — мастерские изделия, основой для которых служили белокурые локоны обитательниц рейнских фольварков.

Находившееся в наиболее оживленной части города, заведение Трините-Лавиньота снаружи выглядело довольно скромно. Здесь в помине не было аляповатых картинок, демонстрирующих все стадии стрижки-бритья, а также лохматых пугал, долженствующих изображать людей, пренебрегающих услугами парикмахеров. Не было и броских и страстных призывов — “Зайдите и убедитесь”, — что практиковалось наивными провинциалами. “Шикарные парикмахерские в столицах и больших городах такими вывесками не пользовались, — подчеркивает в своей оригинальной работе “Время и вещи” известный кинохудожник Я. Н. Ривов. — На вертикальных вывесках помещали круглые или овальные зеркала с указанием на французском языке имени владельца парикмахерской (Жан, Базиль...); фамилии не упоминались, а имя обязательно писалось по-французски, даже в тех случаях, когда вывеска была написана по-русски”. Впрочем, и самые отпетые провинциалы скоро заимство-

вали эту благородную манеру, что привело к появлению таких вот забавных газетных информаций:

“Ввиду неоднократно возникавших недоразумений из-за того, что многие мастера и мастерицы на вывесках своих не называют себя настоящими и полными именами и фамилиями, — писал, например, “Одесский вестник” 100 лет назад, — а ограничиваются лишь французским наименованием себя по имени: “Моды Аннет”, “Парикмахер Грегوار” и т. п., тогда как на самом деле они — Агафия Пантелеева, Киркор Карабет и т. д., ремесленный голова распорядился, чтобы все мастера и мастерицы, без различия подданства, имеющие такие вывески, именовали впредь себя настоящими и полными именами и фамилиями. Для этого назначен месячный срок...”

“Война с вывесками” (ультиматумы, штрафы и прочие репрессии) окончилась, однако, в пользу офранцузившихся предпринимателей: так, помимо заведения Трините-Лавиньота, на улице Дерibasовской располагались три другие модные парикмахерские, имена владельцев которых и красовались на французских вывесках: “Жан”, “Феликс”, “Александр”. Кто из них был уроженцем Марселя, а кто — Кологрива, Бог весть...

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Город Одесса расположен вблизи морского берега, который здесь очень возвышен и подвержен воздействию ветров. Воздух считается чистым и удивительно благотворным. Зерно — основная статья экспорта. Импорт — это сушеные и консервированные фрукты из Константинополя, греческие вина, табак и другие турецкие товары. Близлежащие деревни производят масло и сыр, которые являются редкими на столе на юге России. Картофель, который редко встречается в других городах, продается на рынках, и его даже привозят в качестве подарка в Константинополь. Дыни окрестностей удивительно хороши. Они одного сорта, вывезенного из Турции: он превосходит по вкусу все известные в мире... Арбузы Одессы иногда превосходят лучшие, продаваемые на рынках Неаполя, и почти равны по качеству тем, которые мы находим на сирийских берегах. В целом край испытывает недостаток в древесине; в качестве топлива здесь сжигают сорную траву, собираемую в степи, и с таким же успехом, как вязанки камыша и коровий навоз... Одесса замечательна непревзойденным вкусом здешней баранины, которая, кстати, не уступает крымской. Ягнят режут и подают к столу в тот же день... Крепость Одессы невелика, но содержится в образцовом порядке, там есть, как и в Херсоне, два рва. Мы нанесли один визит коменданту, истинному россиянину, обитающему в небольшом холле, среди стопок официальных бумаг...*

ЭДВАРД ДАНИЕЛЬ КЛАРК 1800.

Дело — табак?

Давайте в самом деле разберемся: табак — дело или дело — табак. Что ни говорите, а торговля табаком и табачными изделиями во все времена была прибыльным делом. Уже в первые десятилетия существования Одессы турецкий табак становится одной из основных статей импорта.

С грустью вспоминая ушедшую эпоху порто-франко, местный старожил О. О. Чижевич писал в своих мемуарах: “В особенности отличались дешевизной иностранные вина, турецкий табак, оливковое масло, сахар, кофе и мануфактура. Из преysкурантов винных магазинов Изнара, Вакье, Жюльена и других видно, что лучшие французские вина — бордо и бургонь — продавались от 40 до 50 коп. бутылка. Лучшее шампанское — 1 руб. 60 коп. бутылка. Ведеро хереса и мадеры — 5 руб., марсалы — 4 руб. Греческие превосходные вина были дешевле местного вина. Лучший душистый турецкий табак крошеный, без бандероли, продавался 20 и 40 коп. фунт”.

Если в те годы кто и боролся с курильщиками, то только дирекция итальянской оперы, строго запрещавшая “входить в театр с зажженными сигарками и курить табак как внутри театра, так равно в коридорах и буфете”. Ослушники же рисковали “навлечь себе неприятности”. Напомним читателю, что в центральных губерниях России в это время вообще запрещалось курить на улице.

Уже в третьей четверти XIX ст. Одесса становится значительным центром переработки табака, ее продукция экспортируется в Центральную Европу. Только одна фабрика Н. П. Ваховского ежегодно производила девять тысяч пудов табака и около 30 млн. папирос. Одновременно в Одессе функционировало, скажем, Товарищество южно-русской табачной фабрики “Осман”, “специально приготавливавшее лучшие сорта табаку и папирос из отборнейших турецких и туземных табаков”.

Вот ассортимент и цены на табачные изделия одного из

крупнейших в Одессе магазинов — “Константинопольской для юга России табаку и папирос фабрики торгового дома К. Муратчаева и Х. Назарова в Армавире”, — помещавшийся в доме Ралли, на пересечении Дерибасовской и Ганной улиц, (Внимание! Цены 100-летней давности!): “Папиросы “Армения”: 10 шт. — 15 коп., 25 шт. — 38 коп., 100 шт. — 1 руб. 50 коп.; “Пушки”: 10 шт. — 12 коп., 25 шт. — 30 коп., 100 шт. — 1 руб. 20 коп.; “Реномэ”: 10 шт. — 10 коп., 25 шт. — 25 коп., 100 шт. — 1 руб.; “Турецкие”, “Графские”, “Турчанка”, “Восторг”: 10 шт. — 6 копеек и т. д.”. Оптовые покупатели, конечно, приобретали папиросы со значительной скидкой.

Накануне первой мировой войны производством табачных изделий в Одессе занимались также следующие фирмы и торговые дома: “Асвадуров и Сыновья”, “Братья Бабадоглы”, “Наследники А. М. Попова”. В городе размещалось 17 (!) представительств и отделений крупнейших табачных фабрикантов, в том числе “В. И. Асмолов и К”, Товарищество “Дукат” (Москва), Товарищество К. И. Месаксуди и др. Реализацией готовой продукции занималось более 40 крупных табачных магазинов и великое множество мелких. Наибольшим из них, пожалуй, был магазин “наследников Попова”, располагавшийся на Александровской (ныне Греческой) площади.

А что же качество одесских табачных изделий? Представьте, — было на высочайшем уровне. Так, продукция упомянутой фабрики Ваховского, имевшей, между прочим, представительства в “четырёх столицах” (Петербург, Москва, Киев, Варшава), оценивалась золотыми медалями на европейских выставках (например, в Париже, в 1889 г.). Когда-то наши “пахитоски” “Сальве” с удовольствием курили великосветские парижанки. Сохранились даже документальные свидетельства этому: карикатуры и шаржи на дымящих представительниц версальского бомонда.

А сколько международных призов завоевала знаменитая папиросная бумага одесского предпринимателя Иосифа Львовича Конопельского (производство основано в 1887 г.). Кому из одесситов не известна так называемая “железная бумага” Конопельского, долго конкурировавшая с не менее известною бумагою “Абади” Ф. Кроне? — писали в “Торгово-промышленной Одессе”. 100 млн. гильз, 18 млн. книжек курительной бумаги — вот ежегодные поставки “папиросно-бумажного гения”. Результат — европейское признание, несколько золотых медалей на международных вернисажах, в том числе на Парижской всемирной выставке (1900 г.).

“Сальве“, “Осман“, “Бельгийские“, “Турчанка“... Улетучился дымок тех “папирос небывалого до сего времени качества, отличающихся своим особым приятным вкусом и ароматом“...

Вести из прошлого

- С пятницы, 22 февраля, в магазине торгово-промышленной фирмы А. К. Дубинина на Дерибасовской и Рыбной ул. Русский сыр: Швейцарский — 20 коп. фунт, Голландский (целыми шарами) — 20 коп. Литовский (то же) — 22. Бокштейн (кружками) — 20. Колбаса Московская № 1 — 32 коп.фунт. Масло сливочное Московское — 50. Грузди в банках по 1 ф. — 20. Рыжики в банках по 1 ф. — 15 коп. банка. Те же в банках по 2 фунта — 25 коп. Семга совершенно малосольная целыми рыбами (фунтов 5— 8) — 45 коп. фунт, в разрез не менее 1/2 рыбы — 50 коп. Корюшка свежая архангельская крупная — 35 коп. десяток. Навага обыкновенная — 20 коп. десяток. Навага крупная — 20 коп. фунт. Сельди королевские 2-го сорта: бочонки по 9 штук — 65 коп. бочонок, по 17 шт. — 1 руб. 25 коп., по 38 шт. — 2 руб. 50 коп.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК“, 1891, № 3

- Третьего дня, с разрешения министра внутренних дел, одним из частных предпринимателей приступлено на Старом базаре, на Шишмановской площади, к рытью предполагаемого зарытого там в давние времена большого клада. Работы начались в 10 час. вечера и продолжались всю ночь. Кладовискатели натолкнулись на большую каменную плиту, и ввиду наступающего дня прекратили работу. Место раскопки ночью посетил г-н одесский градоначальник контр-адмирал П. А. Зененый. Предприниматель намерен продолжать дальнейшие раскопки, которые предполагал начать вчера с 10 ч. вечера.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК“, 1891, № 13

- Одесский мещанин Андрей Мунтян был задержан за кражу муфты некоей Соколовой. В арестной камере он умудрился раздеть бывшего там пьяного человека и платье пьяного одел на себя как собственно. Это уже вторая кража, совершенная Мунтяном, вследствие этого он препровожден к судебному следователю.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК“, 1892, № 1

- На днях посетит Одессу всемирно известная великанша Елизавета Лыска. Имея всего 14 лет от роду, она обладает трехаршинным ростом и восьмипудовым весом. Е. Лыска объездила почти всю Россию, была повсюду за границей и везде обращала на себя внимание не только публики, но и известных медицинских светил.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК“, 1892, № 1

Нам передают, что некая Г. Ф-ч приняла прислугу-горничную, которая привезла с собой непомерной величины сундук, обративший этим на себя внимание Ф-ч. Спрошенная по этому поводу горничная ответила, что долгими сбережениями она успела кое-что приобрести и поэтому ей необходимо такое хранилище. Этим дело объяснения и кончилось бы, если бы не назойливое вмешательство болонки, которая, понюхав сундук, стала яростно и неотступно лаять на него; в виду этого обстоятельства, Ф-ч потребовала отворить сундук. На это требование горничная отвечала, что она потеряла ключи. Поэтому был приглашен околоточный надзиратель, в присутствии которого позванный слесарь открыл сундук. В нем оказались истые сбережения долгих лет: два здоровенных парня, вооруженных ножами...

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 9.

Почему в Одессе принято посылать в баню?

“Иди ты в баню“, — говорят одесситы в ответ на насмешку или несерьезное предложение. Не вздумайте выказывать даже намек обиды: поверьте, вас посылают, куда следует. Расценивайте это как доброе пожелание. И вот почему.

Одесса всегда отличалась деловым подходом к вопросам, на первый взгляд, самым второстепенным. Ну, скажем, такое прозаическое занятие, как мытье в бане: чего тут, казалось бы, выдумаешь нового? Только и здесь одесситы оставались верны себе — находили применение своей творческой фантазии, всячески убажывая клиента и весьма деликатно извлекая из этого выгоду.

Древнейшая из одесских бань, так называемая “Турецкая“, располагалась на пересечении современных улиц К. Маркса и Р. Люксембург (Екатерининская угол Полицейской). Ее описание сохранилось в одном из номеров “Одесского вестника“ за 1841 год: “Это была обыкновенная комната аршинов пять в длину и ширину, освещенная сверху посредством нескольких отверстий в куполе. Пол мраморный... Вдоль стен — мраморные скамьи... С южной стороны соединялась узкой дверью с предбанником, к которому примыкала другая комната с широкими турецкими диванами“. Утверждали, что в этой бане мылись правитель Хаджибея — двухбунчукный паша Ахмет, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, А. Э. де Ришелье и другие знаменитости.

Но секрет необычайной популярности “Турецкой“ бани в Одессе едва ли связан с этим благородным ореолом: попросту в “диванной“ комнате был создан уютный уголок для интимных бесед с глазу на глаз. Здесь посетители-негоцианты проводили немало времени в обсуждении торговых и политических новостей, обговаривали сделки, контракты и т. п. Здесь, по восточной традиции, к их услугам были кофе, кальян, фрукты.

В числе старейших бань — знаменитое заведение Иса-

ковича в собственном доме по улице Преображенской (Советской Армии), 45, работавшее ежедневно с 8 часов утра до 12 ночи. Здесь имелись общее отделение (25 коп.) и "нумера" (75 коп.), колоссальный бассейн. Ванное отделение предназначалось для гидропатического лечения, т. е. лечения минеральными водами. Причем желающие могли приносить с собой любые экстракты и готовить для себя необходимую рапу (с оплатой 50 коп.). Бассейн и душ обходились дешевле — по 10 коп.

Старую "Турецкую" баню репрезентовала новая, "Султанская", в доме Черепенникова по Греческой улице. В целом в десятые годы нынешнего столетия в городе одновременно функционировало до 40 крупных "банных комбинатов" и около десятка заведений теплых морских ванн — на улицах Приморской и Московской, на Среднем и Большом Фонтанах и др. Всякая из бань чем-нибудь выгодно отличалась от прочих. "Картамышевские" бани не походили на "Московские", "Николаевские" — на "Санкт-Петербургские" и "Харьковские", "Славянские" — на "Общественные" и "Южные". И все эти "учреждения общественной помойки" имели своих горячих приверженцев, всегда готовых с мыльной пеной у рта оспаривать качество пара в той или иной бане.

Чтобы хоть как-то представить себе, чем же конкретно могли попотчевать горожан в бане, давайте ознакомимся с кратким реестром ванн, отпускаемых "Европейской" баней (дом Буковецкого у Нового базара) с 5 часов утра до 12 ночи. Читайте и удивляйтесь: ванны морские, лиманные, из лиманной грязи, серные, по доктору Струве, мыльно-отрубные, щелочные, сывороточные (а это же почти что молочные!). Минеральные ванны соответствовали составу вод самых феешенебельных западных курортов: Теплица, Крейцнаха, Эмса, Мариенбада, Барежа, Аахена, Карлсбада, Гомбурга, Виши, Висбадена и т. д.

Другими словами, одесситы имели возможность запросто окунуться не только в атмосферу, но и в гидросферу Европы, не покидая родного города. Да что там говорить, сам эмир бухарский был в восторге от одесских бань и гидропатических заведений. Но... это уже совсем другой вопрос.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Залив Коджабей перестанут рассматривать как рейд, и он будет очень надежным, когда в результате окончания ведущихся в настоящее время работ корабли окажутся укрытыми от восточных ветров: в нем может быть сосредоточено свыше 600 торговых су-*

дов... Климат Коджабея здоровый, воздух лечебный. В 1795 году императрица дала этому городу имя Одесса, она учредила в нем лазарет и таможенные отделения для импорта и экспорта. Порт, или скорее нынешний рейд Одессы расположен в укрытии у подножия возвышенности, на которой возведен город, и представляющей собой с этой стороны нечто наподобие амфитеатра. Город хорошо спланирован: в нем длинные широкие улицы, но поскольку они лишены твердого покрытия и вследствие перемещения по ним ежедневно бесчисленного множества повозок, пыль либо грязь делает их труднопроходимыми. Рейд защищен крепостью. Чтобы обеспечить судам надежное укрытие в зимний период, был построен мол. Поблизости от него строится лазарет. Одесса исключительно удачно расположена для ведения торговли Бессарабией, для торговли выходцами из Бреслау, Подолии, Волыни и других стран...

АНТУАН ДЕ СЕН - ЖОЗЕФ, 1805 г.

Что делал в Одессе Эмир Бухарский?

Сиятельный восточный аристократ, владыка многославной древней Бухары Мир-Сеид-Абдул-Ахад-Богатур-Хан объявился в “приморской Гоморре” в один из пасмурных февральских дней 1893 года — 100 лет тому назад. Эмира сопровождала многочисленная свита и челядь в экзотических нарядах: первый министр Дурбын-Бий-Куш-Беги, министр финансов Астанкул-Бий-Парванчи-Зекеччи, а также советник эмира, обер-церемонимейстер, представитель бухарского духовенства, главный секретарь эмира, обершталмейстер, адъютанты, личный доктор-афганец, представитель именитого купечества, несколько начальников караульных постов в Бухаре, 25 человек прислуги (повар, подаватель щербета, постельничий, халатносите́ль и т. д. и т. п.), — имена заняли бы слишком много места. Кроме того, высокого гостя сопровождали полковник генштаба Д. В. Путята (известный исследователь Маньчжурии), два военных переводчика, два российских доктора и корреспонденты центральных газет.

Прибытие восточного властителя в Южную Пальмиру вызвало закономерный переполох среди здешних обывателей. Хотя официальные сообщения указывали, что эмир находится в Одессе проездом из Петербурга в свое ханство, в городе распространялись самые невероятные слухи о цели визита и о самом визитере. Одесситам вдруг вспомнилось появившееся дней за десять до прибытия эмира газетное объявление о том, что некоторые местные фабрики сластей получили из Хивы и Бухары невероятно большие и выгодные заказы на изготовление разных конфетов, халвы (каковой Одесса всегда славилась), рахат-лукума и прочих восточных сладостей. В конфексионных Фанкони и Робина знающие люди предрекали новые сделки в стиле сказок тысячи и одной ночи.

О самом Сеид-Абдул-Ахад-Хане говорили, что это мерзкий скупой старик, безнравственный и жестокий. “Про

богатства эмира, — писала местная газета, — передают баснословные вещи. На Востоке распространено убеждение, что у бухарского эмира есть тайники, в которых скрыты груды золота и целая бочка драгоценных камней. Но все это преувеличено — плоды пылкой восточной фантазии. Бедность на Востоке так распространена, что всякое богатство кажется там народу колоссальным. На самом деле состояние эмира, вероятно, не превышает 12-15 млн. рублей“.

Не подтвердились и сплетни о кровожадности “старого скряги”. Эмир оказался весьма образованным, деликатным и щедрым человеком, выглядевшим значительно моложе своих 35-ти лет. Внешний облик необычного гостя поразил даже выдавших виды градоначальника генерал-лейтенанта П. А. Зеленого и городского голову Г. Г. Маразли, поднесших бухарцу хлеб-соль на позолоченном серебряном блюде. Подобающим образом ответив на приветствия и благословив ахуна местного магометанского молитвенного дома Ибрагима Адикаева, его светлость направился в “Петербургскую” гостиницу. Здесь для него были приготовлены роскошные апартаменты. Уважили и свиту, разместившуюся поблизости, в гостинице “Лондонская”.

В тот же вечер эмир отправился в Городской театр, где поставлена была вердиевская “Аида”. Сеид-Абдул-Ахад восседал в “градоначальницкой ложе”, рядом с генералами Зеленым и Рербергом. Свита занимала четыре соседних ложи; “вход к ложам со стороны Пале-Рояля был роскошно убран коврами и тропическими растениями”. Его светлость, как выяснилось, неплохо разбирался в оперном искусстве. Представление ему понравилось, и он затем поощрил наградами антрепренера И. Н. Грекова и капельмейстера г-на Эммануэля.

На следующий день ожидания одесситов относительно коммерческих успехов в связи с пребыванием эмира полностью оправдались. Целый ряд лиц из свиты — Абдурсуф-Каварев-Баши, Абдул-Феиз-Ходжа-Урак, Мула-Азад-Мирахур и другие — отправились на “разграбление” здешних торговых лавок и магазинов. Доподлинно известно, что эти состоятельные покупатели приобрели громадное количество разнообразных товаров, отдавая предпочтение, естественно, ювелирным изделиям: согласно традиции, они должны были по возвращении домой одарить обитателей своих гаремов — жен и наложниц. Известно, например, что только карманных часов бухарцы закупили более трех сотен!

Не имея представления, какой СКВ будут расплачиваться с местными коммерсантами визитеры, одесские га-

зетчики нашли возможным познакомить горожан с описанием и курсом бухарских монет. В средствах массовой информации было помещено изображение “мэры” и “тэнь-ги”, указано, что первая изготовлена из сплава серебра и меди (ценность — около 5 коп.), вторая — серебряная, стоимостью около 20 копеек.

Что касается самого эмира, он совершил непродолжительную экскурсию по городу, отказавшись от разорительных покупок. В продолжение знакомства с Одессой конные жандармы защищали честь и достоинство его светлости от наседавших зевак, репортеров, “поклонников таланта” и проч. В гостинице Сеид-Абдула ожидал приятный сюрприз — супруга содержателя “Петербургской” с великолепным букетом живых цветов. Эмир показал себя галантным и отзывчивым кавалером — сам содержатель гостиницы также удостоился бухарского ордена.

На следующий день эмир не отдавал официальных визитов, а во второй половине дня, в сопровождении сановников, отправился в благоустроенные бани Буковецкого по Торговой улице, близ Нового базара. “Гидропатическое заведение” было по сему случаю убрано лучшими коврами, какие отыскились в городе, украшено флагами и разноцветными “китайскими фонариками”. У входа в баню бухарского монарха приветствовал пристав Херсонского полицейского участка, который по окончании водных процедур сопровождал эмира в гостиницу. Владелец бань и обслуживающий персонал расстарались на славу: высокородный купальщик остался вполне удовлетворен. В знак благодарности за гидропатическое удовольствие эмир подарил г-ну Буковецкому потрясающий шелковый халат, а банной обслуге — всевозможные мелкие подарки.

Начав “раздачу слонов”, Сеид-Абдул-Ахад-Хан не скоро утомился: на головы чиновников, офицеров и прочих лиц из его одесского окружения обрушился настоящий звездный дождь. Многие удостоились знака отличия бухарского ордена “Восходящей звезды”. Самого высшего из них, с алмазами, — градоначальник и командующий войсками округа, золотых 1-й степени — городской голова, а также генералы Розен и Горчаков; золотых 2-й степени — товарищ городского головы В. Н. Лигин, приват-доцент И. Л. Яворский, помощник городского полицмейстера В. Т. Черемушкин и правитель канцелярии градоначальника И. А. Казаринов; золотых 3-й степени — дипломатический агент МИДа А. Н. Юренев и городской полицмейстер Я. И. Бунин. Немалое число одесситов получило серебряную “Восходящую звезду” одной из трех степеней.

Как бы итогом визита восточного аристократа в Одессу стал торжественный завтрак у городского головы — почтенного благодетеля города Григория Григорьевича Маразли. Было провозглашено довольно тостов, в том числе — за новоиспеченных кавалеров ордена “Восходящей звезды”. Все гости-мусульмане, разумеется, поднимали бокалы чисто символически и пили только зельтерскую. Сеид-Абдул-Ахад-Хан в свою очередь предложил осушить фужеры за представителей города, за процветание замечательной Одессы и за гостеприимного хозяина.

Прощаясь с высокородным владыкой, одесситы также не ударили в грязь лицом и одарили гостя симпатичными сувенирами. Здесь, без сомнения, всех перецеголял Г. Г. Маразли — человек неизменно фантастически щедрый, великодушный, благородный и, вместе с тем, широко образованный и по-одесски остроумный: он преподнес восточному гостю нечто вроде “глобуса Бухары”. Это были уникальные бронзовые часы, смонтированные на ониксовой доске. Описание оригинального подарка заимствовано нами из местной газеты: “Посередине — столбик из сложенного пароходного каната (сделан из бронзы); с правой стороны каната — штурвал, с левой — якорь; часы вставлены посередине каната, сверху которого — глобус. На глобусе, в том месте, где обозначена Бухара, вделан бриллиант”. Эмир был буквально опарашен столь прелестной и редкостной вещицей.

4 (16) февраля 1893 года, в 16 часов, экстренный поезд увез владетеля Бухарского эмирата в Севастополь (по дороге намечалось посещение бывшей столицы Крымского ханства — Бахчисарая). Но как еще долго Одесса вспоминала многокрасочные подробности удивительного, почти театрального визита “восточного каравана”. Подробности эти обрастали все более и более фантастическими деталями. И еще долго продавались и перепродавались потом предприимчивыми горожанами мнимые халаты “с плеча эмира”, его собственные кальяны (Саид-Абдул сроду не курил) и “самоцветы” из той самой бездонной бочки, о которой толкует заманчивая бухарская легенда...

Вести из прошлого

- Вдова 26-ти мужей. В греческой газете “Амальфия” пишут, что, по сведениям из Бассоры, в деревне Цемкир живет вдова лет 50-55. Она пережила 26 мужей и собирается еще раз выйти замуж.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК”, 1892, № 32.

С участием присяжных заседателей рассматривалось вчера дело по обвинению Макара Чепцова в краже вареных раков. Это было 10 сентября 1891 г. Жена отставного рядового Ульяна Малярова наварила раков и выставила за окно для охлаждения. Дело было на Слободке-Романовке. Проходил Чепцов с товарищем, порядочно навеселе, с дарами Бахуса под мышкой. Вид свежесваренных раков соблазнил Чепцова, который прихватил их "на закуску при выпивке". Чепцов оправдывался тем, что товарищ указал ему на раки как на хорошую закуску. Выяснилось на судебном следствии, что Чепцов и ранее два раза судился за кражи, в том числе один раз за кражу икры — тоже для закуски. Присяжные заседатели признали Чепцова виновным в краже на сумму менее 50 коп. и даровали ему снисхождение. Окружной суд приговорил его по лишении особенных прав к тюремному заключению на 8 месяцев.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 55.

Не к спеху. На старом погосте стоит памятник, разделенный на две равных половины. На первой из них написано: "Мария! Я жду тебя! 1758". А внизу: "1810. Незабвенный муж! Я пришла!".

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 95.

Вчера на пароходе "Нахимов" доставлены в Одессу два малолетних беглеца: сын священника Дариомедов и сын домовладельца Соколов, о которых мы сообщали. Современные Робинзоны, одержимые страстью к путешествиям, отправились в Африку (!), но по прибытии парохода в Константинополь были задержаны как неимеющие установленных видов и препровождены обратно в Одессу.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 97.

Поставщик императорского двора — одессит?

Представьте себе, жили в нашем городе и предприниматели такого масштаба. Фамилия Пташниковы, очевидно, вызывает какие-то ассоциации в сознании читателя. Создается впечатление, будто фамилия эта осталась в литературе только благодаря тому, что знаменитая фирма предлагала обширный ассортимент "форменных костюмов для господ военных и учащихся", "форменных материй для всех учебных заведений, ведомств и учреждений". В самом деле, в магазинах Пташниковых приобреталась гимназическая и реалистская форма Олеси и Катаева, Чуковского и Житкова, Ильфа и Багрицкого, Бабеля и Кирсанова, Инбер и Шишовой, других будущих знаменитостей. И для каждого из них покупка формы была *событием*.

Помните, у Катаева: "Ах, какое это было блаженство покупать фуражку! Сначала ее долго примеривали, потом торговались, потом выбирали герб, эту изящнейшую серебряную вещицу. Она состояла из двух скрещенных колючих веточек с "0.5.Г" между ними — вензелем Одесской пятой гимназии. Герб выбирали самый большой и самый дешевый, за пятнадцать копеек. Приказчик проткнул шилом две дырки в твердом околыше синей кастановой фуражки и вставил в них герб, отогнув с внутренней стороны латунные лапки". Попробуйте заставить взять в руки шило нынешнего "приказчика"...

Начало "Торгово-промышленного товарищества Пташниковых" положено одесским купцом Василием Тимофеевичем Пташниковым, развернувшим в конце 70-х годов прошлого столетия торговлю мануфактурными товарами в Причерноморье. Датой основания фирмы считается 1 января 1881 года. Главный оптовый склад размещался в Одессе, на углу улицы Успенской (Чичерина) и Александровского проспекта (проспект Мира); дом в перестроенном виде сохранился.

Уже в первые годы своего существования фирма создала торговые отделения в Ялте, Алушке, Херсоне, Очакове. Ее торговые агенты водворились в Москве, Варшаве, Берлине, Париже. Мануфактурные товары, галантерея доставлялись из Ярославля, Москвы, Белостока, Лодзи. Вот их самый краткий перечень.

Модные шелковые и шерстяные материи, а также форменные для всех пансионеров: "плюш, бархат, полубархат, бумазая, ситцы, муслины, сатены, дикосы и т. п.". Ярославские чистольняные полотна, платки, столовое и постельное белье. Мебельные материи: котлин, джут, кретон. Ковры и дорожки бархатные, войлочные и пеньковые, накидки, занавеси на окна и кисея гардинная. Специальные сукна: драп, фланель, трико для мужских костюмов и дамских ватерпруфов (плащей), сукна тонкие и грубые, а также форменные. В фирменных магазинах можно было заказать мужской костюм из любого материала и на любой фасон.

Авторитет В. Т. Пташникова в городе был велик не только потому, что он был состоятельным человеком: Василий Тимофеевич славился как честный предприниматель, надежный деловой партнер, не чуждый милосердия и благотворительности. Овладев новороссийским рынком — во многом благодаря не только широте ассортимента, но качеству реализуемых товаров, — Пташников устремил свой взор на неведомый дальневосточный регион. Как сообщает Сергей Плаксин в известном издании "Коммерческо-промышленная Одесса", наш герой действовал "в согласии с экономическими интересами России, нуждающейся в новых рынках, пренебрег риском нового, не имеющего себе предшественников предприятия, и выступил одним из первых пионеров русской торговли в таких отдаленных пунктах нашего отечества, как Владивосток, Никольск, Порт-Артур и некоторые другие".

Позволю себе немного дополнить это свидетельство. Дело в том, что мой прадед по отцу, Александр Казаков, работал в те годы в Харбине, куда временно переехал из Одессы, и имел какие-то деловые отношения с Пташниковым. Его дочь, Мария Александровна (моя бабушка), прожившая несколько лет там же, вспоминала, что мануфактурные пташниковские товары пользовались спросом даже в Китае. Но после русско-японской войны дела фирмы в этом регионе, понятно, расстроились. Василий Тимофеевич к этому времени уже умер, и дело перешло к его наследникам, продолжившим расширение торговли на благословенном юге.

Порой мемуаристы говорят о братьях Пташниковых, что, по-видимому, не совсем точно. Новым управляющим товарищества “Наследники В. Т. Пташникова” стал брат основателя фирмы — Диомид Тимофеевич, заместителем управляющего — Григорий Евгеньевич и Андрей Андреевич Пташниковы. В начале века фирма выходит не только на всероссийский, но и европейский уровень, получает “титул” поставщика Двора Его Императорского Величества. В Одессе она главенствует в мануфактурной и галантерейной торговле, несмотря на наличие в городе десятков серьезных конкурентов. Магазины Пташниковых функционируют на самых оживленных городских артериях: в “Пассаже”, на Старом и Новом базарах, на углу Старо-портофранковской и Тираспольской улиц и т. д., все они телефонизированы.

В десятые годы магазины фирмы открываются в Анапье, Бендерах, Болграде, Измаиле, Кишиневе и т. д. Торговый оборот исчисляется миллионами рублей, а число персонала в одной Одессе — сотнями. Пташниковы получают оперативную информацию из всех европейских столиц, привлекают зарубежную клиентуру, высылают бесплатные образцы товаров. Товарищество обладает незапятнанной репутацией во всех делах: бережно сохраняется память о Василии Тимофеевиче — “третейском судье”, присяжном попечителе Одесского коммерческого суда. Остается только присоединиться ко мнению хрониста, заметившего, что Пташниковы внесли свою лепту в сокровищницу труда, питающую Одессу и содействующую ее росту и процветанию.

И еще. Потомки этого славного рода пошли не по коммерческой части, а пополнили ряды многострадальной российской интеллигенции. Недавно в Одессе побывала Мария Степановна Стальбовская — представительница этой фамилии, профессиональный филолог. Живет она в Ташкенте, в настоящее время — библиограф, с увлечением занимается изучением своей родословной. Ее мать, Ирина Васильевна, отдавшая жизнь археологии, еще носила фамилию Пташникова.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Улицы юной Одессы были широкие и длинные, но не мощенные, и тысячи возов, ежедневно по ним проходивших, месили на них то грязь, то пыль, что немало отравляло жителям существование... Желавшим строиться отводились даровые участки земли с единственным обязательством построить на них в течение двух лет; в противном случае участок отбирался... Крепость, расположенная

на берегу моря, в версте от города, плохая защита последнему. Выстроена она очень хорошо, но валы слабоваты, а близость губокого оврага делает ее неспособной к долговременной защите... В иной день входило в Одессу 500, 700, даже 1000 возов, запряженных волами. Отсюда возникали большие затруднения с водопоем для столь огромного количества скота. Воды в колодцах едва хватало на нужды туземных обывателей, и вот приходилось ее искать Бог знает как далеко.

ЛЕКЛЕРК 1811-1817 гг.

• Это чудесный город, удивительна быстрота, с которой он растет; все жилые дома, по большей части двухэтажные, возведены из камня; улицы широки и ровны. Строительство мостовых задерживается в связи с тем, что трудно достать для этой цели прочный камень, но тротуары украшены двумя рядами деревьев... В городе действуют православные и католические храмы, гимназии, публичные курсы, институт благородных девиц, больница, театр, в котором идут представления на русском, польском, итальянском и немецком языках, ботанический сад...

ОГЮСТ ДЕ ЛАГАРД 1812 г.

Что там творилось — в одесском карантине?

Старый портовый карантин, безусловно, был одной из главнейших достопримечательностей Одессы, через его “гостеприимные объятия” проходили сотни и сотни приезжих. Согласно строжайшим правилам, “карантинный термин”, т. е. срок обсервации в условиях реальной возможности проникновения эпидемии из Анатолии и других Средиземноморских стран, составлял 41 день. С этим числительным и связано этимологически само слово “карантин” (т. е. “карант ун” — “сорок один”). Обычно же пребывание в карантине ограничивалось двумя неделями, однако при условии полной изоляции находящихся там от горожан.

В годы порто-франко одесский карантин считался образцовым, лучшим во всей Европе. Вот фрагмент его подробного описания 1845 г. “Перед нами и за нами шли с булавами гвардионы (сторожа). Все здесь служащие носят красные рукава, чтобы издали было видно, что они принадлежат к карантину и не должно до них дотрагиваться; на офицерах — красные шарфы и красная перевязь на левой руке; часовые стоят с заряженными ружьями, готовые выстрелить в дерзкого, который вздумал бы уйти от надзора”.

Понятно, что обитатели карантина страшно томились от безделья, невозможности обнять ожидающих их близких и друзей, от отсутствия развлечений. Депрессивное состояние усиливала долетающая с бульвара оркестровая музыка, шум и гам, производимый всегда слоняющейся здесь публикой. Но, как говорится, голь на выдумки хитра: узники карантина придумывали всякие розыгрыши, затейливые игры (утверждают, что один из вариантов современного преферанса родился именно здесь) и даже находили возможность обмениваться с внешним миром не только записками, но даже сувенирами. А однажды случилось и вовсе из ряда вон выходящее происшествие, по-своему обессмертившее одесский карантин.

...21 августа 1835 года в Москве было издано произведение, специально посвященное портовому карантину Южной Пальмиры. Это был сборник музыкальных миниатюр для гитары И. Якубовского "Моя воспоминания". Изящными маленькими экосессами и мазурками автор как бы рассказывает о своей собственной судьбе. Уроженец Воронежа, Якубовский повествует музыкальным языком о посещении родного города будущим императором Николаем Павловичем в 1816 году. Другая миниатюра — воспоминание об одноклассниках — студентах Харьковского университета и питомцах тамошней гимназии. Отдельная миниатюра посвящена землякам-воронежцам, проживающим в Москве. Что касается краеведческих анналов Одессы, — их обогащает мазурка "О карантинном термине, выдержанном мною 1829 года в Одессе во время бывшей там чумы".

Да, не в лучшее время пришлось побывать в Столице Юга нашему музыканту. Надо полагать, что ему-то пришлось отсидеть в карантине от звонка до звонка. Но, как говорят, нет худа без добра: обстоятельства способствовали появлению на свет своеобразного панегирика карантину. Несомненно, гитара помогла скоротать мрачные будни не только автору мазурки, но и его товарищам по несчастью.

Об авторе "Гимна карантину" удалось пока узнать не слишком много. Так, установлено, что он — один из учеников знаменитого гитариста-виртуоза и композитора Михаила Тимофеевича Высотского. Как отмечал редактор журнала "Гитарист", издававшегося в начале века, В. Русанов, "И. Якубович был недюжинным гитаристом, крепко любил свой инструмент, нигде не расставался с ним и делился с ним своими впечатлениями и воспоминаниями".

Вести из прошлого

...Одесские газеты. Они не только систематически и неуклонно ведут войну друг с другом, но прямо, изо дня в день, из номера в номер обливают друг друга помоями. Не прощается ни одна опечатка; каждой самой ничтожной ошибке придается государственное значение; сотрудник одной газеты считает своим неременным долгом всячески инсинуировать на другого. Можно подумать, что сотрудники там не работают в газетах, а нанимаются в газеты, как нанимаются всякого рода "лица для услуг", обязанные прежде всего и паче всего блюсти "хозяйские" интересы. Можно подумать, что там покупают человека совсем: и тело его, и душу его, и его симпатии, и антипатии...

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 102.

- Гласный думы Я. М. Пуриц по случаю своей серебряной свадьбы пожертвовал 2000 руб. на учреждение кровати его имени в еврейском сиротском доме. Пожертвование это пришлось весьма кстати, так как финансовое положение еврейского сиротского дома в виду значительных расходов по содержанию открытой в этом году при заведении земледельческой фермы очень незавидно.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 109.

- В Одессе гостил В. Г. Королеко. И, опасно заболев, внезапно уехал. Не успел писатель еще с парохода сойти, — ан перед ним уже "начинающий драматург". За ним — юная поэтесса. За ней — неюная поэтесса. Неюная, но достаточно азартная. Схватила писателя за фалды и стала декламировать. Писатель вырвался и убежал на пароход, но там уже маячило сто три будущих Тургеневы. И у каждого — сто три рукописи. В исступлении Короленко побросал всех в воду /.../. Теперь приехал г-н Сенкевич. Но и тот уже за железнодорожным билетом послал.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2761.

Кто первым рисовал Одессу?

Вот именно: кто же первым рисовал город с натуры? Быть может, Манцони? Гаюи? Бассоли? Ведь это их гравюры, рисунки, литографии открывают галерею “иконографии Южной Пальмиры”. Они иллюстрируют наиболее солидные и известные краеведам издания — “Старую Одессу” Александра Дерибаса, фолиант, выпущенный городским общественным управлением к 100-летию Одессы, знаменитые справочные книги “Вся Одесса”, “Южно-Русский альманах”, ряд серьезных путеводителей и т. д. Оказывается, первым портретистом едва родившегося города был вовсе не профессиональный художник, а человек, вообще не имеющий отношения к искусству. Впрочем, обо всем по порядку.

В свое время автору пришлось заниматься темой, связанной с гидрографическими исследованиями северо-западной части Черного моря в конце XVIII — первой четверти XIX ст. Тогда внимание привлек составитель первой достоверной карты Одесского залива (1798 г.) — замечательный представитель своей эпохи “флот-капитан первого ранга и кавалер Иосиф Биллингс”. Английский моряк, он поступил на российскую службу в середине 80-х годов XVIII века по рекомендации С. Р. Воронцова — русского посланника в Лондоне, отца М. С. Воронцова. Известный дипломат неспроста составил протекцию Биллингсу, ибо знал, что за плечами того участие в третьем кругосветном плавании знаменитого Джеймса Кука. Тогда молодой навигатор служил помощником астронома, зарекомендовал себя отлично и приобрел колоссальный опыт.

В 1785 году капитан-лейтенант Биллингс возглавил экспедицию по исследованию Чукотки и омывающих ее морей. Десять долгих лет он пытался обогнуть этот суровый полуостров на им самим же сконструированных судах, — не вышло. Но не таков был Биллингс, чтобы отчаяться: он надумал объехать чукотские берега посуху. Это было по-

истине фантастическое путешествие с сюжетными ходами, достойными романов Хаггарда и Майн Рида. Вдвоем с чукотским старшиной, на оленях (!) углубился уроженец туманного Альбиона в земли неведомые. При этом Биллингс оказался не только лихим путешественником, но и бойким повествователем. В 1802 году в Лондоне вышла его книга, посвященная описанию "Чукотской одиссеи", впоследствии переведенная на русский язык его коллегой капитаном Сарычевым.

Награжденный орденом св. Владимира, наш англичанин в 1795 году был откомандирован в Черноморский флот, командовал здесь различными судами, производя опись (т. е. топографическую съемку) северных берегов от Днестра до Кубани. Спустя три года появилась и довольно известная его карта "от Адессы до устья реки Днестра", сделавшаяся хорошим подспорьем в плаваниях черноморским шкиперам. Вот, пожалуй, и все, что нам было прежде известно об Иосифе Биллингсе.

Но прошло несколько лет, и одесский коллекционер В. И. Волчек, помня об этих "биллингсовских разысканиях", обратил внимание автора на статейку "Одесса 100 лет назад", помещенную на так называемом "втором листе" газеты "Одесские новости" от 25 января 1898 года и подписанную инициалами "А. С.". Что касается "А. С.", тут разночтений быть не может: написано "Геродотом Новороссийского края" Аполлоном Скальковским. Статейка весьма любопытна — речь идет о скорости абразийных процессов (размыв морских берегов) в пределах Одессы за сто лет (1798—1898) по материалам сопоставления старых и новых карт. Здесь, разумеется, упоминались гидрографические работы Пустошкина, Биллингса и других исследователей, но не в этом соль. Оказывается, Биллингсом "нарисованы с натуры акварелью виды наиболее значительных в то время пунктов Черного моря, именно виды Ахтиара (Севастополя), Козлова (Евпатории), Ялты, где тогда было лишь несколько бедных хижин, мыса Тарханкут, собственно дачи Василия Степановича Попова и пр.".

Одесса в число этих видов не попала — слишком ничтожна она еще была в те времена. Однако "флот-капитан и кавалер" сделал еще тушью рисунки видов берегов Черного моря: такие зарисовки (с известного расстояния и направления) и ныне служат составной частью логии и помогают мореходам лучше ориентироваться.

Так вот, среди прочих, он нарисовал и "Вид Одессовской (т. е. Биллингс отталкивался от древнего названия этого приморского пункта — Одесс — О. Г.) рейды". Уникаль-

ний этот рисунок позволяет увидеть Одессу образца 1798 года! Вот как описана эта панорама А. А. Скальковским: "Теперешний Ланжерон был в то время далеко вдающимся в море острым углом мысом. В направлении современного Карантинного мола выдвигалась каменная гряда, послужившая ему первоначальным основанием. Такая же каменная гряда выходила в море продолжением Воронцовского мыса и тоже послужила основанием Военного мола. На месте теперешнего Николаевского (Приморского — О. Г.) бульвара была пустыня с обваливающимися берегами. Впрочем, еще долго и после 1798 г. Николаевский бульвар служил местом свалки мусора, почти до самых тридцатых годов текущего (т. е. XIX — О. Г.) столетия. Вообще Одесса того времени представляла собою небольшую группу очень разбросанных маленьких домиков с крепостью на приморском конце Канатной и Новой улиц (Свердлова и Маразлиевской — О. Г.). Приблизительно место теперешнего дворца на бульваре, несколько дальше от обрыва, занимал единственный сравнительно большой дом еще турецкой постройки с высокими стенами и небольшим садом. Здесь во время турецкого владения, вероятно, жил начальствующий бей. Как мало общего имеют эти разбросанные хижины с теперешними тесно сплоченными палаццо! Могли в то время кто-нибудь подумать о подобной метаморфозе в течение каких-нибудь 100 лет?" (Эти строки написаны без малого столетие назад, и Аполлон Александрович едва ли узнал-бы сегодня те великолепные "сплоченные палаццо" и как бы еще удивился "новым метаморфозам").

Итак, первым одесским живописцем по праву можно считать путешественника, гидрографа, литератора Иосифа Биллингса. Но вот еще один заковыристый вопрос: как же познакомиться с его рисунками, так сказать, очно? Полагаем, это удастся лишь тем, кто, вооружившись терпением, покопается в архиве гидрографической службы ВМФ в Санкт-Петербурге.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- "Базары", или рынки, занимают две больших площади на восточном и западном концах города. Магазины, принадлежащие купцам, примыкают к их домам; многие из них одноэтажные, некоторые имеют второй этаж. Т. к. ни одна часть города не вымощена, в мокрую погоду он превращается в самое грязное место, которое мне только доводилось видеть (не считая Балты), а летом пыль столь же невыносима, сколь грязь зимой. Здесь есть очаровательный театр, однако необычный способ освещения делает пребыва-

ние в нем гораздо менее веселым и приятным, чем в наших театрах; хорошо освещена только сцена, остальное погружено почти в полную темноту. Постановки итальянских опер, а также русских и французских пьес отличаются довольно хорошим вкусом. Но что более всего достойно внимания в Одессе, так это прекрасное учебное заведение для дворянской молодежи, называемое Лицеем.. Часть этого заведения приспособлена для обучения девочек..

М Э Р И Х О Л Д Е Р Н Е С С, 1816—1820 гг.

● Заняв в клобе (т.е. в клубном доме Рено - О. Г.) № 4, имеющий балкон на Ришельевскую ул., я в первый раз удовольствовался наблюдением оттуда непрерывного движения, продолжавшегося на улицах далее полуночи. Прекрасные кареты, коляски, кабриолеты, верховые, возы с товарами, разносчики, разнородные группы гуляющих по тротуарам сменяли попеременно сцены, являли благотворные следы торговли /.../. По обоим сторонам окон (центральной улицы города - О. Г.) встречаешь огромные дома в 2 и 3 этажа, магазинны, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казино (т.е. casino — О. Г.), полные посетителей.

П. С В И Н Ь И Ц, МЕЖДУ 1825 и 1830 гг.

Одесситка — для гарема?

Говорят, что в былые годы уроженки Южной Пальмиры являлись лучшим украшением сералей восточных владык различного ранга. Что это: очередной одесский миф? похвальба местных красавиц? оригинальная выходка изобретательных литераторов? На первый взгляд кажется, что так оно и есть на самом деле. Вспомним, например, “одесский фрагмент” достаточно известного романа Жюль Верна “Упрямец Керабан”.

Сюжет этого произведения вполне в духе знаменитого романиста: турецкий купец, отличавшийся завидным упрямством и не желавший платить пошлину за проезд через Босфор, решил вернуться из Галаты (приморский город в современной Болгарии) в Скутари иным путем, так сказать, по ходу стрелки часов, вокруг всего черноморского побережья. По пути Керабан и его спутники посетили Одессу, Коблево, Николаев, побывали в Крыму, на Кавказе и т. д. И хотя описания увиденных путешественниками мест довольно-таки беглы, читаются они с немалым интересом.

В связи с этим у читателя возникает закономерный вопрос — откуда писателем заимствованы сведения, скажем, об Одессе, коль скоро в ней он никогда не бывал, русским языком не владел и русскими первоисточниками, как известно, не пользовался? Анализ показал, что подобными справочными изданиями для Жюль Верна послужили книги французских авторов, посвященные Причерноморью, причем подавляющее большинство “живых деталей” заимствовано из четырехтомника, изданного по результатам материалов экспедиции в Южную Россию, организованной ученым-меценатом Анатолием Демидовым — князем Сан-Донато в конце тридцатых годов XIX столетия.

Описание города начинается Ж. Верном так: “Этот город представляет собой оазис среди степей...”; у А. Демидова: “Окруженная со всех сторон неизмеримыми степями, Одесса является перед путником, как давно ожидаемый

оазис...“ Это могло бы показаться простым совпадением, если бы за сходной метафорой у Ж. Верна не последовал целый ряд сведений, изложенных в той же последовательности (но гораздо более пространно) А. Демидовым: о климате, пригородных дачных местностях, об отъездах зажиточных горожан в летнее время на отдых в Тавриду и т. д. Но, конечно же, текст Жюль Верна — не простой пересказ первоисточника. Сухие цифры и факты, почерпнутые замечательным писателем, трансформируются в динамичную, яркую, наполненную юмором картину. Вот, скажем, как легко и весело описывает он рождение имени Одесса: “Жители... обратились к императрице Екатерине II с просьбой дать городу новое имя. Императрица посоветовалась с петербургской академией наук. Академики принялись копать в истории, докопались до Троянской войны и отыскивали довольно сомнительное указание, будто на этом побережье, неподалеку, существовал город Одиссос“.

Все это, безусловно, весьма любопытно, но вернемся к “гаремному вопросу“. Один забавный эпизод жюльверновского текста об Одессе я приписывал целиком фантазии романиста: в “Упрямце Керабане“ полушутя-полусерьезно говорилось о том, что красивых одесских девушек воруют для продажи в серали турецких вельмож. Прочитав этот фрагмент, невольно улыбнулся и решил: Жюль Верн тут попросту “ошибся“ эпохой, чтобы, так сказать, сдобрить литературное варево острой приправой. Красть одесситок? Для гаремов? Неужели? Ведь это же не времена достоправной Роксоланы...

Только прав оказался все-таки Жюль Верн. Одесситок и в самом деле продавали в гаремы, причем гораздо позднее времен, описанных в романе. В местной периодике удалось отыскать немало подтверждений этому, казалось бы, курьезному заявлению.

Так, на рубеже 1882—1883 годов в одном бедном одесском семействе неожиданно пропала 16-летняя красавица-дочь — Анна Прокофьева. Восемь долгих лет о ней не было никаких известий, она считалась погибшей; отчаявшаяся мать ее сошла в могилу. Но вот паломники, возвращающиеся в Одессу из Афона, стали рассказывать удивительные истории о судьбе Анны, причем рассказы эти вскоре вполне подтвердились. Оказалось, что красавица-одесситка была похищена какими-то авантюристами, вывезена морем в Стамбул и там продана богатому турецкому негодяину. Этот последний вел свои дела в Греции, в Салониках, куда в конце концов и была доставлена Анна Прокофьева. Оказавшись в неприступном гареме, девушка

поначалу предалась отчаянию, воображая судьбу очередной наложницы — забавы сластолюбивого рабовладельца.

На поверку все сложилось иначе. Купец сделал одесситку своей законной женой, был с ней очень добр, внимателен и даже не препятствовал отправлению ею христианских обрядов. Один за другим у них родилось двое прекрасных здоровых мальчуганов. Все шло хорошо. Но тут счастливый супруг неожиданно тяжело заболел и вскоре скончался. И вот тогда только открылось, что покойный, повсе не будучи расточительным и щедрым на подарки (при жизни он считал каждую лиру!), хорошо позаботился о любимой супруге. Согласно завещанию, Анна Прокофьева унаследовала четыре дома в Салониках, шесть парусных шхун и пять тысяч лир наличными.

Сделавшись обладательницей всего этого добра, 24-летняя вдова не ударилась в загул, а, напротив, занялась делами богоугодными. Самое большое из принадлежащих ей судов она подарила Афонскому монастырю, где воспитывались и обучались ее сыновья. Затем наша одесситка пожертвовала и прекрасным домом — отдала его специально для устройства в Салониках русской и греческой школы.

Разумеется, не у всех уворованных одесситок судьба складывалась так же благополучно, как у героини этой главы. Многие из них бесславно прозябали за высокими стенами "райских крепостей". Кое-кому, правда, удавалось бежать оттуда: в одном из номеров "Одесских новостей" за 1893 год мы нашли следующее любопытное сообщение. "Не так давно в Константинополе явилась в русское посольство некая В-ф и заявила, что она была продана одесситом Н-м в гарем, откуда ей удалось бежать..."

Но вернемся к более благополучному примеру Анны Прокофьевой. Даже безудержная фантазия Жюль Верна не могла предугадать столь блестящего будущего похищенной одесситки. Что остается нам? Уповать, что история красавицы Анны когда-нибудь повторится и одесская тема в мировой литературе обогатится новым сюжетом...

Вести из прошлого

- Одесское общество крайне возмущено наглою выходкою неизвестного лица, позволившего себе поместить в воскресном номере "Одесского Листка" ложное объявление о смерти учителя Марининской гимназии П. И. Бракенгеймера (...).

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 133.

- В еврейскую больницу доставлен в бесчувственном состоянии и вскоре умер И. Зуйков, который на пари выпил сразу целый штоф спирта.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 139

- Плоды реализма на сцене (...). Недавно антрепренер — известный провинциальный артист г-н Галицкий распростер реализм постановки до того, что в одной из пьес, где приходилось на сцене передавать деньги, передал партнерше, г-же Киселевой, не бутафорские, а настоящие 200 рублей. Но, увы, этот реализм дорого обошелся тщательно-му реалисту. По выходе со сцены, г-жа Киселева бросила деньги на стол (по ходу действия) и снова возвратилась, но денег на столе уже не оказалось. Начались поиски, пока не увенчавшиеся никаким успехом. Итак, гг. режиссеры, не будьте слишком ретивы в реальности постановки пьес на сцене.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 143

- Третьего дня муж содержательницы дома терпимости в доме Гельда по Кривой улице Ф. Баскин, поссорившись со своей женой, покушался застрелить ее, но по неумелости обращаться с револьвером в момент выстрела в жену ранил себя в левую руку, не причинив вреда жене.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 162

Как же звали Соньку Золотую Ручку?

Верно, ослепительная эта барышня — фигура прямо-таки легендарная. По-видимому, легенды, изустные предания как раз и составили тот образ “благородной аферистки”, который чем-то даже напоминает Остапа Ибрагимовича Бендер-Бей-Задунайского в лучшие его годы. Сказания эти отчасти просочились на страницы художественных произведений и периодики, отчего наша героиня сделалась чуть ли не подобием новороссийского Робин Гуда.

Слава Соньки была так велика, а фольклорный силуэт столь привлекателен, что уже в последней четверти минувшего столетия у нее появилось множество “двойников”, как, например, известная аферистка Франциска Целестина Капшерская (см. “Одесский вестник”, 1892, № 54). Еще и теперь находятся люди, убежденные в том, что хорошо помнят знаменитую преступницу, ибо, по преданию, она родилась в 1869 году. Это тем более странные представления, что первый значительный судебный процесс над Сонькой относится к 1872 году — материалы этого скандального процесса давно опубликованы. Стало быть, в тяжких преступлениях обвинялось... трехлетнее дитя. Критически в этой связи надо отнестись и к позднейшим сообщениям “Одесской почты”, “Одесского листка”, “Южной мысли” и других периодических изданий, преследовавших исключительно коммерческо-рекламные цели.

...В материалах судебных разбирательств Сонька обычно фигурирует как Блювштейн — это фамилия одного из ее многочисленных супругов. Подобные браки зачастую заключались с единственной целью: сменить фамилию, а заодно — “легенду”, замести следы. Не говоря уже о том, что “благочестивый” Соньки, Мишель Блювштейн, был одним из активнейших членов организованного ею воровского сообщества, и как и другой ее “супруг”, Бреннер, проходил с ней на процессе 1880 года по тем же уголовным делам.

В материалах следствия 1872 года, лишившего Соньку всех прав, упоминается, что она “варшавская мешанка”, “урожденная Соломониак”, 26-ти лет, из чего нетрудно заключить — она 1846 года рождения.

Оставляя в стороне всевозможные душещипательные подробности о “трудном детстве” и “обольстителях” (которыми изобилуют всевозможные предания и легенды), заметим только, что первые ее впечатляющие успехи связаны с кражами на железной дороге (еще в 60-е годы), где она, по меткому выражению одного присяжного поверенного, разъезжала “уже, конечно, не ради одного моциона”. Прекрасные внешние данные, умение располагать к себе случайных попутчиков, природная смекалка, наглость, граничащая со смелостью, — вот ассортимент качеств, присущих Соньке в пору ее вагонных бенефисов. Начав с мелких краж, в результате которых ей доставалось содержимое потертых саквояжей разночинцев, она довольно быстро пошла в гору — переместилась из вагонов третьего класса на самый Олимп, в купе крупных дельцов, высоких военных чинов, аристократии. Достаточно сказать, что один лишь “душевный вечер”, проведенный в одном купе с генералом Фроловым, принес нашей героине 213 тысяч рублей: феноменальная по тем временам “выручка”!

Со временем сфера приложения Сонькиных талантов значительно расширилась — она формирует клуб аферистов-универсалов, прошедших отличную школу махинаторского искусства. Петербург и Москва, Саратов и Астрахань, Рига и Петрозаводск, Кишинев и Харьков, Варшава и Вена, Лейпциг и Будапешт — вот далеко не полный перечень гастрольных адресов актеров Сонькиной труппы.

Но во всех этих вольных и невольных вояжах и перемещениях четко прослеживается один неприменный маршрут: Нижний Новгород — Одесса. Это объясняет и кажущуюся странность: почему в Одессе, богатейшем приморском городе, славном своими романтическими блатными традициями, Сонькин “театр-варьете” давал весьма и весьма скромные представления. Пояснение достаточно простое. Основным полем деятельности воровского клуба в данном случае была знаменитая Нижегородская ярмарка, привлекавшая к себе массу состоятельных людей со всех концов России и даже из-за ее пределов. Собрав здесь хороший “урожай”, гастролеры возвращались в Одессу, где и проживали все деньги: слава Богу, здесь доставало увеселительных заведений, роскошных магазинов и т. д. Впрочем, председательница клуба, отличавшаяся широтой размаха, нередко отправлялась из Одессы “развлекаться” в ев-

ропейские столицы и фешенебельные курорты. Так, в 1872 году она заложила в венском ломбарде различные драгоценности, получила на руки изрядную сумму, которую тут же без особого напряжения прокутила.

В Одессе же обитал один из наиболее способных ее подручных — некий Владимир Кочубчик. Здесь же частенько хранилась казна воровского синдиката, кассиром которого состоял испытанный в такого рода делах “господин Березин”. Опять-таки в Одессе “воровская примадонна” была арестована 27 августа 1879 года накануне своей сибирско-сахалинской одиссеи. При ней в тот раз оказалась довольно скромная по ее меркам сумма в девять тысяч рублей, “происходящая” все из того же Нижнего Новгорода.

Из отчетов судебных следствий, истории ссылок, заключений и побегов Золотой Ручки можно было бы сплести сюжетную ткань захватывающего романа в духе Дюма-отца (или же его киноверсий). Здесь, по-видимому, надо было бы упомянуть о том, что Сонька “не отказывала себе в удовольствии немного поразнообразить свою деятельность”, способствуя побегу членов клуба “Чёрвонных валетов”, об обстоятельствах ее собственных дерзких побегов из-под стражи. Только во всем этом нет нужды, поскольку нам едва ли удастся что-нибудь прибавить к лаконичному и драматичному рассказу А. П. Чехова, наблюдавшего Соньку на Сахалине.

“Из сидящих в одиночных камерах, — писал Антон Павлович, — обращает на себя также внимание известная Софья Блювштейн — “Золотая Ручка”, осужденная за побег из Сибири в каторжные работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым старушечьим лицом. На руках у нее кандалы, на нарах одна только шубейка из серой овчины, которая служила ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, что она все время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, — и выражение лица у нее мышинное. Глядя на нее, не верится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своих тюремщиков, как, например, в Смоленске, где надзиратель помог ей бежать и сам бежал вместе с нею...”

Так завершила свою карьеру “российская леди Винтер”.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Одесса являет собой поразительный пример той быстроты, с которой растут и привлекают к себе внимание новые российские города. Всего немногим более тридцати лет тому назад здесь не

было ничего, кроме жалкого на вид татарского селения и крепости под названием Хаджибей, а сейчас в городе более 200 каменных домов, не считая деревянных, а население его составляет приблизительно 40000 жителей.

...Город этот по праву называют "маленьким Петербургом". Очень украшают город высокие тополя, растущие по обеим сторонам улиц, а также расчлененность ландшафта, на котором он построен. Большинство улиц вымощено, но в мокрую погоду городские и базарные площади превращаются в настоящее болото, и было, право, забавно увидеть в центре города, являющего собой зрелище современной элегантности, то, что в Северной Британии называют торфяным мхом, т. е. грязь, ровно нарезанную на куски и отгороженную кольями для просушки, в точности как торф посреди болота. Прямо у подножия города расположена гавань, сообщение с которой осуществляется через глубокий овраг, отделяющий город от крепости, расположенной чуть южнее, откуда просматриваются дороги, и — карантина, стоящего на берегу, поблизости от гавани...

Э. ХЕНДЕРСОН 1821 г.

- Тексты на почтовых открытках начала века "Привет из Одессы!"
"Сейчас я в Одессе. Красивый, изящный город. (Теперь я понимаю, почему нашу матушку-Москву называют большой деревней). Почти все улицы сплошь обсажены акациями, вроде наших лип, высокими. Сейчас акации цветут, и город полон аромата. А в Москве воняет кухмистерскими и прочими запахами".
"Со многими мытарствами добрался до Одессы ночью. Устроился хорошо. Хозяйка премилая женщина. И город, кажется, недурной. Впрочем, так показалось ночью. Завтра напишу больше".
"Сегодня мы идем в Городской театр слушать "Аиду". На первые спектакли уже все билеты проданы. Тебе не завидно? Тебе не жаль, что ты не в Одессе?"
"Прибыл в Одессу благополучно, если не считать того, что почти под Одессой кто-то стрелял по автомобилю".

1902-1915 23

Первый одесский вернисаж: давно ли это было?

Двухвековая история Одессы отмечена многими замечательными событиями, в том числе разнообразными выставками — торгово-промышленными, сельскохозяйственными, художественными. — которые порой на долгие месяцы становились своеобразным местным акрополем. Но если одно из последних значительных мероприятий такого рода — торгово-промышленная выставка 1910—1911 гг. — описано и проиллюстрировано краеведами достаточно широко, то о самом первом — вернисаже 1837 года — знают лишь единицы.

Надо сказать, что время проведения первой одесской торгово-промышленной, сельскохозяйственной и художественной выставки (можно добавить, что она была к тому же и естественно-научной) выбрано не случайно: она была приурочена к вояжу императора Николая I с семьей и свитой на юг. Генерал-губернатор Новороссийского края и Полномочный наместник Бессарабской области граф М. С. Воронцов намеревался продемонстрировать монарху, так сказать, выставку достижений народного хозяйства подведомственной ему провинции. И, поверьте, было что показывать. Покровительствуя одаренным людям, Воронцов, вслед за Ришелье, сумел привлечь под свое начало высококвалифицированных ремесленников, инженеров, педагогов, врачей, мореходов, коммерсантов, виноградарей, виноделов, скотоводов и т. д. из Центральной Европы, Средиземноморья и даже из Америки. Экспоненты первой выставки великолепно отражают этническую пестроту экзотической космополитической Южной Пальмиры.

...Люстра художника Ковшарова, слесарные изделия Гутьяра, Риппа и Виса, круглый стол и две вазы из крымского мрамора работы Францони, столовое украшение Дютфуа, стол с переводными на оный изображениями знаменитых людей, изготовленный Гавриленко, эпoletы Випневского, корсеты Цеткиной и т. д.

Как раз в дни проведения выставки в городе побывал отряд экспедиции, организованной знаменитым меценатом Анатолием Демидовым (князем Сан-Донато) для изучения природных ресурсов Северного Причерноморья, в составе таких крупных европейских исследователей, как Ле-Пле, Маленво, Руссо, Дю-Понсо, Де-ла-Рош-Пушен и великолепного рисовальщика Огюста Раффе. Их интересы как раз и отражал естественно-научный отдел выставки. Здесь экспонировались различные типы стройматериалов, в особенности известняка: так называемые “дикарь”, “плитняк”, “штучный камень” и т. п. Были представлены также местные и бахмутские глины, черепица заводов генерала Лехнера и полковника Третеского. Выставлялась флористическая коллекция Новороссии, в том числе гербарий профессора Ришельевского лицея (одно время — директора местного ботанического сада) А. Д. Нордмана, семена полевых и огородных растений, садовые плоды, собрания насекомых “и особо саранчи в разных ее возрастах”, работы таксидермистов.

Широко были представлены производимая в крае шерсть, шелк (в том числе — “майора Дерибаса”), пух ангорских коз, канаты и шпагаты, вина, искусственные минеральные воды, сортовые ликеры, наливки, ром (в том числе — одного из первых городских жителей — коллежского советника Гамалея), сало, свечи, мыло (Санценбахера), крахмал (Пипсона), макароны (Жульена и Розетти), сигары, нюхательный табак и т. д. Большинство перечисленных товаров вывозилось за рубеж не один год.

В городе тогда действовало пять кирпичных и черепичных, четыре салотопных, три свечных и мыльных, четыре канатных (Новикова, Плотникова, Афанасия Мешкова и Ивана Мешкова) завода, четыре макаронные, одна табачная и сигарная, одна шляпная фабрики. А ведь мы буквально приучены к мысли о том, что в период порто-франко город практически ничего не производил, а тем более не экспортировал.

В 1833 г. пустили государственный чугунолитейный завод, причем на выставке демонстрировалось сразу несколько блистательных изобретений его директора Жюста Валентиновича Гаюи (1793—1843) — ученого-энциклопедиста, инженера-универсала, художника, человека, которому Одесса обязана очень и очень многим: строительством мостов, дорог, маяков, бурением первых артезианских скважин, укреплением приморских склонов, первыми рисунками, запечатлевшими совсем еще юный город. Эта выставка представила Гаюи в ракурсе инженера-изобретателя: здесь

можно было видеть “насос, употребляемый для приготовления минеральных вод”, ручную мельницу, модель установки для бурения артезианских гидрогеологических скважин, “сеносжимательный пресс”. В другом отделе выставки, кстати говоря, экспонировались и “два портрета работы госпожи Гаюи”.

Среди других экспонатов упоминаются многочисленные произведения искусства: картины местных художников Бокаччини, Валентини, Ваникина, Контини, Михайлова, рисунки Бассоли, литографии Кленова, “картины, шитые шерстью”, “ящик из кораллов”, ювелирные изделия, музыкальные инструменты, часы, оптика и даже “конфетная пирамида” из легендарной кондитерской Замбрини в Пале-Рояле.

Выставка 1837 года убедительно показала, что различные образцы товаров местного производства уже вполне могут конкурировать с привозными. “Мы имеем, — писал современник, — мастеровых для всякого ремесла, и некоторые из них могут стать наряду с лучшими столичными, таковы, например, мебельные мастера Коклен, Гемерле и Дюран; золотых и бриллиантовых вещей — Лардон, Сантамария и Розегутта; ружейный мастер Гутьяр, токарь Ангер и другие, не говоря о портных и модистках, которые приехали к нам из Парижа”.

Одесса уверенно продвигалась к своему наивысшему расцвету, чему, конечно же, способствовало порто-франко: дальновидная, взвешенная политика Ришелье и его преемников давала свои благодатные всходы. “Судьба Одессы почти определена, и в будущем мы ожидаем прочности и благоденствия настоящего”. Писано это более 155 лет назад, но мы по-прежнему верим, что ожидание это оправдается.

Вести из прошлого

● Разбойник Чубчик, по полученным здесь сведениям из Сахалина, переправляясь на плоту, погиб вместе с товарищами-беглецами.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК”, 1892, № 170.

● Мариенбадский юбилар из одесситов. В “Новороссийском Телеграфе” помещено письмо одного из очевидцев тех оаций, объектом которых сделался в Мариенбаде один из одесситов, Ж. Р. Низгурицер. Обыватели этого курорта чествовали двадцатипятилетие... посещения одесситом Мариенбада (...).

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК”, 1892, № 175.

- Пирушка воров. В ночь на 19 июля воры проникли на дачу Якобсона на Среднем Фонтане и там забрались в погреб. Забрав с собою вина, наливки, полупудовые банки с вареньем, воры тут же, в погребе, устроили пирушку: опорожнили несколько бутылок вина и закусили варениками с вишнями, а затем, никем не замеченные, преспокойно ушли, оставив на месте опорожненную посуду.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 180.

- Околоточный надзиратель Петропавловского участка фон Ланге обнаружил по Большой Арнаутской ул., у содержателя меблированных комнат Ф-бум тайный притон разврата. Г-н фон Ланге задержал там 18 персон женского пола.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 188.

- Долговечность. При громадном стечении публики происходили вчера похороны одной из одесских старожилок, известной всему еврейскому обществу г. Одессы Баси Хасензон. Покойная умерла в самом преклонном возрасте, ей было до 100 лет, и она оставила потомство до праправнуков включительно.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 189

С чего начиналась одесская журналистика?

Давайте-ка для начала припомним фрагмент одесской главы “Евгения Онегина”.

*Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны?*

Да, именно так обстояли дела, когда средства массовой информации не отвечали требованиям времени: негоцианты или их агенты, что называется, ждали у моря погоды. А потому уже в самые первые годы существования одесской биржи остро встал вопрос о необходимости издания специального бюллетеня, несущего информацию о курсе валют, ценах на зерно в различных портовых центрах, о товарах, поступающих в карантин, аукционных распродажах (в том числе — “конфиската”) и т. д. По свидетельству маркиза Габриеля де Кастельно — автора “Опыта истории Новороссии”, а также известного польского писателя Юзефа Крашевского, превосходно знавших раннюю историю Одессы, биржа в ту эпоху обосновалась в так называемом клубном доме барона Рено, по улице Рипшелевской, между Дерибасовской и Ланжероновской (названия улиц, разумеется, появились позднее). В клубной зале, на галерее, стояли столики, на которых к услугам торгового люда были приготовлены французские, итальянские, английские коммерческие газеты — “Дебата”, “Газета Ллойда” и др.

О первых одесских газетах будет сказано ниже, но далеко не всякий знает, что им де-факто предшествовали так называемые “биржевые листки” (по существу, та же

газета). К несчастью, ни единого экземпляра до нас не дошло, и облик их воссоздается лишь по воспоминаниям современников. Там помещались сведения о прибывающих и уходящих судах, характере и количестве грузов, там была роспись фирм и частных лиц-грузополучателей, а также чисто биржевые известия и объявления. В последующие годы биржевая информация находила свое отражение в "Журналь д'Одесса", "Мессаже", "Одесском вестнике" и многих других изданиях, в целом ориентированных на широкую читательскую аудиторию. В конечном итоге Южная Пальмира обрела целый ряд коммерческих изданий, в том числе исключительно биржевых. Среди этих последних, например, "Торгово-промышленное обозрение" (издавалось с 1912 г.) и "Торговый бюллетень" (с 1898 г.). Вести с бирж регулярно давали "Торговое дело" (с 1906 г.), "Торговый мир" (с 1909 г.), "Торгово-промышленный Юг" (с 1911 г.) и др.

Итак, перефразируя известный тезис, скажем, что коммерция сделалась двигателем рекламы — именно она породила одесскую прессу. На смену биржевым листкам пришла полноценная газета "Вестник Южной России, или Коммерческий листок, издаваемый с позволения начальства" ("Messenger"). Инициатором этого издания был уроженец Лиона Жан (Иван) Даваллон. Судьба этого первого одесского газетчика довольно неординарна. В 1786—1806 годах он жил в британской столице, где некоторое время состоял советником французского консульства. Впоследствии Даваллон редактировал "Обозрение торговли и статистики", издаваемое министерством внутренних дел Франции. По приглашению Де Ришелье Даваллон прибыл в Одессу, где на первых порах занимался деятельностью, весьма далекой от журналистики: в частности, оборудованием первой местной шерстомойни, продукция которой предназначалась к экспортированию.

Письмо Ж. Б. Даваллона к графу А. Ф. Ланжерону об учреждении газеты относится к 10 ноября 1819 года. "Отношение" Ланжерона к "Министру Полиции (по цензурному департаменту)" — к 19 ноября того же года. В среде одесских красавцев бытует мнение о том, будто Ланжерон решил вопрос своей властью, не дождавшись "ценных указаний" из Петербурга: 11 марта 1820 года исполняющий обязанности одесского градоначальника Н. Я. Трегубов получил от него письмо о том, что свыше дозволено издавать "Коммерческую газету Южного края России".

Спустя неделю к Трегубову поступило прошение издателей "Вестника Южной России" — Даваллона, Гибаля,

Феррарини, Элкана, Сорона. О Даваллоне было сказано выше. Александр Варфоломеевич Гибаль — преподаватель французского языка в одесских учебных заведениях, петербуржец, учился во Франции, дворянин, впоследствии сотрудник “Одесского Вестника”, член тайного общества, о котором столько судачат национал-патриоты всех мастей, убит на дуэли в старом ботаническом саду. Леон Леонович Элкан — директор местной коммерческой гимназии (до 1814 года), уроженец Берлина, выпускник Кенигсбергского университета, литератор. Иосиф Фабиевич Феррарини — преподаватель итальянского языка, уроженец Италии, выпускник Палестринского университета. Франц Сорон — “образованный негоциант”, занимавшийся сперва вино-, а затем книготорговлей: его книжная лавка на Риппельевской продолжительное время была крупнейшей в Одессе, о чем писал, в частности, небезызвестный общественный деятель и литератор П. Т. Морозов. Таковы первые одесские журналисты, к каковым надобно прибавить еще некоего “дворянина Каронели”, ряд французских, швейцарских, итальянских коммерсантов и, предположительно, самого А. Ф. Ланжерона.

Первый номер “Messenger” увидел свет 1 апреля (и это вовсе не одесская хохма!) 1820 года. Издателями заранее было оговорено, что из канцелярии градоначальника, карантина и таможни будет подаваться информация о прибывающих и уходящих судах, реестры экспортируемым и импортируемым товарам, транзитным грузам, сведения о пошлинах, сдаче внаем, о продаже движимости и недвижимости, новых официальных документах, относящихся к торговле и местному управлению, о размерах страховых премий, об условиях навигации и т. п. Газета печаталась в типографии, арендованной у города Карлом Сейцем, и выходила по вторникам и пятницам. Помимо чисто коммерческих сведений, здесь помещалась иногда “культурная хроника” — театральные объявления и рецензии, информация о конских ристаниях, о “мероприятиях”, организуемых в клубной зале и т. п. Помещать какие-либо политические известия категорически возбранялось. Добавим к этому, что в июне-июле 1821 года предпринималась попытка издавать “Мессаже” параллельно и на русском языке. Затея эта, впрочем, не удалась, ибо нашла только ... семь подписчиков.

За более чем три с половиной года своего существования газета органично вплелась в ткань общественного быта города, сделалась привычной и полезной горожанам, в первую очередь — негоциантам. Вместе с тем, тематика га-

зетных номеров по-прежнему носила исключительно деловой, информационно-рекламный характер, тогда как публика алкала и политических новостей, особенно в годы бурных потрясений на Балканах, в Средиземноморье.

...Один из стереотипов, сложившихся в нашем краеведении, выглядит следующим образом: явился, понимаете ли, в Одессу этакий Торквамеда-Воронцов и закрыл неудобную ему газетенку, сиречь "Мессаже". Тут следует не предвзято разобраться, и тогда окажется, что история с газетой идет новороссийскому генерал-губернатору скорее в актив, нежели в пассив.

А реально события разворачивались так. Едва воронцовская канцелярия обособлялась в Одессе, Даваллон обратился к Михаилу Семеновичу за разрешением перепечатывать обзоры политических новостей из московских и санкт-петербургских периодических изданий. Это произошло 23 июля 1823 года, причем к прошению прилагался комплект газеты за первое полугодие. Можно предположить, что Воронцов, занимавшийся обустройством на новом месте и часто оставлявший Одессу, получил это прошение с большим опозданием. Во всяком случае, на второе письмо Даваллона — от 17 сентября того же года — губернатор отреагировал мгновенно. На следующий же день он весьма любезно отвечает редактору: "Так как я не нахожу никакого неудобства в исполнении Вашей просьбы, то я позволяю Вам печатать (...) политические и другие статьи из журналов, напечатанных в Петербурге и Москве". То есть Воронцов незамедлительно решил проблему, которая оказалась не под силу его мнительному предшественнику на протяжении нескольких лет. Мало того, генерал-губернатор тут же сообщает о своем решении градоначальнику А. Д. Гурьеву, прибавляя буквально следующее: "Уведомляю о сем Ваше Превосходительство, дабы он (Даваллон — О. Г.) не имел по сему предмету никаких затруднений. Вот, оказывается, каким "зловредным" руководителем был граф М. С. Воронцов. 22 сентября Гурьев доложил губернатору, что им сделаны на сей счет "надлежащие распоряжения".

В конце сентября — начале октября в "Мессаже" начинают появляться означенные перепечатки, однако 10 октября Даваллон нарушил джентльменское соглашение, заключенное между ним и генерал-губернатором: в газете появилось известие с театра греко-турецкой кампании, подготовленное, очевидно, по материалам зарубежной прессы или же от собственного корреспондента. Правила игры, обозначенные сторонами, были нарушены. Но суть

дела в том, что и *после этого* Воронцов не запретил издание даваллоновской газеты и, по всему видно, даже и не собирался этого делать. Он поступил иначе: 13 октября 1823 года чиновник П. Я. Марини (пушкинский знакомец, впоследствии — куратор “Одесского Вестника”) под расписку вручил Даваллону сообщение, которое надлежало опубликовать в ближайшем номере газеты. В нем говорилось, что, поскольку редакцией нарушены “те точные правила, на которых было разрешено печатать, кроме торговых, еще другие статьи, то это разрешение у нее отнято”.

Чтобы еще раз продемонстрировать непредрвзятость Воронцова в отношении “Мессаже” и ее издателя, процитируем фрагменты письма генерал-губернатора Новороссии управляющему министерством внутренних дел от 12 октября того же года: “Французский подданный Даваллон, издатель выходящей в Одессе Коммерческой газеты Южного края России, печатаемой с разрешения, Министерством Внутренних дел в 1820 году данным, в исходе минувшего сентября просил у меня дозволения помешать в помянутой газете такие политические статьи, кои уже были напечатаны в С. Петербургских и Московских ведомостях (...). Зная, что пожелание и здешних листках новостей доставит большое удовольствие публике и выведет ее из затруднения искать в сем Краю иностранных газет дорогою ценою, я дал было мое согласие на просьбу Даваллона. Но как издатель сей в самом начале преступил назначенные ему пределы, напечатав однажды статью, вовсе в наших газетах небывшую, то я отменил данное дозволение и подтвердил держаться прежнего плана, заключавшегося в одних токмо коммерческих известиях”. Но в этом же документе Воронцов испрашивает для даваллона разрешения “на будущее время” перепечатывать и политические новости с указанием источника информации.

Ничего не ведая об этих переговорах, которые, кстати говоря, завершились благополучно, Даваллон совершил проступок еще более опрометчивый, нежели первый: он просто-напросто отказался публиковать сообщение, доставленное Марини. Выходит еще номер-другой “Мессаже”, и лишь после этого газета закрывается. 27 октября Даваллон пишет покаянное письмо Воронцову, пытаясь как-то оправдаться. И тотчас же получает вполне определенный ответ. В этот раз Михаил Семенович прямо говорит ему о нарушении джентльменского соглашения. Письмо также опровергает всякие домыслы относительно недоброжелательности, предвзятости или двурушничестве генерал-губернатора.

“Мне неприятно, — пишет М. С. Воронцов, — постоянно прибегать к действиям строгим, как бы они ни были спра-

ведливы и законообразны, но, прибегая к ним только тогда, когда другие средства уже истощены, я отдаю отчет моей совести и, не будучи в состоянии себя упрекнуть, я остаюсь при моем решении относительно Вас и предупреждаю Вас раз навсегда, что Вы никогда не получите у меня позволения издавать в Одессе коммерческий листок или какую-нибудь другую газету“.

Как видно из второго письма Воронцова управляющему министерства внутренних дел, он поручил одесскому градоначальнику “приискать редактора способного и верного“, поскольку Даваллон “явил себя непослушным к законным приказаниям начальства и не заслуживающим доверия“. 17 ноября 1823 года был получен положительный ответ из министерства от 7 ноября. И в тот же день вышел первый, заранее подготовленный номер новой газеты — “Журналь д’Одесса“, издателем которого стал Карл Сейц. Прежние журналисты “Мессаже“, по-видимому, принимали участие в этом деле. Еще неделей раньше из Петербурга было получено испрашиваемое разрешение на перепечатку политических новостей. В том же месяце издатель газеты обязался отправлять экземпляр каждого номера в Министерство внутренних дел, “ибо с некоторого времени обязанность сия не была выполняема прежним издателем, Даваллоном“.

Поскольку в краеведческой литературе указывалось, что “Журналь д’Одесса“ начала издаваться лишь с января 1824 года, автору настоящей книги пришлось доказывать свое, до той поры, пока 13 номеров этой газеты, выпущенных в ноябре-декабре 1823 года, были им отысканы в газетном фонде Государственной библиотеки имени Ленина в Москве. Что касается “Мессаже“, — остается надеяться: отдельные номера этой первой одесской газеты еще отыщутся в архивах, книгохранилищах, частных собраниях. Во всяком случае, две полосы этой газеты от 10 октября 1823 года (с той самой несанкционированной политической публикацией, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор) обнаружены нами в одном из дел, хранящихся в Одесском облгосархиве.

Так начиналась одесская журналистика. А вместе с ней и... цензура.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Будучи расположенными в центре города, городские сады очень украшают его и являются для жителей Одессы источником удовольствия. В субботние вечера, в теплое время года, они стано-

вятся местом гуляний, в которых участвует множество людей разных национальностей, одетых в самые разнообразные костюмы и говорящих на разных языках. Военный оркестр оживляет эти собрания, на которых присутствует ко всеобщему воодушевлению сам генерал-губернатор. Парки не очень обширные; они ухожены и содержатся в порядке, но аллеи слишком узки. Загородные дома и сады на юге Одессы и на побережье, принадлежащие генералу Кобле, г-ну Рено и др., расположены в чудесном месте. Они, как и сады графини Потоцкой в городе, открыты для публики, и их обычно посещают присэжие... Временный театр, в котором шли представления на русском, польском и немецком языках, был построен здесь в самом начале; несколько лет тому назад на его месте воздвигли красивый каменный театр по проекту г-на Томона; его фасад украшен перистильями, опирающимися на колонны. В театре ставятся русские, польские и немецкие пьесы, а также итальянские оперы.

Р О Б Е Р Т Л А Й Е Л Л, 1822—1824 гг.

В Одессе делали бумагу? !

Говоря о “бумажном голоде” и дороговизне полиграфических услуг, газетчики и издатели рассуждают примерно так: что же тут удивительного? Одесса-то никогда не была “бумажным” городом! Можно поверить, размышляют они в том же русле, что деловые люди могли толково организовать здесь бумажный торг, но производство — едва ли...

Остается только развести руками и еще раз заметить, что коммерция способна устрanzить любые преграды, и даже исправлять “ошибки” природы, лишившей Южную Пальмиру лесных массивов, т. е. сырья, без которого немислимо бумагоделание. Можно быть вполне уверенным, что буде понадобился тростник для производства папируса или же кожа — для пергамента, и это было бы изыскано предприимчивыми одесситами.

А теперь обратимся к не такой уж далекой истории. Накануне первой мировой войны в Одессе функционировало два с половиной десятка представительств и отделений различных российских и зарубежных бумагопроизводительных фирм, товариществ и т. д. В их числе — крупнейшие предприятия Москвы, Варшавы, Петербурга, Стокгольма, Финляндский бумажный союз (Гельсингфорс), Финляндская писчебумажная фабрика. При этом некоторые представительства порой рекламировали сразу несколько бумажных производств. Так, живший в Одессе некий И. Н. Дворянчиков был агентом одновременно семи бумажных фабрик. Другим известным специалистом в этой области был Семен Гефтер, издавший, кстати говоря, самые обширные и тематически разнообразные видовые почтовые открытки Одессы.

Собственно бумагой в Одессе торговало не менее двадцати магазинов. Вот далеко не полный ассортимент одной из таких торговых точек: “Оберточная, финляндская, масляная, мануфактурная, пергаментная, бутылочная, кулечная, альбомная, газетная, курительная, бьюарная, фильтровальная, пачечная, почтовая и других сортов”.

Совершенно отдельную отрасль составляли склады, магазины, представительства и отделения, занимавшиеся реализацией **писчебумажной** продукции. Это было царство роскошных, светлых, опрятных заведений, в которых собственно бумага становилась сырьем, из которого изготавливались "семейные альбомы" и альбомы для стихов с ажурными виньетками, всевозможные тетради, записные книжки в настоящих кожаных переплетах с золотым тиснением, красочная изопродукция, видовые, художественные и поздравительные открытки, конверты и т. д. и т. п.

Лучшие писчебумажные магазины старой Одессы создали Я. Барский (Дерибасовская, 31), Н. Гальперин (Екатерининская, 36), Г. Гезелле (Дерибасовская, 16) — это торговое заведение существовало с 30-х годов XIX столетия, И. Левинсон (Ришельевская, 30), И. Мах (Преображенская, 25), Ф. Мах (Преображенская, 40), И. Покорный (Дерибасовская, 17) и некоторые другие. Как видим, многие из этих магазинов находились в непосредственной близости друг от друга. Тем не менее, это обстоятельство не препятствовало успешной торговле: всякий специализировался на чем-то своем (Барский отдавал предпочтение открыткам и изопродукции, Мах — гимназическим тетрадам и т. д.), каждый имел свою постоянную клиентуру.

Но самое любопытное заключается, пожалуй, в другом: некоторые товары, предлагаемые перечисленными предпринимателями, были сделаны из бумаги **местного производства**. Причём, как оказалось, в Одессе выпускалась не какая-нибудь оберточная, а самая высококачественная бумага, пригодная даже под изопродукцию. Скажем, на Успенской, 49 изготавливалась так называемая вощеная бумага. Отменный товар выбрасывали на рынок торговые дома "Левенберг и Гольденберг" (Артиллерийский переулок. 3), "Ослин и Перлин" (Канатная, 26). Бумагу для книг и конвертов предлагала местная фирма Г. М. Левинсон и К^о, хорошо известная филокартистам как издатель первых, так называемых "сувенирных", видовых открыток Столицы Юга.

Итак, проблем с бумагой у одесских издателей никогда не было. Как не было никаких затруднений и с полиграфической базой. Впрочем, это уже совсем другой вопрос.

- Задержание порочных женщин. Вчера в районе Бульварного участка полицией задержано 80 женщин порочного поведения. Все они были освидетельствованы врачом, и 6 из них оказались больными и потому отправлены в гор. больницу. Из числа задержанных 8 оказались не-здешними и потому будут отправлены на родину; остальные будут вод-ворены по месту жительства и над ними будет учрежден надзор.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 222.

- Рецидивист. Третьего дня во время литургии в Кафедральном соборе задержан на месте преступления совершивший карманную кражу ча-сов у молящегося Яков Б-б, еще несовершеннолетний, но судившийся за кражи уже 8 раз.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 238.

- IV выставка южно-русских художников закрывается сегодня. За все время перебивало на выставке свыше 2.600 посетителей. Настоящая выставка по успеху является лучшей из южно-русских выставок. За последние дни продано г-ну Вульффу 8 картин: "Перед прогулкой", "Этюд" и "Инвалид" г-на Нилуса, "На мелком месте" г-на Коренева, "Старик" г-на Иванова, "Пейзаж" г-на Дворникова, "Сумерки" г-на Ко-станди и "Воровство" г-на Бершадского. Таким образом, вместе с прежде проданными всего продано 24 картины.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2773

Типографию в каждый дом? А вы как думали? !

Если вы человек пишущий (сочувствую искренне!) , перед вами рано или поздно во всей своей неприглядности является вопрос не только бумаги, но, скажем, полиграфической базы, реализации печатной продукции и стоящие за ним монополисты. Как же решали эту каверзную проблему наши предшественники?

Да очень просто. Ответим коротко, по существу, в тезисной форме.

П е р в о е. Со времени существования в Одессе периодического издания (1820 год, 1 апреля) городская типография сдавалась в аренду частному лицу, получавшему от муниципалитета немалую субсидию (!) при обязательстве бесплатно печатать муниципальную газету.

В т о р о е. Уже 100 лет тому назад в городе было столько типографий, что на каждые 9500 горожан приходилась своя. Накануне первой мировой войны число подобных заведений увеличилось еще в четыре раза (!), разумеется, пропорционально опережая прирост населения.

Т р е т ь е. Все типографии находились в руках частных лиц, причем не менее 25-ти процентов из них принадлежали подданным иных государств. Около 20-ти процентов оригинальных сочинений, издававшихся в городе, печатались на иностранных языках.

Ч е т в е р т о е. Условия труда типографских рабочих были несравнимо лучшими, нежели в других отраслях. Работники печати, литераторы имели свои мощнейшие общественные организации, успешно решавшие социальные и иные вопросы.

П я т о е. С бумагой, как уже говорилось выше, никаких проблем не было.

И п о с л е д н е е. В Одессе издавалось почти 60 (!) различных газет и журналов.

К этому мне больше нечего прибавить...

- » В Одессе есть только одна книжная лавка: это лавка г-на Рубо на Ришельевской; выбор книг в ней очень невелик, а цены баснословные. Я думаю, что в городе нет собственной типографии, кроме той, которая принадлежит местным властям. В каком состоянии находятся изящные искусства, можно узнать, внимательно прочитав следующую выдержку из "Одесской газеты", официального печатного органа: "Мы очень сильно ощущаем отсутствие гравера или литографа. В городе нет ни одного художника, способного выгравировать или литографировать самый незначительный рисунок или самый пустяковый орнамент. Мы убеждены, что хороший литограф или даже гравер со средними способностями мог бы найти здесь для себя большую выгоду. Литограф должен был бы, несомненно, получать содержание от местных властей, которые приобрели для городской типографии превосходный печатный станок со всем необходимым для его работы". Следует напомнить, что Одесса является третьим по своему значению городом Российской империи!

ЭДВАРД МОРТОН, 1829 г.

- » ... Еще казино не закрыты:
Из них несется арий звук,
С бряцанием гитары слитый,
Шаров бильярдных слышен стук;
А языки, то итальянский,
Французский, английский, испанский,
То греческий, то стран других
Благословляют Воронцова
И город тот и те края!
Монаршей воли исполнитель,
Наук, художеств покровитель,
Поборник правды, друг добра,
Сановник мудрый, храбрый воин,
Олив и лавров он достоин!

И. БОРОЗДНА, 1834-1837 гг.

60 местных газет: не может быть?!

Интересно, что мог подписать одессит из местной периодики восемь десятилетий назад, в эпоху предвоенного ренессанса Южной Пальмиры? Сегодня — едва с десятка наберется, а тогда? Давайте же познакомимся с перечнем одесских газет 1913—1914 годов.

Прежде всего — о ежедневных газетах (далее в скобках будет указываться подписная цена на год): “Вечерняя почта” (4 руб.), “Ведомости Одесского градоначальства” (6 руб.), “Голос Одессы” с приложением (4 руб.), “Одесская почта” (4 руб.), “Одесский курьер” (накануне подписки цена не указывалась), “Одесский листок” с приложением (10 руб.), “Одесские новости” с приложением (10 руб.), “Одесское слово” (4 руб.), “Русская речь” с приложением (10 руб.), “Срочная вечерняя почта” (4 руб.), “Гут морген”, на идише (4 руб.), “Шолом-Алейхем”, на идише (5 руб.), “Одесская газета”, на немецком языке (10 руб.), “Христианский народный вестник”, на немецком языке (2 руб. 50 коп.). Мы намеренно выделяем еще “Одесский вестник”, ничего общего с первой одесской газетой, выходившей до 1894 г., не имеющий старым привычным названием воспользовались деятели из черносотенного губернского отдела Союза русского народа.

Теперь — об одесских журналах, выходивших более или менее регулярно: “Акушерка” (3 руб. в год), “Баптист” (3 руб.), знаменитый таировский “Вестник виноделия” с приложением (6 руб.), “Вестник винокурения” (4 руб.), “Вестник Одесского общества для надзора за паровыми котлами” (3 руб.), “Вестник текстильной промышленности” (6 руб.), “Дети и Отечество” (4 руб.), “Еврейский медицинский голос” (2 руб.), “Книжные новости” (1 руб.), “Крокодил” (3 руб.), “Наставления и утешения Св. Веры Христианской” (1 руб.), “Обзор технических журналов” (3 руб.), “Одесский печатник” (1 руб.), “Практическое зубоврачевание” (1 руб.), “Русский воин”

(5 руб.), "Терапевтическое обозрение" (3 руб.), "Шахматы" (3 руб. 24 коп.), "Гашиолах", на иврите (6 руб.). По-видимому, комментарии здесь излишни: все уже сказано в названиях.

В отдельную статью выделим журналы, связанные с индустрией развлечений: "Дивертисмент" (4 руб. 50 коп. в год), "Театральный листок" (4 руб.), "Театр-варьете" (4 руб.) и другие. Не обойдены вниманием и предприниматели — к их услугам "Торговое дело" (4 руб.), "Торгово-промышленное обозрение" (цена подписки заранее не указывалась), "Торгово-промышленный Юг" (8 руб.), "Торговый бюллетень" (10 руб.), "Торговый мир" (3 руб., а со всеми приложениями — 8 руб.) и др.

Выходило также немало специальных изданий, предназначенных ученым, преподавателям, студентам: "Вестник опытной физики и элементарной математики" (6 руб., для учащихся — 4 руб.), "Записки Императорского Новороссийского университета" по пяти отделам (стоимость подписки варьирует), "Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России" (5 руб. 50 коп.), "Записки Одесского отделения Императорского Русского технического общества" (4 руб.), "Южный мелиорационный бюллетень" (3 руб.) и т. д. Для сравнения заметим, что нынче ни один одесский вуз, ни одно ученое общество не имеют своего издания...

В те незапамятные времена одесситы имели возможность подписываться и на еженедельники, ежеквартальники и прочая и прочая, на такие, скажем, экзотические, как "Всеобщая газета квартиронанимателей г. Одессы" (3 руб.), "Херсонские Епархиальные ведомости" (5 руб.), а также многочисленные иногородние издания. Выходили даже бесплатные газеты, справочники, "листки" и т. д.: "Курортный справочник" (выходил лишь в летние месяцы), "Программа и обозрение зрелищ и театров" (еженедельник), "Справочник земледельца" (еженедельная газета) и др.

Остается пожелать одесситам, чтобы палитра местной периодической печати обрела присущую ей когда-то многоцветность. Вот тогда и будет реализовано наше право на информацию.

Курьезный иск. Вчера в камере мирового судьи 3 участка некий А. Каценеленсон предъявил иск к куплетисту Благородного собрания г-ну Циммерману в размере свыше 500 руб. В прошении истец Каценеленсон жалуется на то, что г-н Циммерман в свой бенефис копировал перед публикой его фигуру, изображая его, Каценеленсона, в самом смешном виде, чему он и приписывает успех бенефиса Циммермана, и требует от последнего вознаграждения в вышесказанном размере (...).

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 240.

В городскую больницу доставлен чернорабочий Полещук, 36 лет, бросившийся в пьяном яде с Строгановского моста на Левашовский спуск. Попав на мягкий грунт тротуара, он, как заявил свидетельствовавший его дежурный врач, причинил себе лишь ушибы правого бедра.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 264.

За прошение милостыни в районах Бульварного и Херсонского полицейских участков задержано 92 чел. обоего пола. Из этого числа на родину отправлено 13, водворено при родных 30 и при обществах 16; в приют помещено 5; 28 чел. привлекаются к ответственности.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 265.

Вывоз раков за границу (...). Цена раков на месте за сотню — от 10 до 20 коп. На лиманах они дешевле, чем на реке (...). Ежегодная перевозка раков по юго-западным дорогам простирается от 5.858 до 18.321 п. За последние три года было перевезено: в 1890 г. — 12.856 п., в 1891 г. — 18.324 и в 1892 г. — 13.990 пудов. Через русскую границу раки вывозятся главным образом в Вену, Прагу, Карлсбад, Берлин, Лейпциг, Дрезден, Бреславль и Париж. За границей производится раесортировка раков на 4 класса, смотря по величине раков (...).

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2776

Почему Пересыпь так называется?

Хотя Одесса выросла на территории с не столь уж сложным рельефом, ей все же пришлось приноравливаться к нему. Названия элементов ландшафта, оказавшихся в черте города, как раз и составили ту основу, на которую накладывались все более поздние внутригородские названия. Таковы, скажем, Водяная балка, Фонтаны, Лиманчики, спуски и улицы, маркирующие направления трактов — Херсонского, Тираспольского и др. Старейшим из подобных “рельефных” названий, бесспорно, является Пересыпь.

Первое упоминание об одесских пересыпях относится еще к 40-м годам XV столетия, когда они сделались предметом территориальных споров между польским монархом и его вассалами Язловецкими. Последним были жалованы приморские земли между Качибеем и Очаковым, однако о пересыпях в жалованных грамотах ничего конкретно не говорилось, отчего король и считал их, так сказать, государственными.

Изучив строение причерноморских пересыпей, геологи пришли к выводу о том, что они состоят из нескольких разновозрастных генераций, сформировавшихся в разное время и при различном уровне моря. Другими словами, пересыпь представляет собой “слоенный пирог”, состоящий из нескольких наложенных друг на друга пересыпей. Впрочем, еще в недалеком прошлом эта своеобразная плотина пробивалась то с одной, то с другой стороны в периоды сильных морских волнений или паводков во “влажные годы”. Тогда устанавливался свободный водообмен между лиманами — Хаджибейским и Куяльницким — и Одесским заливом, что было весьма удобно для мореплавателей, но не слишком приятно для местного населения. Не потому ли Алексей Толстой в “Похождениях Невзорова” называет пересыпские пески “подозрительными”.

...Светлая полоса песков и ракушки, промытых морем,

перевесянных вольными ветрами, согретых солнцем, укутанных кое-где зеленоватыми и фиолетовыми водорослями. Гирлянды рыбачьих сетей, дощатые хибарки, разнокалиберные лодчонки. Такой была когда-то Пересыпь — ныне суровый промышленный район (а какой бы здесь мог быть курорт экстракласса!).

В своем знаменитом словаре Владимир Иванович Даль указывал, что термин “пересыпь” возник именно в Причерноморье. Так здесь называли песчано-ракушечные аккумулятивные формы, отчленяющие лагуны и лиманы от моря. Известный топонимист Э. М. Мурзаев причисляет этот термин к народным географическим терминам. И, как пример трансформации их в топонимы, приводит название района Одессы — Пересыпи.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Одесса — славное городище, обширное, многолюдное и торговое, которое до перехода в состав русского государства представляло собой невзрачный уголок и имело близ моря, где ныне карантин, бессильную крепость, называемую Хаджибей, которую построил чужестранец — князь Хаджи-Бей... Одесса — город почти всех народов, в особенности европейцев; здесь вы встретите коммерсантов всех наций и городов, которые ведут сношения с большими городами Европы... Город этот весьма пространный и расположен на плоскости; улицы широки и прямолинейны; по обе стороны каждой улицы устроены каменные канавы, куда стекает вода, и мощные тротуары для пешеходов; посередине же остается широкая дорога, немощеная, для телег. Рынок и роскошные магазины устроены на больших улицах. Все дома — каменные, красивые, много двухэтажных и трехэтажных, покрытых медью.*

МИНАЙ МЕДИЧ, 1830 г.

Когда основан “Клуб Одесских Джентльменов”?

Речь пойдет вовсе не о знаменитой команде КВН Одесского государственного университета. Нас будет интересовать время учреждения местного Благородного собрания.

Казалось бы, вопрос достаточно простой, но не стоит так уж торопиться с ответом. Ведь даже один из самых первых путеводителей по городу (русско-французский, 1867 года издания) называет дату 1861 г., что, очевидно, не соответствует истине: в указанном году создан совсем другой одесский клуб — Российского Общества Пароходства и Торговли (РО-ПиТ). “Южно-русский альманах” — вполне солидное старое издание — приводит другую хронологию: “Благородное собрание существует с конца 1849 г.” Однако и это не соответствует действительности, ибо де-факто Благородное собрание возникло еще в самую первую эпоху существования Южной Пальмиры. Достойные доверия мемуаристы не только сообщают о формировании Одесского клуба в середине десятих годов XIX столетия, при Ришелье, но и весьма подробно рассказывают о проводимых там мероприятиях.

“До устройства теперешнего Английского клуба, — писал в 1893 году почтенный одесский старожил О. О. Чижевич, — существовал клуб в д. (доме — О. Г.) барона Рено... В нем давались балы по подписке. Члены Английского клуба до постройки собственного здания давали балы в Биржевом зале, обыкновенные и маскарадные, посещаемые лучшим обществом, в особенности под Новый год“. Новогодняя ночь с 1830 на 1831 г. в Одесском клубе довольно красочно описана чиновником канцелярии новороссийского генерал-губернатора, литератором, первым издателем “Новороссийского календаря” Павлом Тимофеевичем Морозовым. О местном элитарном клубе в доме Рено подробно говорят в своих книгах английские путешественники Эдвард Мортон и Роберт Лайелл, посетившие Одессу в пушкинские времена.

О том же клубе и доме (1806—1843 гг.) находим известия и в широко известном издании 1869 года “Одесская старина”, авторство которого приписывается то Мурзакевичу, то Бертье-Делагарду, то Караулову. Описание овальной клубной залы находим также во французском “Опыте истории Новороссии” маркиза Габриеля де Кастельно, служившего некоторое время при дюке де Ришелье в качестве адъютанта. То же описание приводит в своей книге “Воспоминания об Одессе, Едиссани и Буджаке” знаменитый польский романист Юзеф Крашевский.

Очень важный момент, отмечаемый мемуаристами, — более демократичный по сравнению с другими российскими городами стиль аристократических салонов Одессы, что отчасти обусловлено их этнической пестротой (как и городских сословий в целом). Местная элита формировалась в специфических условиях притока в город людей чаще коммерческого звания, нежели дворянского. Высшая аристократия не гнушалась салонами образованных неготиантов, таких, скажем, как Сикар, Ризнич, Лучич, Маразли. Вспомним, что и Пушкин отдавал предпочтение именно этим домам во время пребывания в Одессе.

Светское общество в Одессе “состоит из такого количества гетерогенных компонентов, — писала Адель Оммер де Гелль, — что оно абсолютно лишено характерной физиономии: французы, немцы, русские, англичане, греки, итальянцы — все привносят в этот облик свои воззрения, привычки, язык, интересы, предрассудки”. Собанские, Нарышкины, Маврокордато, Сен-При, Потоцкие, Кешко, Порро, Ревиллиод, Рошешуар, Пушкины, Бларамберги, Разумовские, Толстые, Кантакузины, Строгановы, Стурдза, Эдлинг, Браницкие, Бруны, Десмет, Гагарины, Моберли, Воронцовы... Можно продолжать и продолжать.

Два других адреса аристократических клубов — собственно здание Английского (1842 г.) и дом купца Алексева по улице Садовой (Благородное собрание). Последний дом часто фигурирует в разного рода краеведческих и литературно-краеведческих изданиях: поначалу им владел полковник Шостак, затем — княгиня Репнина, далее — Балаш и, наконец, ресторатор Алексеев (уже после перемещения Собрания в другое место этим зданием владел известный предприниматель Бродский).

“В течение летнего и зимнего сезонов, — указывается в старом путеводителе, — в собрании чрез каждые две недели устраиваются семейные вечера. Летние семейные вечера в особенности привлекают к себе одесскую публику. При доме, занимаемом собранием, имеется небольшой, но

прекрасно устроенный сад, великолепно освещаемый во время летних семейных вечеров и гуляний газом". Члены собрания обычно уплачивали рубль серебром за участие в балах и маскарадах, а посторонняя публика — вдвое. Наследуя традиции первого одесского клуба, Английский клуб отличался "изысканно-роскошною обстановкою и кабинетом для чтения". Здесь имелись самые авторитетные российские и зарубежные периодические издания — "Дебата", "Газета Ллойда" и т. д.

На протяжении десятилетий Благородное собрание как место общения аристократических семейств не претерпело существенной эволюции, если не считать того, что русский элемент в нем постепенно возрастал. В девятидесятых годах прошлого века собрание размещалось уже в просторном помещении на углу Дворянской и Елисаветинской улиц, близ Императорского Новороссийского университета. Здешний зал был рассчитан на 600 посадочных мест: нередко давались концерты, в том числе гастролерами.

На рубеже веков численность действительных членов собрания не превышала ста человек, а общий его капитал простирался до 60 тысяч рублей. Впрочем, устраиваемые мероприятия привлекали большую массу публики, отчего "замкнутость и кастовость" собрания были весьма относительны. В противовес Благородному собранию, Английский клуб, насчитывающий немногим более ста действительных членов, был заведением в самом деле элитарным, "доступ в которое сопряжен для многих с непреодолимыми затруднениями. Балы в этом клубе представляют собой для одесситок целое событие; туалеты дам на этих балах отличаются изяществом и роскошью". Годовой абонемент клуба обходился в 60 руб., а единовременный вступительный взнос составлял 40 руб., — деньги по тем временам не малые.

Помимо действительных членов, вход в Английский клуб позволялся 24-м посетителям из числа приезжих, "которые могут быть вводимы только членами". Согласно уставу, к баллотированию в состав клуба "допускаются все без изъятия лица по их достоинству, а не по званию". Посетителями клуба не могли быть лица, имеющие в городе собственные дома, состоящие здесь на государственной или иной службе, проживающие более двух лет (членов клуба это правило, разумеется, не касалось).

По уставу Благородного собрания, в его состав "принимаются военные и гражданские чиновники, дворяне, потомственные и личные почетные граждане, художники и артисты первого разряда и кущи, известные в обществе. В качестве гостей допускаются также лица переименован-

ных сословий". Гости принимались только при поручительстве действительных членов собрания, причем под их персональную ответственность: если, скажем, гость оставался должен по карточной игре, то за него уплачивал (но не более 95 руб.) пригласивший его член собрания.

Последняя эпоха существования обоих аристократических сообществ относится ко времени первой мировой войны. Благородное собрание помещалось в особняке по улице Гоголя, 15. Старшинами его в ту пору были В. Е. Арнольд, П. П. Мыловский, В. А. Попов, И. Ф. фон Штейн, С. А. Циммерман. В правление входили также Г. Х. Доризо, В. Н. Милютин-Саввич, И. И. Папкевич, В. Д. Рейзахер. Старшинами Английского клуба были также представители известных в городе фамилий: В. А. Анатра, И. И. Машевский, Е. А. Полетаев, М. В. Раковский, А. К. Тимрот.

Следует упомянуть о наличии в городе в разные эпохи его существования и других аристократических или преимущественно аристократических сообществ, скажем, Офицерского собрания, Литературно-артистического общества, ряда привилегированных спортивных клубов и др.

Вести из прошлого

- Из-за барана. На Слободке-Романовке мирно проживали в одном дворе соседи Иван и Матрена Ринкевич и Хаим Кураж с супругою. Яблоком раздора между примерными соседями послужил черный баран. Дело было под вечер. Супруги Кураж ужинали у себя в квартире. Вдруг к ним вбегает баран Ринкевичей и давай потешаться: разбил всю посуду и сильно insultал г-жу Кураж и ее ребенка. Когда Кураж заявили Ринкевичам о проделке их барана, требуя за побитую посуду, то последние, особенно Иван, поступили не лучше своего барана. Забив всякие симпатии, он начал ругать г-жу Кураж, и после недолгих споров ударил ее в лицо. "Я убью твоего барана", — кричал Кураж. "У меня баран дороже тебя", — возражал Ринкевич. Финал в камере мирового судьи 6-го участка: публика много смеялась; мировой судья приговорил супругов Ринкевичей к 15 руб. штрафа каждого.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 267.

- Женская расправа. По Дерибасовской ул. ночью проходили две молодые женщины, г-жи Гу-ко и Ма-ая. Тут к ним начал приставать некий молодой человек Ф-а, долго преследовавший их, несмотря на просьбы женщин оставить их в покое. Ф-а, видя, что слова не помогают, начал затрагивать гуляющих руками; тогда обиженные умудрились как-то опровергнуть пошлость, и зонтиками сильно избили его. Пока на место происшествия прибыл городово́й, молодого человека нельзя было узнать.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 270.

Профсоюз официантов?

Спасение утопающих, как известно, дело рук самих утопающих. Этой заповеди одесситы неуклонно следовали еще во время оно: при любых условиях удачно вписывались в поворот и социально защищались. Еще в прошлом веке в городе возникли специфические профсоюзы, как-то: общество взаимного вспоможения приказчиков, пекарей, аптекарей, выпускников самых разных учебных заведений и т. д. и т. п. Был среди прочих и “профсоюз” официантов.

Если внимательно просмотреть тогдашнюю периодику, станет ясно, что профессия официанта была не только не очень прибыльной, но и опасной. Не раз и не два несчастные половые становились жертвами необузданности захмелевших либо врожденно хамовитых клиентов. За вредность никто и не думал доплачивать, спецпайка тоже не было. В конце концов терпению пришел конец, и наши герои силотились в 1881 году в Общество взаимного вспомоществования официантов в городе Одессе.

В уставе нового Общества указывалось, что организация сия учреждена “с целью выдавать нуждающимся членам оного заимообразные пособия, оказывать безвозвратные и другого рода вспомоществования им и их семьям, а также приискивать для членов своих соответствующие их занятиям места по официантской части”. Надо заметить, что устав предполагал дискриминацию слабого пола: в действительные члены Общества принималась лишь мужская ресторанный прислуга — лица, находящиеся в услужении в гостиницах, трактирах, буфетах города в должностях метрдотелей, дворецких, буфетчиков, лакеев, поваров и т. п. К перечисленным штатным единицам приравнивались также швейцары и конторщики. Однако принадлежность к цеху еще не гарантировала принятия в действительные члены Общества. Для поступления необходимо было представить письменные рекомендации по крайней мере двух членов Общества, после чего кандидат входил в правление с

заявлением. При этом на него заполнялся особый формуляр с указанием звания, адреса и прочих подробностей.

Единовременный вступительный взнос составлял довольно значительную в то время сумму в 10 рублей, что могло соответствовать половине приличного мужского месячного жалованья. Кроме того, ежегодно вносилось три рубля членских взносов. Несмотря на это, число желающих сделаться полноправными членами “профсоюза” всегда было велико, ибо он фактически служил также и биржей прислуги. Состоятельные люди — как домовладельцы, так и содержатели разного рода заведений — очень неохотно брали в услужение людей “с улицы” (пусть даже и с отменными рекомендациями): воровитость прислуги стала притчей во языцех в одесских дворах. Посему частные лица предпочитали обращаться в “профсоюз”, несший перед ними строго оговоренную ответственность за рекомендованных лакеев, официантов, швейцаров и т. д.

Общество не только “принимало на себя обязанности официантской службы как в частных домах, так и в ресторанах по взаимному соглашению с нанимателями”, но и отдавало в аренду посуду, сервировку, столовое белье для балов, обедов и других увеселительных собраний, бралось за доставку и приготовление разнообразных блюд и проч.

Едва ли по бывшим адресам правления Общества появятся когда-нибудь мемориальные таблички, тем не менее, истинным любителям истории города эти сведения никак не повредят. Поначалу правление помещалось в доме Бродского, по Екатерининской. В середине 90-х годов XIX ст. оно переместилось в дом Трояно (№ 27), на углу Еврейской и Ришельевской улиц. Потом — снова вернулось на Екатерининскую, где сменило два адреса (№№ 10 и 4).

Насколько можно судить, профсоюз официантов успешно действовал вплоть до самой революции. Устав его со временем мало изменился, и Общество по-прежнему “выдавало на прокат по умеренным ценам столовое серебро, белье и прочие принадлежности для свадебных вечеринок, увеселительных мероприятий и т. п. “. Правлением Общества руководил председатель и старшина. В штате также состояли казначей и письмоводитель. Все это были представители мещанского и крестьянского сословий.

Как знать, не пора ли работникам общепита возродить этот давний общественный институт, призванный способствовать хоть какой-то социальной защите?

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Стол одесский, как народонаселение Одессы — смесь кушаньев разных наций: русские блины, пироги и щи; малороссийский борщ и вареники; польские голубцы и разные запеканки; молдавская мамалыга; азиатский пшав и греческие кушанья — все сделано общим... После русских самую многочисленную часть жителей Одессы составляют греки и евреи... Да позволено будет мне сказать свое мнение об евреях. Вообще мы привыкли почитать их самыми дурными людьми. Живши два года в Одессе, нельзя было не иметь с ними сношений, и скажу откровенно, я всегда оставалась ими довольна. Правда, что еврей не упустит из вида своей выгоды: но кто ж ее и упускает? Зато какая неутомимость, какое проворство у еврея! И если он уверен, что заслуга его не пропадет даром, он все выполнит вам с возможною точностью и, надобно прибавить, честно.

К. А. А В Д Е Е В А, 1832—1842 гг.

- Все, что только утонченная роскошь и европейская образованность могут потребовать от больших городов: театр, училища, библиотеки, писатели, поэты, виртуозы, балы, конские скачки, — словом, все найдете вы в юной, полуденной Одессе, в этой Одессе, так сказать, родившейся из пены, потому что она, будто силой каких-то чар, возникла из недр Черного моря.

КОРРЕСПОНДЕНТ "БЕРЛИНЕР ФИГАРО", 1836 г.

- ... Но она, разговаривая, двигала пальцами, часто и резко откидывалась на спинку стула и говорила быстро, и эта нервозность в речах и движениях раздражала меня и напоминала мне ее родину — Одессу, где общество мужчин и женщин когда-то утомляло меня своим дурным тоном.
... Есть люди, — сказал я мягко, — которые обладают ангельским характером, но выражают свои великолепные мысли в такой форме, что бывает трудно отличить ангела от особы, торгующей в Одессе на базаре.

А. П. ЧЕХОВ, "ЖЕНА".

Сколько лет одесской товарной бирже?

Городу едва минуло два года, когда поистине интернациональное торговое сословие поставило вопрос о необходимости организации биржи. Решение этого вопроса Иосиф Дерибас поручил другому знаменитому первостроителю Одессы — Францу Деволану.

Поначалу (с 30 октября 1796 года) биржевые собрания проходили в доме небезызвестного Дофине (вспомним название его бывшего хутора — Дофиновки), с 10 до 12 часов дня ежедневно. Затем сборища переместились в клубную залу дома барона Рено — на Рипшельевской, между Ланжероновской и Рибасовой улицами. В теплое время года биржевые сходки проходили прямо на улице, перед домом. Темпераментные негоцианты порой добирались на торгах до взаимных физических оскорблений, отчего на бирже постоянно дежурили то начальник карантина, то полицмейстер в сопровождении отряда военнослужащих местного гарнизона.

Значительными не только в масштабах биржи, но и города были должности маклеров и публичных нотариусов. В первые годы существования товарной биржи их исполняли: кушцы И. Лагутко, Г. Петараки, И. Тимошенко, М. Настасевич, Г. Масало, Ф. Флогаити. Все они при вступлении в должность, подобно гражданам древнего Херсонеса, присягали городскому обществу в верности, неподкупности и обязывались по два часа каждодневно обслуживать рабочий люд. Работа у биржевиков-профессионалов была, понятно, рискованной, зато прибыльной. Во-первых, они официально имели возможность получать не менее одного процента стоимости товаров от каждой заключенной при их содействии сделки. Во-вторых, дважды в месяц, по выходным, маклеры проводили на бирже аукционные распродажи, в том числе — конфискованных товаров. Аукционный реестр заранее публиковался в так называемых “биржевых листках”, а затем — газетах “Мессаже” и “Журналь д’Одесса”.

Вот наглядный пример того, как высоко котировались должностные места на бирже. Через два года после устройства биржи магистрат порешил продавать эти прибыльные должности с публичных торгов с оплатой в доход города не менее 350 руб. — деньги в то время достаточно крупные. И что же? Алчущие синекуры, негоцианты Патанисий и Масоло, готовы были заплатить значительно большую сумму, однако прежние маклеры — Лагутко и Петараки — перешеголяли претендентов, выложив по 800 руб. (!) и сохранив прежнее положение.

Следующим важнейшим шагом становления одесской товарной биржи сделалось, спустя полвека, утверждение ее устава. 14 декабря 1848 года развернул свою деятельность и вновь созданный Биржевой комитет. В то время биржа уже располагала своим собственным прекрасным зданием в античном стиле на бульваре, сооружение которого, впрочем, представляло собой цепь невероятных злоключений (1829—1834 годы). Кстати, в год начала строительства биржевого здания А. И. Левшин — чиновник канцелярии М. С. Воронцова, пушкинский знакомец, этнограф, общественный деятель, впоследствии одесский градоначальник — в целях устройства местного кредита на бирже и, так сказать, результативных дискуссий по коммерческим вопросам сформировал специальное Отделение коммерческого совета. При этом надо подчеркнуть, что он предварительно ездил во Францию, где специально изучал опыт подобных негоциантских советов.

С организацией РОПиТа, Добровольного флота, частных парокhodств, прокладкой железной дороги, соединившей Одессу с крупными промышленными центрами России, налаживанием бесперебойного телеграфного сообщения, эволюционирует и биржа. Но это — уже совсем другой вопрос. Остается добавить, что одесская товарная биржа воссоздана в 1990 году.

Вести из прошлого

- Свадьба с неожиданным финалом. Содержатель свадебной залы на Серединской площади отдал на днях зал для еврейской свадьбы. Обыкновенно взимается задаток, а остальные деньги уплачиваются по окончании свадьбы из денег, вырученных от обычных у евреев подарков. Так условились и в данном случае. Но гостей было очень мало, и "подарков" совершенно не было. Владелец залы, видя, что денег у новобрачных нет и остальной суммы он не получит, собрал своих слу-

жащих на кухню и забрал весь ужин к себе домой, требуя от новобрачных денег, но сих не оказалось. Горсть гостей и новобрачные не солоно хлебавши разошлись по домам. Новобрачные возбуждают дело о самоуправстве.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 274.

Вечером, в день свадьбы, новобрачная заявляет, что традиционное свадебное путешествие ей мало улыбается. "Как тебе угодно, моя дорогая, — отвечает холодно муж, — я совершу это путешествие один".

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 279.

"Вы не понимаете, как кончают самоубийством из любви?" "Если бы я когда-нибудь убил себя из-за женщины, то никогда бы не простил себе этого"

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 291.

Если вы больны, то утешайте себя тем, что медицина насчитывает 2.400 болезней и что, следовательно, имеется еще 2.399 болезней, которых вы не имеете, хотя могли бы иметь.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 297.

Доживем ли мы до урегулирования цен на предметы первой необходимости (...). Хозяйки, принимая отчет от своих базарных делегатов, переживают глубоко трагические минуты. Бычачьи языки оказываются с костными наростами, а телячьи ножки с злокачественными вывихами, филе покрыто такой грязью, как любой из наших тротуаров. За все это платится столько же, сколько за первосортное мясо. Удивляйся после этого нервозности жены и раздражительности тещи (...).

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ". 1893. № 2780

Так ли уж хороши были одесские шулера?

Прежде чем ответить на этот вопрос, познакомимся вкратце с историей игральных карт. Они, как и конпас, явились в Европу с Востока приблизительно на рубеже XIII и XIV столетий. В Персии, Индии, Китае карты, как полагают, служили “бумажным аналогом шахмат”. Манипулирования карточной колодой были призваны способствовать развитию логического мышления, тренировке памяти, внимания и т. п.

Первое письменное свидетельство о проникновении карт на наш континент относится к 1379 году — его оставил итальянский художник Николо Кавеллуццо. В XIV—XV веках карточные игры приобретают популярность в Италии и Германии, откуда проникают во Францию. По сравнению с восточными, европейские правила карточной игры значительно упрощаются, ибо происходят метаморфозы и с самим назначением карт. Количество мастей уменьшается вдвое, при этом четыре европейские масти как бы символизируют самые основные рыцарские аксессуары: пика — копье, трэф — меч, бубна — знамя (герб), черва — щит.

В Россию игральные карты завозятся в XVIII столетии. Приобретает популярность итальянская национальная игра “омбр” (ломбер), отчего и происходит русское название столика для карточной игры — ломберный. Производство игральных карт в России и некоторых других странах было монополией государства. Вот почему ввоз иностранных карт строжайше запретили и расценивали его как контр-абанду. Так, в Одесском облгосархиве хранится любопытный документ на сей счет — предписание (1817 года) министра финансов начальнику Одесского таможенного округа “О строжайшем надзоре за нелегальным ввозом игральных карт”: “Известно, — пишут из министерства, — что иностранные игральные карты обращаются здесь (в Одессе — О. Г.) в большом количестве...”, угрожают всякими репрессиями.

В столице Юга карточная игра всегда была в почете, особенно в аристократических салонах. Собирались картежники, как свидетельствует старейший историк Одессы А. А. Скальковский, в клубе "Ресурсы" и "Хаджибейском клубе", а затем — в коммерческом казино, воспетом Пушкиным. В то время, писал М. Ф. Дерибас, не было еще великолепных зал, где вид роскоши и блеска угнетал проигравшегося в пух, "где можно было с чисто английским джентльменством, коммерческой ловкостью и при помощи благородных манер обирать и разорять любителей карточной игры".

Карточные бдения, понятно, не всегда собирали доброжелательных и взаимно вежливых партнеров. В одном из архивных дел упоминается о том, как на почве карточной баталии 31 марта 1824 года — как раз во время пребывания Пушкина в Одессе — разгорелась баталия кулачная: "Капитан Гнилосеров и подпоручик Понаревский... причинили побои служащему в здешнем коммерческом суде губернскому секретарю Стенану Белинскому, от которых он находился без чувств, и если бы не поспешили подать ему помощь посредством медицинского чиновника, то жизнь его находилась в опасности". Впрочем, поскольку карточная игра обычно сопровождалась обильными возлияниями, в ведомстве одесского полицмейстера в этот раз сделали существенную оговорку: "Но от побоев ли сие с ним случилось или, статьяся может, от употребления сверх меры хмельных напитков, о сем прежде обстоятельного обследования знать нельзя".

А каких славных шулеров — настоящих артистов своего дела! — знала старая Одесса. Об одном из них пишет О. О. Чижевич в "Воспоминаниях старожила". Некий московский игрок Н-с приехал в Одессу и завел роскошную квартиру с "игорным домом". Бскоре полицмейстеру Шостаку, который и сам был заядлым картежником, стало известно, что респектабельный москвич попросту жульничает и собирает обильную жатву с местных карточных полей. Тогда полицмейстер пригласил к себе "одного из артистов в этом деле" и вскоре отправился вместе с ним в вертеп к Н-су.

"После некоторого времени артист, следивший внимательно за игрою, убедился, что дело не чисто... и сообщил по секрету Шостаку, какая карта будет дана и какая взята". Кончилось тем, что карточная колода была арестована на всю ночь, причем ее охраняли квартальный и два городовых. После возобновления игры, но уже не крапленой колодой, Н-с проиграл, не сумев уплатить сполна: "Продана была вся богатая обстановка квартиры, а сам Н-с исчез из города".

Нам хочется еще предоставить читателю возможность более живо опутить аромат “шулерской Одессы”, для чего мы приготовили в качестве остренькой приправы к этой главке оригинальный материал “Приключения Пикового Короля”, заимствованный из газеты “Одесский вестник” столетней давности.

* * *

... Я намерен познакомить читателей “Одесского вестника” с двумя выдающимися по своей оригинальности изобретениями двух знаменитых шулеров, свободно разъезжающих по градам и весям России, посещающих, конечно, и Одессу с исключительною целью очищать карманы “рыцарей зеленого поля”.

Один из них — известный армянин, носящий “в мире” кличку Пикового Короля. Специальные игры его — “око” и “стуколка”. Это — субъект среднего роста, лет под 40, коренастый, с брюшком, с черными как смоль курчавыми волосами, с смуглым лицом, обрамленным окладистою черною бородою, с толстым носом, в пенсне с чисто черными стеклами. Одет он всегда франтом, при бриллиантовых кольцах, а иногда и в богатом кавказском костюме, в дорогой папахе и при кинжале. Говорит он протяжно и серьезно, страшный враг всякой политики, но очень любит “стуколку” и кахетинское вино.

В то время, как иные шулера мозги свои иссушили над изысканием способов играть “навверняка”, ловко подмечать карты посредством устаревших уже меток крапинками, загибания углов, складывания “как следует” карт, опрокинутия “качалки” (убить карту первую в игре “штос”), “передержек” (снятия верхней карты в той же игре вниз и обратно), “вольтов” (передвижение снятой части карт по произволу) и т. д., Пиковый Король заткнул всех их за пояс, изобретя следующий довольно хитрый фокус.

Метит он совершенно ясно свои карты посредством слегка намоченных простых фосфоровых спичек знаками, которые, имея способность блеснуть в темноте, ясно видны ему сквозь его пенсне с чисто черными стеклами, тогда как для остальных лиц, не вооруженных такими стеклами, фокус этот положительно остается непостижимым. Имея всегда в запасе несколько колод своих карт, он при своей сдаче или тасовке ловко подменяет колоду, вечно приговаривая: “Ны нада карашо играют, нада щаслывым бувайт...”. Фокус его долго был никому не известен, но один случай, благодаря которому Короля уличили в мошенни-

честве и содрали с него солидную контрибуцию, несколько ослабил репутацию этого восточного человека и обнаружил его изобретение при следующих обстоятельствах.

На Кавказе в одном семействе был как-то устроен вечер для знакомых, среди которых каким-то образом очутился и Пиковый Король. Затеяли “око”. Королю “страшно повезло”, и часам к двум ночи какой-то князь проиграл четыре тысячи с лишним. Отыгрываясь дальше, он в страшном азарте швырнул с досады бутылку кахетинского в стоявшего против него официанта, которого он в чем-то заподозрил, но сгоряча промахнулся и попал в висевшую над столом единственную лампу, которая тут же разлетелась вдребезги. Воцарившаяся в комнате темнота и изобличила Короля в шарлатанстве. Деньги князю, конечно, были возвращены полностью при солидной контрибуции со стороны Короля, который, отдав все, что имел, еле спасся бегством.

Теперь этот Король, кроме политики, питает еще страшную ненависть ко всему Кавказу, где, по его словам, “только давно-давно были настоящие князья, а тыщэр ны адын парадашны нэ живот...”

Другой картежный герой быстрой наживы — небезызвестный среди шулеров Абрашка. Это еще молодой еврей, лет 28—29, светлый блондин, высокий, худощавый, с голубыми глазами. Одет он всегда “хусидом” и очень часто вспоминает имя Иеговы с особенным благоговением. Неоднократно мотал он большие деньги богатых своих родителей из Польши и кончил тем, что тоже изобрел свой фокус объегоривания в карты, оставшийся в деталях и до сих пор неисследованным. О секрете его можно получить понятие из следующего эпизода, разыгравшегося лет 8—9 тому назад в Одессе, в одной из первоклассных гостиниц.

Посредством “наводчиков”—агентов дано было знать, что в такой-то гостинице остановился, по-видимому, “жирный фраер”. Стали к нему различно “подходить”, командировали туда под видом приезжих двух “проевших зубы” наводчиков с багажом. Простояв в этой гостинице, где они заняли приличный номер, дня два, наводчики успели хорошо познакомиться с “собаку съевшим фраером” и склонили его на “око”. Со стороны “зубы проевших”, из которых один был “непьющий” (т. е. не играл якобы в жизни вовсе), были приглашены еще два знаменитых шулера. Их предупредили о недостатках фраера, и они запаслись несколькими тысячами рублей.

Завязалась игра. “Собаку съевший”, узнав своих “по когтям”, проиграл рублей 800 и бросил игру под предлогом головной боли. На второй день игру возобновили, причем

шулера, не откладывая дела в долгий ящик, приготовили карты на "шtos". После еще некоторой проволоочки в "око" шулера, уломав, наконец, "собаку съевшего", заложили "банк" и поставили на стол шкатулку с тремя тысячами рублей. "Собаку съевший" партнер и здесь спустил около тысячи рублей, но, разгорячившись, бросил игру, заявив, что нехорошо понимает ее и что у них в Польше такие шtosы вовсе не приняты. А потому, если угодно продолжать игру, на которую он ассигнует еще тысяч десять, то только в польский "шtos" — "черное мое, а красное ваше", или наоборот (т. е. выбор двух черных или красных мастей).

После недолгих размышлений шулера, вручив своему партнеру меченные карты, с удовольствием согласились на его предложение, засев вновь за стол уже с более солидным банком. Срезав колоду, Абрашка (а это и был "собаку съевший"), не дав присмотреться "банкомету" к своей карте, воскликнул: "Масть моя — две тысячи рублей". Карта выиграла. Вторая ставка была три рубля... и проиграна; третья — 25 рублей — тоже; четвертая — две тысячи — выиграна!..

Шулера заволновались... "Ва-банк!" — провозгласил Абрашка, бросив шулерам укор за трусость, и, выиграв ставку, принял весь капитал, оставив переполошившихся шулеров в самом незавидном положении и позах...

В то время, когда Абрашка преспокойно спал, шулера, бросившись к "блатнякам-пайщикам" (род ростовщиков между зажиточными "феями", т. е. рецидивистами), достали у них несколько тысяч рублей и заложили на следующий день вторично "банк", пригласив интересного Абрашку. В десять минут шкатулка "банка" была опустошена до единой полушки... Шулера пришли к заключению, что "коса нашла на камень". Вздумали было пустить в ход угрозу с целью получить что-нибудь обратно, но вспомнили, что и у самих рыльце в пуху. Пришлось отказаться от угрозы. Сообща было решено отправиться к Абрашке и, во всем сознавшись, попросить часть денег "на обзаведение".

Наутро "непьющий" наводчик дал знать честной компании, что Абрашка собирается на курьерский поезд и что теперь он дома, а потому, мол, следует поторопиться. Компания направилась прямо к известному номеру, двери которого оказались отпертыми.

— Что вам угодно? — несколько возвышенно спросил "собаку съевший" компанию, заподозрив в ней что-то недоброе, а потому и ухватившись за звонок.

— Мы к вам с добрыми намерениями! — ответил один из них.

— А-а, в таком случае прошу садиться, — с достоинством победителя провозгласил Абрашка, указав им место вокруг стола.

— А вам что? — обратился он к нумерному, прилетевшему по звонку.

— Изволили звонить, — что прикажете?

— Три бутылки хорошего портвейну! — последовал ответ.

— Ну-с, чем могу служить вам, господа?

— Дело вот в чем, — начал один из них. — После всего происшедшего между нами, для нас, как “зубы проевших игроков” (“игрок” на блатном языке значит “шулер”), стало ясно, что вы взяли нас “навERNЯКА”. Не смея, однако, претендовать, мы пришли просить вас, войдя в наше положение, уделить нам “по совести” процент “на обзаведение”, за что мы будем, конечно, очень благодарны.

— Что вы “игроки”, — серьезно возразил Абрашка, — это я знал, иначе не стал бы играть с вами... Но что касается денег, то, к сожалению, из принципа никогда я не выходил и не выйду. Отлично же понимая вас, могу услужить вам одним. Это для вас будет дороже “процента на обзаведение”.

— Откроете, может быть, секрет вашей системы?

— Да, если вы поставите хорошее шампанское, и то не иначе как на вокзале, пред уходом поезда. Предупреждаю, что передам секрет вам лишь тогда, когда поезд тронется. Он заключается только в двух словах, и вы их поймете.

— Хорошо! Согласны! — ответили на это все в один голос.

За час до отхода курьерского поезда оба шулера в сопровождении своего “пайщика” ожидали уже мага, успевшего так ловко и искусно обработать их, “старых игроков”. Маг не заставил себя долго ждать и вскоре явился в скромном костюме путешественника. Поставили шампанское. Завязалась беседа на тему жизни игрока, которую маг дотянул так до второго звонка, после которого уселся в один из вагонов 1-го класса, из окна которого продолжал еще беседу с окружавшими его “игроками”, нетерпеливо ожидавшими услышать секрет. Последовал третий звонок. Игроки наострили уши и разинули рты...

— Ну что, — не выдержал один из “игроков”, — в чем заключается ваш секрет?

— Вы... болваны! Вот мой секрет! — крикнул Абрашка, когда поезд тронулся, ошеломленным такою неожиданно-

стью шулерам. Один из них, более шустрый и находчивый, влетел в последний вагон с целью добиться-таки секрета во что бы то ни стало. Абрашка, еле-еле смилостивившись над отважным “скакуном”, передал ему, наконец, секрет. Известной ему одному жидкостью, прежде чем сядет играть, он напITYвал свой скюртук спереди. Тогда угол карты своей, которою срезывает колоду банкмета, он слегка проводит по скюртуку, получая возможность видеть масть “качалки”, то есть нижней карты колоды — черную или красную.

— Зная же масть, — передавал уже “скакун”, — свободно можно проиграть 3—5 рублей, выиграв более свободно 10 тысяч...

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Наиболее движения заметно в Ришельевской улице, самой красной и многолюдной. В этой улице множество магазинов, в которых выставлены разнообразнейшие европейские изделия, привозимые сюда свободно, потому что Одесса есть порто-франко. Об этой торговой свободе, обогатившей Одессу, свидетельствуют блестящие магазинные вывески, украшенные надписями на всех европейских языках. По улицам непрерывно разъезжают дрожки, экипажи весьма легкие и очень полезные. В Одессе существует обычай, свойственный всем городам южной Европы: в этом городе занимаются делами утром, а с полудня предаются отдыху... Многочисленные балаганы, в которых здесь торгуют плодами, прикрытые парусинным навесом, напоминают об итальянских и испанских фруктовых лавках. Более всего одесские жители любят арбузы, продающиеся здесь по чрезвычайно дешевой цене, доступной для каждого самого бедного человека. Утвердительно можно сказать, что в продолжение трех летних месяцев в Одессе ежедневно продается до 30 тысяч арбузов. До тех пор, пока продолжают сильные жары, народ не знает другого питья, другой пищи, кроме арбузов...

УЧАСТНИКИ ДЕМИДОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, 1837 г.

Как пройти на “Площадь Сомнения”?

Обойдите Дюка и прошагайте один короткий кварталчик между знаменитыми полуциркульными зданиями. Вы окажетесь на самом роковом, самом загадочном месте в Одессе. Это совершеннейшая истина. И не верьте, если вам начнут указывать как на самое роковое место — на Строгановский мост, излюбленный самоубийцами, на Шалашный переулок, улицу Среднюю или на так называемый Шанхайчик — традиционные точки ночной торговли спиртным. Нет, именно эта тихая мирная, вполне академическая Екатерининская (Потемкинцев) площадь перешеголяла все самые злые, беспросветные, таинственные закоулки. Почему так? Да потому, что на ней ни одно строение-сооружение, ни один памятник подолгу не удерживались. Подумать только, стоит совсем рядом достославный Дюк, которого любимый мой одесский поэт Юрий Михайлик удачно окрестил “домашним герцогом одесситов”, стоит себе вот уже более полутора веков. А здесь, на “Площади Сомнения” ничего не укореняется: проклятое место какое-то.

Обратимся к местным летописям. Еще в самую первую эпоху существования Одессы здесь был заложен храм во имя Св. Екатерины. А улица, бравшая начало отсюда, соответственно получила имя Екатерининская. Таким образом, название это не имеет ничего общего с российской императрицей, как полагают пламенные национал-патриоты, старательно и неустанно замазывающие соответствующие таблички, укрепленные на углах и у подъездов. Патриоты же другого толка возвращают улице привычное название “улица К. Маркса”, используя красную краску и серпасто-молоткастую символику. Чья возьмет — неизвестно: топонимическая холодная война затянулась.

Но вернемся к Екатерининскому храму, который так никогда и не был достроен из-за отсутствия средств. В 1821 году, при Ланжероне, стены и фундамент были разобраны

по решению синода. Изображений недостроенного храма не сохранилось. Возможно, вся эта история носила в себе какой-то оттенок святотатства. Иначе никак не объяснить, почему столь же печальная участь постигла и все последующие постройки на месте демонтированного храма. Сначала здесь разбили маленький уютный скверик с изящным мраморным фонтаном (фонтан этот, к счастью, сохранился и ныне украшает собой Городской сад). Затем на месте фонтана по проекту знаменитого архитектора Дмитренко не менее знаменитым скульптором Эдуардсом был сооружен грандиозный монумент, посвященный 100-летию Одессы, в просторечии именуемый памятником Екатерине. Наши авторы выиграли тогда довольно серьезный (анонимный) конкурс проектов, — а было это в 1892 году, — в котором принимали участие не только столичные, но и зарубежные ваятели. Победил же как раз этот, местный проект, под девизом “Одесса-порт”.

Слава Богу, фотографий сохранилось предостаточно, и мы с вами видим, что это памятник городу, его истории, а не императрице. Суверен в данном случае не более чем символ. Да и какой резон рассуждать о нравственных качествах исторического деятеля такого калибра? Ведь тогда надо было бы, очевидно, демонтировать пирамиды, мотивируя безнравственностью и негуманностью фараонов... Очевидно, не по вкусу дежурным переписчикам истории и фигуры, стоявшие у подножия монумента: Потемкин и Зубов, очевидно, опричники, а Дерибас и Деволян — космополиты (?).

Так или иначе, а грянула революция, пришел гегемон и памятник этот подозрительный скovyрнул. Торс вредной императрицы расчленили — верхняя его часть сохранилась-таки в музейных запасниках и недавно экспонировалась на персональной выставке Б. В. Эдуардса в Художественном музее. Фигуры сподвижников обитают во дворе краеведческого музея. Где-то на Пересыпи, говорят, валяется и колонна.

Надо сказать, что колонна эта украшала собой роковую площадь довольно долго — я еще застал ее, будучи юным “пионэром” одноименного (бывшего Воронцовского) дворца, куда ходил на хор к любимице коренных одесситов Татьяне Азарьевне Кагель. Вот уж точно была императрица в собственном дворце... Но еще задолго до описываемых событий упомянутая колонна явилась постаментом, на котором то и дело менялись наверхия-головы. Сначала революционная масса водрузила там герму Карла Маркса

(в моем собрании есть подлинная фотография презентации 1920 года, доставшаяся заочно от автора этой гениальной головы). Потом, очевидно, решили, что одна только голова не отвечает величию автора “Капитала” и великим идеалам революции (Юз Алешковский говорит о трехголовой птице-тройке Маркс-Энгельс-Ленин). Решено было поставить Маркса в полный рост. Но пока вопрос решался, местные студенты, по свидетельству лучшего одесского краеведа всех времен Виктора Семеновича Фельдмана, кормили марксовскую голову какой-то немислимой несъедобной кашей, каковую им скармливали тогда в столовках. В период между головой и бюстом на екатерининской колонне успела еще недолго покрасоваться скульптура Адама Мицкевича, водруженная по ходу съемок фильма “За стеной”, связанного с судьбами польских революционеров.

Но вот восстал, наконец, над проклятой площадью (здесь же находилось и здание ЧК с гаражом, в котором под шумок работающих двигателей бойкие молодчики в кожанках тренировались в стрельбе по-македонски: мшени были не только движущиеся, но... живые) гигант мысли в полный свой рост. Фотокопия редкой почтовой открытки тех лет невыразительна, как и сама скульптура. Впрочем, недолго возвышался над поистине камерной площадью сей шедевр железобетонной архитектуры. В одну, как принято говорить, темную бурную ночь подул резкий норд-ост, и Маркса благополучно сдуло с императорского пьедестала. Он упал и печально рассыпался на мелкие кусочки. Улица его имени, однако, сохранилась надолго.

Производилось ли дознание по поводу “падения Маркса”, нам доподлинно не известно: без репрессий, очевидно, не обошлось. Но после этого случая и власть имущие, по-видимому, смекнули, что дело нечисто, и площадь таит в себе потенциальную опасность. Многострадальную екатерининскую колонну оставили в покое лет этак на тридцать. Но вот приблизился славный потемкинский юбилей. Если вы не ленивы и любопытны, поднимите подшивку журнала “Нива” за 1905 год. Там помещены многочисленные фотоснимки, подробно и непредвзято повествующие о потемкинских событиях в Одессе: о пожаре в порту, разграблении складов РОПИТа и других, поджоге пароходов, прочем насилии и мародерстве. Все было вовсе не так, как то рисует классическая лента Эйзенштейна, заменившая нам учебник истории. А потому именно фильму, а не реальным событиям поставлен памятник 1965 года. Судите сами, о каком брезенте над расстреливаемыми матросами может идти речь — это метода из другой эпохи. Любопытно, что

и бульварная лестница названа Потемкинской опять-таки лишь благодаря яркому эпизоду из фильма: реально лестница эта была блокирована войсками, и, разумеется, никакой стрельбы тут не было и быть не могло.

Что касается художественных достоинств памятника потемкинцам, то их оценили сами горожане. Его именуют утюгом (так и ставили, чтобы уже не сдуло) и еще похлеще. Впрочем, площадь снова начинает проявлять свой нрав: ведутся серьезные разговоры о переносе "Потемкинцев" в более подходящее место. Одно время поступали предложения почти крамольные: воссоздать к 200-летию Одессы старый дмитренковско-эдуардовский памятник из сохранившихся фрагментов. Только сегодня это малоактуально, ибо Екатерина в любом виде, кажется, не вписывается в очередные исторические концепции. А то грянули бы события совершенно невероятные для нашей роковой площади. Но — как знать, что день грядущий нам готовит...

Вести из прошлого

- Сообразительный вор. Некий В-нов, судясь за кражу денег у Григорьянца, не хотел сознаться, куда он девал деньги. Теперь, отбыв свое наказание, он вновь явился к Григорьянцу и, уловив минуту, достал из укромного места уворованные у Григорьянца деньги. Он хотел было скрыться, но был задержан с поличным.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 316.

- "Вот человек глупый, судя по лицу". "Наружность обманчива, — ибо он гораздо глупее, чем кажется!"

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 318

- "Где вы думаете провести лето?" "Еще не знаю. А вы?" "Я тоже не знаю" "До свидания. Надеюсь, мы там встретимся?"

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 321

- Кража миллионного клада. Поселянин И. П-ов заявил полиции, что с надлежащего разрешения он производил раскопки около Люстдорфа, где, как ему известно, хранится клад на сумму нескольких миллионов. Знакомые его Ш-ко и К-ав проводили об этом и, воспользовавшись его отсутствием с места раскопок, похитили означенный клад. Теперь обо всем этом производится дознание.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 325

Кафе Фанкони: это где?

Достойные гастрономы и кондитеры не переводились в Одессе никогда, начиная с грека Аспориди, гостеприимно распахнувшего двери своей кофейни российским воинам, только что занявшим Хаджибей. Несказанно повезло одесским рестораторам: их образы запечатлены во множестве самых выдающихся литературных произведений. Вспомним, например, Цезаря Отона, подававшего шампанское и шабли, а также средиземноморских устриц самому Пушкину, или, скажем, кондитера Пфейфера, уверявшего, что и он потчевал незабвенного Александра Сергеевича. Вспомним о кофейне Стефана в начале Ришельевской улицы — здесь бывал знаменитый польский романист Юзеф Крашевский, кафе-кондитерскую Замбрини, где, говорят, проводила время полулегендарная Оммер де Гелль — “любовница” Лермонтова...

В числе выдающихся одесских предпринимателей-гастрономов — Карута, Коста, Донати, Алексеев, Робина, Печеский и многие-многие другие. Мы же поговорим немного о “предприятии общественного питания”, судьба которого сложилась красиво и удачно в силу преемственности добрых традиций, деятельности целой цепочки добросовестных деловых людей, знавших толк в гастрономическом искусстве.

*... Я повела бы Вас в Отраду,
меня ведь тоже гонит ветер
на улицы.
Свернем направо,
здесь жил когда-то некто Скведер
Ф. Я. — поляк, еврей иль немец,
он трехэтажный дом отгрохал
с причудами...*

Этот самый Скведер Ф. Я., упомянутый одесской поэтессой Беллой Верниковой, — одно из главных действующих лиц нашего разговора. Правда, он не поляк, не еврей и даже не немец, а — швейцарец. Звали его Флориан

Яковлевич, в год его рождения (1854) Одессу безуспешно атаковал объединенный англо-французский флот. Окончив реальное училище в Самодене, юный Флориан, едва ли и подозревавший тогда о существовании города Одессы, посвятил себя изучению всех премудростей кондитерского дела: пять лет трудился в одной из старейших берлинских кондитерских, а затем еще два года совершенствовал свое мастерство в Италии. Здесь он, очевидно, и прослышал о сказочной Южной Пальмире. Посчитав себя вполне готовым к самостоятельной работе, он прибыл в Одессу (1877), где занял пост управляющего в кондитерской своего соотечественника Я. Д. Фанкони.

Заведение Якова Доминиковича Фанкони, основанное пятью годами ранее, далеко еще не первенствовало среди подобного рода торговых точек. Однако уже тогда неуклонно укреплялся фундамент его высочайшей репутации. Во многом это объясняется тем, что приехавший в Одессу 33-летний Яков Фанкони имел уже 16-летний стаж работы в одной из крупнейших и авторитетнейших кондитерских Варшавы — третьей столицы России. В Одессе пришлось иметь дело с конкурентами, наделенными немалым опытом, кулинарным искусством, деловой хваткой, изобретательностью. В их числе был и всегдашний сосед Фанкони — небезызвестный Робина, предлагавший уже в самом начале 70-х годов прошлого века “большой выбор шоколада, печенья, конфект и других кондитерских изделий”. Робина тогда еще работал в паре с Монтье: их заведение располагалось сначала на Ришельевской, затем — на углу Екатерининской и Театрального переулка, и лишь в 1892 году кафе Робина водворилось там, где ныне квартирует ресторан “Украина”.

В 1873 году в “дело” вошел брат Фанкони, Доминик, а спустя еще четыре года основная нагрузка легла на Скведера. Завоевание клиентуры шло медленно, но верно. Неожиданно последовали сразу две смерти: сначала в 39-летнем возрасте скончался Яков Фанкони, ненадолго пережил его и брат, умерший в 1883 году. Невольно возникают некие темные подозрения относительно их партнера — Скведера. Но подозрения такого рода не могут иметь оснований по той простой причине, что у братьев Фанкони наследников хватало в избытке. Впрочем, Ф. Я. Скведер сумел поставить дело так, что в 1890 году полностью выкупил пай, принадлежавший этим наследникам.

Игра стояла свеч: заведение приобретало популярность, престиж. С самого начала оно задумывалось как элитарное. Еще в конце 80-х годов, когда реклама в городе, в отличие

от времен порто-франко, сделалась в основном русскоязычной, Скведер последовательно продолжал “европеистические традиции”: его вывески всегда были исключительно французскими. Все более разнообразным становился ассортимент предлагаемых им вкусок: чудесные конфеты в изящной фирменной (с атрибутикой кафе) упаковке, драже, бисквиты, печенье, шоколад, мороженое и мороженые фрукты, восточные сладости и т. п.

В год столетия Одессы кафе-кондитерская, располагавшаяся в доме полковника Григорьева, перестраивается в соответствии с лучшими парижскими образцами. (Братья Скведера, кстати говоря, были достаточно известными архитекторами). Благодаря рачительности хозяина, удачно выбранному месту, постоянным нововведениям по западному фасону, “Кафе Фанкони” (уже имя собственное!) становилось излюбленным местом времяпрепровождения одесских предпринимателей, своеобразным клубом, “тусовкой” деловых людей: здесь они не только отдыхали от трудов праведных и наслаждались восточными сладостями, но и обсуждали коммерческие новости, заводили полезные знакомства, обговаривали различные сделки, “структурировали время”. Началась эпоха наивысшего расцвета заведения, в которую здесь перебивали многочисленные знаменитости, включая Бунина, Куприна, Чехова, Гумилева и др.

Флориан Яковлевич тем временем приобрел солидный общественный вес, активно участвовал вместе с сыном Доминика Фанкони, Павлом, в деятельности Швейцарского благотворительного общества. “Клуб Фанкони” еще пышнее расцветает после постройки нового здания кафе — того самого, где ныне не слишком весело функционирует обескровленное агентство Аэрофлота. Ф. Я. Скведер — уже далеко не простой кондитер в белом колпаке, а — владелец грандиозного салона, “поставщик Греческого Королевского Двора”, общественный деятель, меценат. И коммерсанты, бывающие “у Фанкони”, разумеется, уже давно не довольствуются одними бисквитами да мороженым. А потому заведение представляет собой целый городок, в котором имеется и кафе-кондитерская, и бильярдный зал, и отдельные кабинеты, и зал для чтения российской и зарубежной периодики, и знаменитый “Дамский салон”. К услугам посетителей, помимо традиционных сладостей, были также “холодные закуски, напитки лучших русских и зарубежных фирм”.

Знаменательно, что два по-настоящему деловых человека — Скведер и Робина — как-то уживались к обоюдной

пользе: их заведения располагались на одном перекрестке — Екатерининской и Ланжероновской улиц. Клиенты всегда имели возможность “сменить обстановку”, перейдя через дорогу. И это, конечно, брали в расчет дальновидные предприниматели. Кроме того, у каждого была своя постоянная клиентура, свои “фаны” — патриоты-клубмэны.

Из справочников, относящихся к предвоенному времени (1914 г.), видно, что легендарное кафе находится уже в руках “наследников Ф. Я. Скведера”, причем другое кафе-кондитерская (по улице Гаванной, 10) принадлежит его вдове.

Как знать, не возродится ли вскоре “Кафе Фанкони” на привычном своем месте. Ведь воссоздано же не менее популярное в свое время “Кафе Печеского” (правда, в обличии ресторана и — совсем в другом месте)?...

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Теперь в Одессе множество прекрасных домов в два и три этажа, складочные магазины для товаров всякого рода и улицы, все вымощенные камнем, а это не безделица, когда вообразить, что большая часть камня привезена из Мальты. Карантин доведен до такого совершенства, что далеко превосходит марсельский. Заведение искусственных минеральных вод и при нем прекрасный публичный сад, наполненный всякого рода растениями, красивые площади, улицы широкие, усаженные по сторонам тенистыми деревьями, по большей части цветущей акацией и итальянским тополем — вот, при первом взгляде, несомненные знаки заботливости городского управления! Магазины здешние, напоминающие лучшие петербургские щегольской наружностью, наполнены товарами всякого рода, потому что ныне Одесса вольная пристань, следовательно, вы найдете здесь для удовлетворения роскоши и даже прихоти все, что только вздумаете пожелать, и гораздо дешевле, чем где-нибудь в других городах России.*

Н. С. В С Е В О Л О Ж С К И Й, 1839 г.

Кто такая “Джинестра”?

Когда меня просят изложить какой-нибудь детективный краеведческий сюжет, исполненный таинственности и романтического флера, я вспоминаю о Джинестре.

В Одессе имеется довольно популярное кафе художников “Джинестра”, есть хоровая капелла с тем же именем и даже общественный проект “Джинестра”. Названия эти появились после соответствующих краеведческих публикаций в местной и центральной периодике, однако сюжеты эти уже позабыты, и мало кто знает сегодня, что же оно такое — Джинестра.

“Открытие” сего имени предшественницы Одессы — прежде всего заслуга замечательного исследователя причерноморских древностей, профессора Рихельевского лицея, а впоследствии — Новороссийского (Одесского) университета Филиппа Карловича Бруна (1804—1880). В конце XVIII — первой половине XIX ст. начинают публиковаться старинные итальянские и каталонские морские карты, запечатлевшие Черное море. Ф. К. Брун и другой известный исследователь Н. Н. Мурзакевич сумели заполучить в европейских архивах, музеях, книгохранилищах несколько копий этих давних навигационных пособий. Именно эти документы и фиксируют название якорной стоянки XIII—XV веков на акватории Одесского залива и близлежащих лиманов.

Дело в том, что в ту эпоху Куяльницкий и Хаджибейский лиманы соединялись с морем судоходными протоками. Впоследствии протоки затамповались в связи с климатическими изменениями и соответствующими изменениями динамики береговых процессов, а также в связи с хозяйственной деятельностью человека. Но прежде навигаторы из Генуи, Венеции, Анконы и других средиземноморских республик находили в лиманах безопасное убежище в ходе каботажных плаваний вдоль черноморских берегов. Это подтверждается и находками в лиманах средневековых якорей как адмиралтейского типа, так и типа “кошка”. В

частности, один из них был обнаружен... при добывании лиманской грязи для когда-то популярной в Одессе лечебницы доктора Амброжевича. Находки довольно крупных якорей позволяют говорить о том, что в лиманы могли заходить не только гребные галеры, но, возможно, и более крупные суда — нефы. Единственное неудобство для средневековых мореходов заключалось в том, что вязкий донный грунт лиманов частенько “заглатывал” якоря, которые ценились в те давние времена весьма и весьма дорого.

Говоря о загадке Джинестры, мы имеем в виду и отсутствие до поры до времени каких-либо иных первоисточников, связанных с ней, кроме средневековых компасных карт. Да и тех Ф. К. Бруну было известно лишь восемь, причем некоторые из них остались для него недоступными: он был знаком лишь с топонимией (названиями географических объектов) в отрыве от графического изображения. Уже после смерти Филиппа Карловича на протяжении многих десятилетий стали появляться новые публикации старинных карт и атласов. Скажем, корпус древних карт знаменитого полярного путешественника и историка картографии Адольфа-Эрика Норденшельда. Материалы о Джинестре можно было накапливать, но ... никто не спешил этим заниматься, да и не было доступа к зарубежным изданиям, не говоря уже об архивах.

Джинестра по-прежнему оставалась загадочной. Но вот в начале 80-х годов мне стало известно, что в Италии изучением средневековых навигационных пособий занялись болгарские источниковеды. Удалось связаться с ними благодаря бескорыстной помощи ныне покойного Дмитрия Дмитриевича Беньковского — заведующего кафедрой судоремонта Одесского института инженеров морского флота. Это были поистине счастливые минуты, когда после бесплодных поисков таинственная Джинестра явила свой лик из мрака столетий. В моем распоряжении оказались качественные (в том числе — многоцветные) фотокопии не только старинных румбовых карт, но и рукописных лоний — так называемых портоланов.

Портоланы служили текстовыми дополнениями к картам, как, впрочем, и теперь: морские карты подкрепляются лониями, указывающими навигационные знаки, характер донного грунта, наличие подводных препятствий, преобладающих в конкретном месте ветров и т. д. Средневековые лонии-портоланы также несли в себе массу разнообразной информации, но главное заключается в том, что они указывали расстояния в морских милях (не современных, конечно, а, например, в каталонских лигах, итальянских

морских милях и др.) между отдельными приморскими пунктами.

Что же прибавилось к нашим знаниям о Джинестре? Прежде всего, мы теперь можем с уверенностью утверждать, что она действительно *предшественница Одессы*. Почему? Потому что портоланы в сочетании с картами позволяют локализовать ее в пределах нынешней Одессы. Это однозначно. И второе: появилась возможность более определенно рассуждать об этимологии (происхождении) этого географического названия. В самом деле, уж больно похоже слово "Джинестра" на искаженное "Днестр". На это обратили внимание исследователи-топонимисты. А суть дела в том, что средневековые мореплаватели, а вслед за ними и картографы, обычно полагали, что реки, впадающие в одесские лиманы (они были в тот период более полноводными) являлись притоками реки Днестр. Поэтому они изображали Малый, Большой или Средний Куяльники соединенными в верхнем течении с Днестром. Это, скажем, отлично видно на известной морской карте (есть и другая, "сухопутная") Фра Мауро, составленной в первой половине XV века. И надо сказать, что подобные ошибки не редкость на старинных картах: практически на всех мы видим Буг и Днепр соединенными в верхнем течении. Неточности такого рода вполне объяснимы. — навигаторы ходили вдоль берегов и не проникали на материк далее устьев рек, лиманов, бухт.

Что касается Джинестры, она фигурирует на подавляющем большинстве карт и лоций, начиная с рубежа XIII и XIV столетий и даже традиционно присутствует на морских картах в сочетании с народившимся позднее Качибеем. Собственно говоря, преемственность Качибея и Джинестры — предмет отдельного обстоятельного разговора. Замечу только, что этимология первого связывается с именем конкретного исторического персонажа, о чем пишут серьезные хронисты, — татарского вельможи Хаджи-Бея или Бея-Хаджи, получившего в этом районе владения (тарханство) в 1382 году. А два года спустя на компасной карте рядом с привычным названием Джинестра появляется пояснительная надпись "татары".

Был ли при генуэзцах возведен какой-либо укрепленный замок, впоследствии менявший хозяев в лице ногайцев и польско-литовских владетелей (скажем, Язловецких), пока неизвестно. Надо думать, какой-то форпост, какая-то небольшая фактория здесь должны были существовать: ведь, насколько известно из тех же старинных лоций, уже

тогда в лиманах добывалась самосадочная соль, вывозившаяся в метрополию. Наверняка вывозились и сельхозпродукты. Однако, подчеркиваем, на основании археологических данных этот центр пока не локализован. Правда, еще в канун 100-летия Одессы известному тогда краеведу Владимиру Николаевичу Габбе стало известно о затопленных древних причальных сооружениях на акватории Хаджибейского лимана. О подобных же причалах сообщили мне читатели изданного не так давно в Одессе сборника "Черноморские румбы", в котором шла речь о Джинестре: на сей раз остатки древних молов якобы наблюдались уже на акватории Куяльницкого лимана.

Любопытную гипотезу, связанную с эволюцией Джинестры, недавно предложил авторитетный одесский историк — доктор исторических наук Андрей Олегович Добролюбовский: по его мнению, эта средневековая фактория "вымерла" в результате катастрофической чумной эпидемии. Впрочем, как подчеркивает сам исследователь, это всего лишь гипотеза, и точку здесь ставить преждевременно. Надеемся, что свое веское слово скажут специалисты, занимающиеся подводной археологией. Возможно, принесут плоды и дальнейшие источниковедческие разыскания. Так или иначе, загадочная Джинестра — предшественница Одессы — еще ждет своих исследователей.

Вести из прошлого

- Третьего дня вечером какая-то женщина похитила из дома Силлы по Княжеской улице кипевший самовар; она задержана.
"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1892, № 334.
- Продается за излишеством черная корова тирольской породы, 6-ти лет, которая донся без теленка; видеть ее можно и о цене спросить в новом доме г-жи Крамаревой, на Дерибасовской улице, у дворника Степана.
"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1843, № 39.
- Вследствие общей охоты на волков, проводившейся по распоряжению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора в первый раз 14-го и 15-го, а второй — 24-го и 25-го прошлого апреля, по всем трем губерниям Новороссийским и по Области Бессарабской убито вообще старых волков и волчат 1.076.

"ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК", 1843, № 67.

- Оригинальный юбилей. Каких только юбилеев не бывает на свете! В только что вышедшем номере "Библиографических записок" рассказывается, например, об одном одессите, который праздновал недавно 25-летие чтения книг из одной библиотеки. Когда ему было 17 лет, он абонировался в этой библиотеке и с тех пор в течение четверти века беспрерывно брал там книги.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2499.

- Трубочист М. Г-кий, отправившись на чердак для чистки труб, начал по ошибке "очищать" белье, висевшее на чердаке. По выходе из ворот Г. задержан.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2511.

- Пересыпский роман. Любовь Обухова имеет домик на Бажакиной ул. В прошлом году в доме жил молодой человек Иван Брисанов. У хозяйки есть дочка Вера. Молодые люди влюбились друг в друга, и в начале декабря прошлого года Вера вместе с кой-какими вещами исчезла из родительского дома. Как оказалось, влюбленные поехали из Одессы в Бендеры, где их и задержали. Вещей захвачено было рублей на 100. Вчера на суде Обухова простила дочь, а "жениха" крепко хотела засадить в тюрьму. Присяжные заседатели, однако, вынесли подсудимому оправдательный вердикт.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2751

- Кража у ребенка. А.Бубнова, встретив в доме Вальтуха по Б.Арнаутской ул. трехлетнюю девочку Ольгу Ботвинникову, сняла из ушей золотые сережки. Воровку задержали.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2747

Хотите отыскать клад? Ради бога...

В свое время группа предприимчивых американцев собрала и опубликовала реестр судов, затонувших в разное время в различных точках Мирового океана. Сообщались приблизительные координаты кораблекрушений, их обстоятельства и дата, предполагаемый характер грузов и т. п., если, понятно, подобные сведения удавалось разыскать. В иных случаях информация эта обильно дополнялась всевозможными экзотическими легендами преимущественно пиратской тематики. Однако кладоискатели — люди романтического склада — с несказанным удовольствием проглотили эту наживку: публикация принесла издателям значительную прибыль.

Мы же решили поступить более корректно: делимся имеющейся у нас достоверной (!) информацией за сущие пустяки — весьма скромную стоимость настоящей книжки. Вы получите точные координаты целого ряда судов, затонувших в окрестностях Одессы, глубины, на которых они покоятся, и даже результаты подводного обследования некоторых из них. Вам остается всего только... организовать экспедицию и найти свое сокровище, каковым может быть не только груда каких-нибудь пиастров или дублонов, но и редкостные экспонаты, связанные с историей мореплавания в нашем регионе. Итак...

РЕЕСТР ЗАТОНУВШИХ СУДОВ: СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

- 1. Затонувшее судно, координаты: 45 град. 49 мин 49,6 сек. и 30.19.44, глубина 8,6 м. Водолазное обследование показало, что это сильно разрушенный взрывом транспорт длиной 130 м.
- 2. Затонувшее судно, координаты: 45.52.01 и 30.18.08, глубина 5,7 м, длина 120 м, ширина 24 м.

- 3. Пароход “Зальцбург“, координаты: 45.53.37,5 и 30.19.37,5, глубина 5,1 м, длина 130 м, ширина 25 м, разрушен взрывами; опасность детонации боезапаса.
- 4. Затонувшее судно, координаты: 46.01.59 и 30.35.08, глубина 9,5 м; шхуна длиной 70 м, шириной 11 м.
- 5. Затонувшее судно, координаты: 46.04.37 и 30.28.23, глубина 2,0 м; баржа.
- 6. Затонувшее судно, координаты: 46.07.39 и 30.28.12, глубина 4,5; баржа.
- 7. Затонувшее судно, координаты: 46.04.74 и 30.28.10, глубина 2,8 м. Другими сведениями не располагаем.
- 8. Эсминец “Карл Ракол“, координаты: 46.14.70 и 30.40.01, глубина 7,5 м; металлические обломки судна на площадке 60 на 12 м.
- 9. Затонувшее судно, координаты: 46.15.22 и 30.40.68, глубина 15,5 м; кормовая часть несамостоятельной баржи 25 на 10 м, корпус заметно разрушен.
- 10. Колесный пароход XIX ст., координаты: 46.13.56 и 30.41.92, глубина 18,5 м; длина 40 м, ширина 7 м, рулевая рубка и палубный настил отсутствуют.
- 11. Затонувшее судно, координаты: 46.19.72 и 30.53.94, глубина 20,0 м; баржа.
- 12. Пароход “Сулина“, координаты: 46.30.17 и 30.52.03, глубина 8,3 м. Насколько известно, судно шло из Одессы с самыми разнообразными грузами на Румынию в апреле 1944 г.
- 13. Пароход “Брянск“, координаты: 46.32.10 и 30.52.43, глубина 9,4 м, судно сохранилось относительно хорошо, длина 125 м, ширина 12 м, надстройка лежит на грунте рядом; судно погибло в 1941 г.
- 14. Пароход “Патагония“, координаты: 46.33.56 и 30.58.71, глубина 9,8 м; сильно разрушен; затонул в первую мировую войну; попытка ЭПРОНа поднять оказалась неудачной — судно перевернулось и вновь ушло на дно.
- 15. Буксир “Эразмус“ (“Мартин Вольмер?”), координаты 46.34.39 и 31.19.97, глубина 10,3 — 10,5 м; сохранился относительно хорошо: длина 30 м, ширина 6 м.
- 16. Тральщик “Дроссель“, координаты: 46.34.07 и 31.21.50, глубина 8,6 — 8,8 м; сохранился относительно хорошо, но кормовая часть разрушена взрывом; длина 25 м, ширина 6 м.
- 17. Затонувшее судно (тральщик “Брюстфорт?”), координаты: 46.33.34 и 31.22.54; глубина 6,0 м.

- 18. Затонувшее судно, координаты: 46.33.13 и 31.22.54, глубина 7,0 м; баржа.
- 19. Затонувшее судно, координаты: 46.21.86 и 31.22.69, глубина 8,8—9,7; баржа длиной 50 м, шириной 10 м.
- 20. Буксир "Речной", координаты: 46.19.96 и 31.33.53, глубина 8,8—9,0 м.
- 21. Затонувшее судно, координаты: 46.18.96 и 31.32.69, глубина 3,2 м; баржа, замытая песком, возвышающаяся над грунтом от 0,5 до 1,5 м.
- 22. Затонувшее судно ("Чесма"), координаты: 46.18.00 и 31.37.19; один из кораблей Черноморского флота времен первой мировой войны; глубина 4,3 м.
- 23. Эсминец "Фрунзе", координаты: 46.13.23 и 31.36.28; корабль Черноморского флота — боевая реликвия времен Великой Отечественной войны.
- 24. Затонувшее судно, координаты: 45.51.20 и 30.19.90; самоходное судно, сильно разрушено, глубина над обломком мачты — 8,4 м.
- 25. Затонувшее судно, координаты: 45.52.37 и 30.43.58, глубина 11,2 м; сильно разрушенный транспорт длиной 150 м, шириной 50—60 м.
- 26. Затонувшее судно, координаты: 46.05.89 и 30.52.89, глубина 23 м; баржа; видимых разрушений нет; опасность детонации боезапаса.
- 27. Обломки старинного (средневекового?) судна на площадке 8 на 3 м, координаты: 46.05.78 и 30.57.88, глубина 30 м; обломки бортовой части парусного судна из массивных деревянных брусьев; высота над грунтом 1 м.
- 28. Затонувшее судно, координаты: 46.34.89 и 31.01.80, глубина 11,6 м; сильно разрушенная баржа длиной 40 и шириной 8 м.
- 29. Затонувшее судно ("Аджарец"), координаты: 46.29.51 и 30.47.45; водоизмещение 130 т; другими данными не располагаем.
- 30. Затонувшее судно ("Красная Армения"), координаты: 46.09.92 и 31.31.95; водоизмещение 1400 т, реликвия времен Великой Отечественной войны; другими данными не располагаем.
- 31. Затонувшее судно ("Мерсину"), координаты: 45.32.78 и 29.48.09 (по другим сведениям — 29.49.03), водоизмещение 300 т; сохранилось целиком; другой информации нет.
- 32. Подводная лодка румынского или германского флота времен второй мировой войны, координаты: 45.10.54,93 и

30.08.42, 14, глубина 26 м; сохранилась относительно хорошо, однако носовая часть повреждена взрывами

КОММЕНТАРИЙ. Настоящий реестр был составлен в ходе подготовки проекта предполагавшихся подводных археологических исследований "Джинестра", так и не осуществленного. Тогда намечалось обследование наиболее интересных объектов: старинного судна из массивных деревянных брусьев (№ 27), колесного парохода XIX ст. (№ 10), а также лежащих на песчаных отрогах Тендровской косы "Чесмы" (№ 22) и "Фрунзе" (№ 23). Вначале речь шла об осмотре этих памятников отечественной истории на предмет оценки возможности их дальнейшего подъема. Затем родилась идея более реальная — идея создания подводных заповедников, наличие которых позволило бы, скажем, туристическим фирмам организовывать такие экзотические мероприятия, как "Экскурсия по следам морских катастроф" и т. п. Подобные "аквалангические" и "батискафические" экскурсии уже практикуются на Западе.

Мы надеемся, придет время, когда любой желающий уютно устроится в акваланге и "полетит" над пучинами Понта Эвксинского, увидит то, что видели только редкие водолазы-профессионалы: "Обнаружено затонувшее судно "Фрунзе", максимально выступающие элементы которого — в кормовой части судна. Глубина над ним — 1,6 м. Окружающие глубины — 8,0—8,5 м. Корпус покрыт слоем моллюсков. По правому борту "Фрунзе", в средней его части, обнаружены обломки, выступающие над грунтом на 1—2 м, на расстоянии от 3 до 5 м от борта. Отсеки и трюмы заматы песком..."

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- В течение двух или трех лет сооружается гигантская лестница, которая, открываясь на Бульвар, плавно спускается к берегу моря. Это сооружение — фантазия сколь разорительная, столь и бесполезная — уже поглотило огромные средства и обойдется примерно в один миллион... Остается сказать несколько слов об одесском обществе. Это общество состоит из такого количества гетерогенных элементов, что абсолютно лишено характерной физиономии: французы, немцы, русские, англичане, греки, итальянцы — все привнесло в этот облик свои воззрения, привычки, язык, интересы, предрассудки... Ни одна женщина в Одессе не могла соперничать с графиней Воронцовой во вкусе и кокетстве. Любезная, грациозная, обаятельная, она, несмотря на возраст, который иными женщинами воспринимается как фатальный, умела сохранить весь арсенал женских чар, присущих молодости... Очевидно, что Одесса является городом развлечений и роскоши. Как говорят, в этом городе женщины разоряют своих мужей кокетством и чрезмерной любовью к дорогим побрякушкам.

АДЕЛЬ ОММЕР ДЕ ГЕЛЛЬ
рубеж 30—40-х гг. XIX ст.

Пираты — в Одессе???

Мало кому приходит в голову, что пиратство во всех его “цивилизованных” проявлениях еще совсем недавно процветало на Черном и Средиземном морях — районах с традиционно развитой морской торговлей. В первые десятилетия прошлого века в одесский порт нередко входили суда, искалеченные в стычках с морскими разбойниками. Не одна местная коммерческая контора понесла убытки в грузах и транспортах, не одна одесская семья лишилась моряка-кормильца. Впрочем, до нас дошли сведения и совсем другого рода. Скажем, о том, что некоторые крупные одесские предприниматели нажили свое добро... покровительствуя морскому разбою, предоставляя для этого суда, амуницию, средства. Говорят, что пиратские суда находили пристанище в одесской бухте — этой черноморской Тортуге, — а их команды беззаботно спускали награбленное в здешних тавернах и кабаках.

Вот что писал по этому поводу известный литератор Г. П. Данилевский, вспоминая свое пребывание в Одессе 1850 года. В первый же вечер он отправился в Городской театр, где “давали оперу “Сомнамбула” с знаменитой певицей Брамбилла и с неким сладко-певучим тенором”. Соседом Данилевского по театральным креслам случайно оказался другой известный человек — Н. Ф. Щербина. “Зло подсмеиваясь над одесской публикой, которая вся, по его словам, в глубине души была меркантильно-невежественная, — рассказывает Данилевский, — и, не имея понятия об искусстве, ездила в театр только из моды, — он (Щербина — О. Г.) указал на одну из лож в бель-этаже.

— Вон сидит старый Крез, — сказал он, — как важен и с каким достоинством аплодирует! А в молодости был морским разбойником, звался капитаном Барбуни и богател на контрабанде... Теперь называется иначе... И что значит деньги! Все знают его прошлое и никто его не трогает...”

Вспомним еще пушкинского “корсара в отставке Мора-

ли“ — шкипера брига “Элиз“, ходившего под английским флагом между Одессой и средиземноморскими портами. По всему видно, что и лихой шкипер промышлял в свое время каперством: в черновиках “Путешествия Онегина“ находим выразительные намеки — “сумрачный корсар-араб“, “и ты Отелло-Морали“, “и беглый сын родной земли“, “и враг египетской земли“ и т. д. А вот и кое-какие другие достоверные факты, наводящие на вполне определенные “пиратские размышления“.

... Летом 1801 года гидрографы Черноморского флота лейтенант И. М. Будишев и мичман Н. Д. Критский — впоследствии известные и заслуженные исследователи — производили опись (т.е. топосъемку) западным берегам Черного моря от Одессы до Босфора. Прибыв в сентябре в одесский карантин, они докладывали о разгуле пиратства “у румелийских берегов“. Помимо стихийного разбоя, на Черном море практиковалось и так называемое каперство, т. е. военные действия частного судовладельца на море в пользу какой-либо воюющей страны. Занимались этим и одесситы. Так, старейший и авторитетнейший одесский историк А. А. Скальковский сообщает, что в период Отечественной войны 1812 года “хозяева купеческих кораблей просили (у А. Э. де Ришелье — О. Г.) патентов на крейсерство, чтобы вредить французской торговле“. Любопытно, что среди упомянутых судовладельцев были и французы.

Небезынтересна и история настоящего морского сражения русских торговых судов со средиземноморскими пиратами на исходе лета 1827 года. Вот ее подробности. Опасаясь нападения морских разбойников, российские коммерческие суда объединялись в караваны, а если представлялась возможность следовать под охраной военного корабля или достаточно вооруженного торгового, — в конвои. Один из таких конвоев сформировался в Ливорно и должен был идти в Константинополь, а затем — в Одессу. Возглавил его опытный навигатор Джузеппе (Иосиф) Силич на наиболее боеспособном судне “Графиня Воронцова“.

Поутру, 7-го сентября, вблизи острова Хиос, в видимости каравана оказалась пиратская бригантина, преследующая судно “Иль Велоче“ (“Быстрый“), на котором был развешен российский флаг. Далее моряки стали свидетелями следующих событий. Корсары спустили шлюпку, подошли к “Иль Велоче“ и осмотрели его, после чего вернулись назад, и оба судна продолжали двигаться к Хиосу. В три часа дня корсары приблизились к каравану настолько, что Силич приказал готовиться к обороне, а затем про-

кричал в рупор, чтобы бригантина убиралась подобру-поздорову. С бригантинны ответили, что не собираются предпринимать никаких враждебных действий в отношении каравана. После этого, в виду каравана, пираты вновь подошли к "Иль Велоче", высадили на него призывную команду, подняли на обоих судах все паруса, пытаясь удалиться с добычей.

Вот как описал потом этот эпизод шкипер "Иль Велоче" Пьетро Петрович: "А когда пришли они в другой раз, то были вооружены, держали в зубах голые сабли, бросились немедленно к рулю и к парусам и угрожали перерезать всех людей, завладеть деньгами и потом затопить судно".

Силич, понятно, не стерпел подобной наглости пиратов: на глазах целого каравана посрамлялся российский флаг. Вначале он приказал дать залп картечью, рассчитывая, что столь грозное предупреждение убедит разбойников лучше всяких слов, но поскольку те не образумились, Силич, а затем и другие суда, располагавшие орудиями, обстреляли корсаров. Этот аргумент оказался более действенным, и пиратский главарь спешно отозвал назад призывную команду. Такелаж приткой бригантинны был сильно поврежден, а, как потом выяснилось, корсары потеряли убитыми и ранеными более тридцати человек. Тем не менее, им удалось оторваться от каравана, который их, впрочем, и не преследовал. Моряки "Иль Велоче", как только суда поравнялись, сердечно благодарили своих спасителей.

А финал сей истории таков. В декабре того же года по представлению генерал-губернатора Новороссии графа М. С. Воронцова "шкипер Иосиф Силич" был пожалован "за избавление от корсаров другого российского судна" золотой медалью на Владимирской ленте с надписью "За усердие".

Вести из прошлого

- Любопытная статистика. В прошлом году в Одессе было найдено 700 неизвестно кем подкинутых младенцев. Большинство их было без признаков св. крещения. При 150 младенцах найдены были записки с просьбой приютить детей.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2533

- Прыжок со второго этажа. Третьего дня, вечером, в квартиру А. Хаволина забрался вор и стал "работать". В это время явился хозяин квартиры и, застав непрошеного гостя, моментально запер двери и пошел за дворником, радуясь заранее, что вор будет наказан по за-

слугам. Между тем, очутившийся в западне злоумышленник, недолго думая, раскрыл окно и, соскочив со второго этажа, скрылся. Вчера утром Хаволин получил следующую любопытную записку: "Милостивый государь! Так как поживиться у вас мне не удалось, а за свое злое (по отношению к вам) намерение я наказан (ох, как расшибся при падении из окна!), то, я надеюсь, вы не пожелаете воспользоваться моими инструментами, как-то: стамеской, маленьким ломом, напильником и ключами и отнесете их мне за город, положите их возле забора Ботанического сада, завернув предварительно в газетный лист. Незнакомец". Хаволин просьбу эту не исполнил, ибо до получения записки передал инструменты полиции.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2533.

- Месть. Несколько времени тому назад г-жа Н., по профессии модистка, привлечена была А. В-цкой к ответственности по обвинению первой в клевете. На суде виновность Н. была доказана и ее приговорили к аресту на 7 дней. Вчера Н., встретив В-цкую, проезжавшую на дрожках по Дерибасовской улице, бросила в нее камень и пробила ей голову. Вся окровавленная В-цкая доставлена была в Городскую больницу. Н. успела скрыться.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2545

- - Не знаю, как бы так одеться на предстоящем балу, чтобы никто меня узнать не мог ...
- Самое лучшее, - оденьтесь попрличнее ...

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2792

- В Одессе при 336.000 жителей содержание города обходится в 3.361.395 руб., из которых 205.579 руб. расходуется на содержание служащих. Каждому жителю содержание Одессы обходится в 10 р. ежегодно, а содержание служащих в городском общественном управлении стоит каждому одесситу 61 коп. с небольшим ежегодно. (Для сравнения: Рига - 10,4% - 1 руб. 25 коп.; Москва - 7,2% - 81 коп. - О. Г.)

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2798

Что такое “Роль-Палас”?

В разные эпохи существования Одессы горожане приискивали себе всякие оригинальные развлечения: уже в первой четверти XIX ст. успешно функционировала итальянская опера, несколько “танцевальных собраний”, клубы, увеселительные заведения и так называемые “народные гулянья под качелями”. “Из числа мест гуляний, — сообщается в русско-французском путеводителе 1867 года, — Приморский бульвар с ранней весны до глубокой осени бесспорно занимает первое и любимое место одесситов”. Часто упоминается Дерибасовский сад, дача графини Ланжерон (впоследствии “Бель-Вю”), сад купца Алексева при Благородном собрании и т. д.

Помимо многочисленных театров, старая Одесса знавала и другие любопытные зрелища, в том числе косморамы, плеорамы, панорамы, зверинцы (упоминания о них относятся еще к 20-м годам минувшего столетия), пирки (один из первых — Гюттемана в Театральном переулке со своей знаменитой “китайской программой”), ипподром, циклодром и др. Расскажем еще вкратце об одном малоизвестном эпизоде истории индустрии одесских развлечений — так называемом Роль-Паласе. В справочниках его нередко путают со скейтин-рингом, а ведь информированные краеведы знают, что Скейтин-ринг помещался в здании нынешнего театра русской драмы по Греческой улице, и с Роль-Паласом он ничего общего не имеет.

Об этом “месте активного отдыха горожан” мне когда-то рассказала редкостная открытка из собрания большого знатока одесской старины Михаила Борисовича Пойзнера. Здесь изображена нарядная публика, под звуки оркестра (он хорошо различим в правом верхнем углу) скользящая на роликовых коньках по обширному, празднично украшенному катку. В правом нижнем углу открытки указан и адрес Роль-Паласа: Херсонская (ныне — Пастера), 29. Хотя здесь прямо не указано, что речь идет об Одессе, возможные сомнения легко устранимы, поскольку в справочниках

“Вся Одесса” в рубрике “Театры и зрелища” Роль-Палас числится как раз под этим адресом. Мало того, благодаря тому, что на обороте открытки указан телефон катка, появляется возможность датировать ее 1913—1914 гг. Ибо в 1912 году номер был иным, а в разгар первой мировой войны Палас не функционировал.

Местоположение катка выбрано не случайно: близость Городского сада, Новороссийского университета, ряда крупных торговых центров и гостиниц — “Виктория”, “Савойя”, “Гранд-Отель” (во дворе которого и расположился Роль-Палас), — все это служило гарантом значительного наплыва публики во всякое время года.

Другой интересный момент городского быта, о котором напоминает старая открытка, — игра в так называемую “летучую почту”. Открытка собственно и предназначалась для такой игры, а не для обычной корреспонденции. Каждый из посетителей катка получал подобную карточку с номером (на нашем экземпляре он вписан от руки), а также бумажный номерок, который укреплялся на груди. Публика получала возможность наладить переписку, завязать знакомство. Роль почтальонов возлагалась на обслуживающий персонал, впрочем, те же функции по желанию брали на себя и сами посетители.

Эту игру застало и мое поколение: в “летучую почту” играли на школьных вечерах, в пионерских лагерях. Но “эпистолярное время”, кажется, миновало...

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Облик улиц Одессы открывает, так сказать (используя термин здесь весьма употребимый и касающийся всего), физиологию города. Здесь можно увидеть представителей всяких народов, начиная от неопрятного турка до итальянца с длинными черными волосами, грека в пунцовой феске, караима, в татарском своем наряде прохаживающегося по улице, и до европейца, которому скрошили платье по образцу Хумана из Парижа Ленгле и Тембюте, наимодевейшие портные в Одессе, по воле моды позволяющие себе полгода шить фрак, который дожидаящийся заказчик находит тесным и неудобным. Тут видишь русского с длинной темной бородой и в сарафане донетровских времен... далее — грека албанского в белой юбке, гранатовой куртке с выпуском, черных чулках и башмаках, подходящей шапочке с огромной синей, на плечо спадающей шелковой кистью; то снова оборванного турка в грязном тюрбане, разглядывающего женщин на улицах... Все это кричит, ходит, перемешивается, ничему не удивляясь, не потешаясь над собой и относясь к окружающим как к неизбежности.

ЮЗЕФ ИГНАЦИ КРАШЕВСКИЙ, 1843 г.

Как одесситы стали “мушкетерами”?

История спортивного движения в Одессе открывается фехтованием и конными ристаниями. Фехтование культивировалось в крупнейшем учебном заведении юга России — Ришельевском лицее (до 1817 года — Благородном институте). Для обучения фехтовальному искусству будущих офицеров и государственных служащих городские власти специально привлекали квалифицированнейших мастеров из Франции и Италии. В фондах Ришельевского лицея, хранящихся в Одесском облгосархиве, находим информацию об учителях фехтования — людях почтенных и достойных, а вовсе не бретерах и дуэлянтах (каковые слухи о них распространялись завистниками) — Рибато и Паверотти. Любопытно, что на воскресных лицейских вечерах в актовом зале в присутствии “посторонней публики” пансионеры демонстрировали уровень владения шпагой — шли поединки между учащимися старших классов. Это были, очевидно, самые первые спортивные состязания в Одессе.

Другим видом своеобразного “джентльменского двоеборья” были конные ристания. Проводились они, по крайней мере, со времен Ланжерона. Сведения об этом почерпнуты нами, в частности, из рукописи старейшего одесского историка А. А. Скальковского “Шестьдесят лет одесской общественной жизни, 1794-1854”, хранящейся в научной библиотеке имени А. М. Горького в отделе редких книг. Здесь приведен перевод объявления, помещенного в 1821 году в местной франкоязычной газете “Мессаже” (оригинал газеты не сохранился): “Одесские конские скачки будут проведены 16 сентября. Господа, желающие привести лошадей для участия в скачках, должны до 7 сентября адресоваться в контору газеты “Мессаже”, чтобы узнать об условиях, на которых состязание лошадям будет определено”.

Идея организации конных состязаний более глобального

масштаба — с участием наездников всего Новороссийского края и Бессарабской области принадлежала уже графу М. С. Воронцову, который еще в бытность Пушкина в Одессе написал соответствующее “представление” на высочайшее имя. Разрешение на проведение “ежегодных лошадиных скачек” было дано лишь в июне 1826 года. Первые скачки состоялись в окрестностях Симферополя: два скаковых круга по 3 версты прошло 17 всадников. На ристании присутствовал известный одесский рисовальщик и литограф Франц Гросс, запечатлевший это событие на полотне. Картина была передана комитету губернских скачек, и М. С. Воронцов распорядился наградить художника. Впрочем, из-за нерасторопности чиновников Гросс в течение двух лет (!) не мог получить причитающуюся ему денежную премию, пока в дело не вмешался сам генерал-губернатор.

На рубеже 20—30-х годов прошлого столетия Новороссийские скачки проводятся попеременно в Екатеринославе и Симферополе. Вот что писалось, например, в отчете о скачках 1830 года: “Публика была многочисленна. Сие небывалое до сего в здешних местах конское ристалище привлекло всеобщее внимание и составило весьма значительное и приятное зрелище”. В одном из старых архивных дел упоминаются даже клички жеребцов-победителей: Сысой, Алонсо, Тульпар, Курень и др. (Разумеется, упомянуты и владельцы. Однако о наездниках нигде ни слова). Знатокам конного спорта небезынтересно будет узнать, что дистанцию в 3 версты (скаковой круг) наездник-победитель проходил за 4 минуты, причем на втором круге скорость практически не снижалась.

Большие Новороссийские скачки в Одессе были организованы в середине октября 1833 года. Надобно заметить, что серебряный кубок, предназначенный победителю, был изготовлен на средства Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой.

В дальнейшем бега и скачки проходили в Одессе практически ежегодно. В 1890 году благоустроен ипподром, построен корпус-трибуна. Здесь в разное время не только проходили бега и скачки: над ипподромом парили первые аэропланы, ведомые знаменитыми Ефимовым и Уточкин-ым. Отсюда отправились в свой “катастрофический полет” Заикин с Куприним...

- Дело о зубах. Во вчерашнем заседании городского съезда мировых судей рассмотрено было дело по иску г-жи Крыжановской к зубному врачу Юзефовичу. Истица заказала у ответчика зубную челюсть, причем дала ему в счет следуемых денег 25 руб. По словам Крыжановской, зубы оказались нехорошо сделанными, и она не могла их носить. Поэтому истица просила мирового судью постановить решение о возвращении ей 25 руб. с тем, что она возвратит врачу зубы. Мировой судья, допросив эксперта-врача, который показал, что зубы хорошо сделаны, в иске Крыжановской отказал. В съезде, при первом разборе, истица просила о допросе другого эксперта. Вчера дело слушалось в съезде вторично. Вызван был новый эксперт д-р Тычинский. Г-жа Крыжановская заявила, что зубы она утеряла. Экспертиза поэтому не могла быть произведена. Съезд решение мирового судьи утвердил.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2549

- "Дай же мне хоть раз-то высказать тебе всё!" "Нет, душенька, столько времени у меня положительно нет: послезавтра мне надо ехать в Москву!..."

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2566

- Облава. В ночь на 23 марта всеми полицейскими участками произведена обычная облава. Задержано в ночных приютах, питейных заведениях и в разных других местах: полицией Бульварного участка — 118 человек, из коих отправлено на родину 17 человек; полицией Александровского уч. — 95 чел.; из них на родину — 12; в Херсонском уч. — 86 чел., на родину — 15; в Петропавловском уч. — 115 чел., на родину — 20, в Михайловском уч. — 68, на родину — 11; в Пересыпском уч. 55, на родину — 6.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2570

Когда одесситы жили в пещерах?

В начале прошлого столетия в Одессе насчитывалось лишь несколько десятков каменных домов. Где же обитали первостроители города? Главным образом, в землянках и полуземлянках. Но был еще один оригинальный тип жилья, о котором давным-давно позабыли: настоящие пещерные города, подобные средневековым. Вырубленные в известняковой скале и снабженные по необходимости всяческими навесами, мостиками, лесенками, они напоминали скорее птичье, нежели человеческое жилье. Обычно подобные обиталища бедноты маркировали выходы старых заброшенных каменоломен, прежде разрабатывавшихся в пределах города.

Шли годы, Одесса росла и благоустраивалась, но многие неимущие рыбаки и каменотесы все так же ютились на задворках Южной Пальмиры, в сырых и мрачных каменных склепах. Поначалу пещерные “дома” тянулись по обрывам вдоль приморской полосы от мыса Ланжерон в направлении Малого Фонтана и далее.

Затем они стали портить благолепие “морского фасада” и переместились на берега Куяльницкого и Хаджибейского лиманов.

Архивные материалы свидетельствуют, что жить в пещерах-катакомбах было небезопасно не только из-за холода и сырости. Ежедневно рискующие жизнью в забое, каменотесы — истинно “дети подземелья” — не ведали покоя и дома. Как-то мне попало архивное дело, в котором упоминалось об обвале в урочище Куяльник еще в пушкинские времена (2 апреля 1824 года), при котором погиб каменотес, “одесский мещанин Иван Попов”.

Пещерный город в районе Хаджибейского лимана существовал еще в 20-е годы нынешнего столетия. Об этом рассказывала когда-то целая экспозиция фотоснимков (более 40 штук) одного из залов впоследствии расформированного

музея "Старая Одесса". Дальнейшая судьба этих материалов, как и ряда других экспонатов музея, до сих пор остается неизвестной.

В собрании одесского коллекционера и краеведа Михаила Пойзнера хранится редчайшая фотооткрытка, запечатлевшая пещерное жилище рыбака в районе Малого Фонтана. На старом снимке хорошо различимы все рыбацкие аксессуары — весла, снасти, пайолы и т. д. Отчетливо видна шаткая лесенка, ведущая на импровизированное "крыльцо", черный провал входа.

Живописные руины "пещерных городищ" еще и сегодня можно отыскать по берегам одесских лиманов, и..., и..., и...

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- Пробыв только неделю в Одессе, мы не успели побывать ни в Успенском мужском монастыре, за несколько верст от города, ни в ботаническом саду, который гораздо ближе. Мы не были и в славном здешнем магазине мадам Томазини; только знаем, что она работает с большим вкусом; зато, как и славные модистки петербургские, берет непомерно дорого, особенно с приезжих. Нам за умеренную цену сшили по два платья евреи — искусные портные и закройщики: всюду взяли бы аршин по пяти лишних. Кроме Гостиного двора на Театральной площади, здесь много разных магазинов, где всякие товары, по большей части гораздо дешевле Петербургского, но не все то найдешь, что есть в Петербурге. На театральной площади, между лавками, есть и гостиницы и кондитерские. В лучшей из последних, у Каруты, покупали мы сироп вдвое дороже, но не так хорош, как киевский. В двух модных магазинах, в Гостином дворе, у француженок, или по крайней мере у иностранок, называющихся француженками, чепчики и шляпки хуже и дороже, нежели у русских купцов в петербургском Гостином дворе, с которым здешний только одно имеет сходство, что также построен четверугольником.

О. П. Ш И Ш К И Н А, 1845 г.

Бывал ли в Одессе Джеймс Фенимор Купер?

Знаменитый писатель отправлялся в Европу в зените славы, соотечественники устроили ему пышные проводы. Нельзя сказать, однако, что Европа встретила американца с распростертыми объятиями. Купер кочевал по парижским отелям со всем своим семейством, а средства его тем временем таяли. “Своим первым представлением в европейское общество, — писал он в 1845 году, — я обязан вниманию русских, ибо в течение многих месяцев я жил в Париже, никому не известный и всеми пренебрегаемый, пока не был принят с утонченной любезностью в кружке, включавшем различных членов семьи Голицыных“. Прежде всего, Купер нашел покровительство у П. А. Шуваловой (Голицыной), в парижском салоне которой собирался весь цвет общества: выдающиеся писатели, ученые, актеры, художники. Здесь Купер познакомился и с Зинаидой Волконской. Общение с образованнейшими российскими аристократами, близко знавшими Пушкина, Вяземского, Батюшкова, Дельвига, Мицкевича, способствовало повышению интереса писателя к России, ее истории, литературе, искусству. Намерение посетить Россию зрело в нем давно. Симпатии к этой стране зародились еще в годы второй войны за независимость Соединенных Штатов (1812—1814 г. г.), когда под давлением России Англия вынуждена была признать их суверенитет.

...В 1826 году во Францию, Англию и Австрию “для ознакомления с тамошними карантинными учреждениями“ был командирован из Одессы чиновник канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края графа М. С. Воронцова молодой ученый, впоследствии — известный общественный деятель Алексей Ираклиевич Левшин. Как известно, в 1827 году А. С. Пушкин, знавший Левшина по службе в Одессе, помог опубликовать последнему его исследование “Об имени киргиз-казакского народа и отличии

его от подлинных, или диких киргизов". Выход в свет первого этнографического труда об азиатских народах России получил в Париже определенный резонанс. Здесь Левшина приветствовали знаменитые исследователи-востоковеды Клапрот и Жобер. И, понятно, молодой ученый был с удовольствием принят соотечественниками, по тем или иным причинам проживающими в Париже. Надо ли удивляться тому, что на одном из светских раутов А. И. Левшин был представлен Фенимору Куперу. Кто как не Левшин мог рассказать любознательному американцу о России, народах, населяющих ее необозримые просторы.

Будучи большим патриотом "Одесского вестника" (в редактировании которого Алексей Ираклиевич принимал участие), наш командировочный постоянно отправлял туда корреспонденции из Парижа, Лиона, Женевы и других городов, где ему приходилось бывать. В материалах, подписанных А. Л., либо А. Л....., сообщалось о новостях науки, культуры, искусства, политики, о встречах с выдающимися людьми. Не стали исключением и обстоятельства знакомства с Купером (см. "Одесский вестник", 1828, № 29).

"На балу у соотечественницы нашей графини Раз-у-ой (Разумовской? — О. Г.)... меня представили американскому писателю Куперу. Он живет в Париже около 20 месяцев и в мае намерен отправиться через Германию в Россию. Посетив Петербург и Москву, он думает направить путь свой в Астрахань и оттуда в Одессу. Будучи весьма чистосердечен в обращении, он без всяких фраз и комплиментов сказал мне, что любит русских и хочет видеть Россию". Далее Левшин извещает читателей "Одесского вестника" о появлении во французском переводе нового романа Купера "Красный корсар" (качество этого перевода он обсуждал с самим автором). Затем — неожиданный перескок к сообщению о новом романе Вальтера Скотта "Пертская красавица". Думается, в данном контексте нужно понимать так, что эту новость сообщил Левшину Купер. Во всяком случае, Купер встречался в Париже со Скоттом, и писатели сумели найти общий язык в прямом и переносном смысле.

Возможность личной встречи Скотта с Левшиным представляется сомнительной.

Надо заметить, что книги Купера пользовались в Одессе значительной популярностью, а популяризатором, в частности, был "одесский американец" Георг Зонтаг — капитан над карантинным портом, пушкинский знакомец. Этот знаменитый в городе человек постоянно поддерживал связи

с родной Филадельфией: отправлял туда одесскую периодику, получая взамен американские литературные новинки, в том числе занимательные куперовские романы. Несомненно, Левшин рассказывал Куперу о Зонтаге. Тем более, что они с ним делали одно “карантинное дело”. В одной из парижских корреспонденций, говоря об известнейшей тогда певице “девице Зонтаг в роли Дездемоны”, Левшин прямо апеллирует к семейству Зонтагов-одесситов: “Да простят нам друзья искусств сие странное, хотя и неизбежное сочетание имен”.

Итак, Джеймс Фенимор Купер отправляется в Россию и прибывает в Одессу? Нет, к сожалению. Путешествие это так и не состоялось, опять-таки из-за материальных затруднений: литературный труд приносил писателю не такие уж большие доходы. Тем более, — книги в те годы издавались сравнительно небольшими тиражами. Впрочем, любовь, глубокий интерес к России не оставляли Купера до конца его жизни. “При всех обстоятельствах, — писал он русскому дипломату Д. И. Долгорукому, — я убеждался в дружеском расположении русских к нам, американцам... Встречаясь с русскими, я всякий раз находил в них друзей, и я имею основания полагать, что и другие американцы испытали такую же любезность... Россия доказала свою дружбу по отношению к Америке, и я — один из тех, которые хотят, чтобы наш народ открыто оказал предпочтение тем, кто относится к нашей родине и соотечественникам (как на нашем полушарии, так и вне его) со щедростью и справедливостью”. Это написано около полутора столетий тому назад!

Еще в 1825 году переведен на русский язык один из первых романов Купера “Шпион” (Москва, типография С. Селивановского, перевод И. Крупеникова). Книга имела подписчиков в 22-х городах России, в том числе, конечно, и в Одессе.

С тех пор не угасает интерес к творчеству замечательного романиста, не потускнел облик его добрых и обаятельных литературных героев.

Вести из прошлого

- В еврейском молитвенном доме “Малбиш-Аримим” совершено было в минувшую субботу заупокойное служение по всем погребенным на старом евр. кладбище в течение 100 лет. Кладбище это было открыто ровно 100 лет тому назад.

“ОДЕССКИЕ НОВОСТИ”, 1893, № 2574

- Сеанс "железного желудка". Третьего дня, в 6 ч. вечера, в "Гранд-Отеле" состоялся частный сеанс выступающего на днях на цирковой арене "капитана" де-Ветрио. На сеансе присутствовали некоторые врачи, представители печати и чины полиции. В номере гостиницы, на накрытом белою скатертью столе были расставлены тарелки, на которых лежали удивительные гастрономические "деликатесы": куски деревянного угля, кокса, куски стекла, старый башмак и рваная резиновая калоша; кроме того, на столе стояли бутылки с керосином и пивом. Сначала де-Ветрио приготовил себе суп из керосина и проглотил его, по-видимому, с большим удовольствием. Затем "капитан" начал истреблять с не меньшим аппетитом деревянный уголь, кокс, антрацит, стекло и куски старого железа. Все это г-н де-Ветрио запивал пивом, в котором были разведены фосфорные спички. Десертом послужили куски калоши и старого ботинка. В довершение всего капитан выпил полстакана керосина. Этим закончился странный "обед" этого странного субъекта. Опыты "капитана" произвели на присутствующих удручающее впечатление. Чего человек ни делает ради хлеба...

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2582

- Одна местная газета получает заказы на объявления "с того света". Здесь Сидель Берг мышей и крыс истреблял, и теперь, хотя он давно уже успокоился могильным сном, все-таки беспокоит читателей объявлениями: "Истребитель крыс, мышей, тараканов, прусаков, клопов и др. насекомых Сидель Берг (умерший уже с месяц тому назад), занимающийся с успехом этим делом более 30 лет и имеющий массу аттестатов от многих высокопоставленных лиц, предлагает свои услуги по истреблению на весьма выгодных условиях". Боже мой, светопредставление!..

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2782

Кто насадил “Причерноморские леса”?

В октябре 1778 года русские войска, руководимые А. В. Суворовым, разгромили турецкий десант, высадившийся на Кинбурнской косе, в непосредственной близости от Очакова. В этом кровопролитном сражении был ранен в грудь полковник Петр Михайлович Скаржинский. Пока раненого доставляли в лагерь и готовили к операции, разгром неприятеля был завершен, а прибывший из имения полковника казак сообщил хозяину о рождении сына.

Как гласит семейное предание, счастливый отец решил назвать своего первенца Виктором в честь победы русского оружия.

Скаржинский-младший и в самом деле оправдал надежды отца — стал настоящим победителем. В грозном 1812 году он набрал ополчение из крестьян, снабдил его на свой счет оружием, амуницией (в музеях военных реликвий до сих пор хранится специфическая форменная одежда этого подразделения), лошадьми, пригласил несколько опытных солдат-наставников и принял командование над сформированным таким образом эскадроном в 188 сабель. Отряд Скаржинского все время находился в авангарде Южной армии и проявил себя в боях весьма достойно: сам В. П. Скаржинский был награжден орденом Св. Владимира с бантом, а его подчиненные — 12-ю знаками отличия военного ордена.

В мае 1813 года Скаржинский возвращается домой и с этого времени целиком посвящает себя лесоводству. Опыта лесоразведения в степной зоне южной Украины тогда вовсе не было, в успех подобного предприятия никто не верил. Леса под Херсоном или Одессой? Да в здравом ли вы уме, сударь? Так говорили ему многие землевладельцы, подолгу хозяйствовавшие в Причерноморье. Скаржинскому было вдвойне тяжело, ибо он не имел даже специального образования. Тем не менее, действуя методом проб и ошибок (“методом тыка“, как принято говорить теперь), он до-

бился-таки своего: в знойных степях вопреки всему зазеленели молодые лесопосадки.

К моменту возникновения в Одессе Общества сельского хозяйства южной России (1828 г.) Виктор Петрович добился уже весомых успехов в лесоразведении. Будучи одним из деятельнейших представителей Общества, он охотно делился опытом с недоверчивыми недавно коллегами. Говоря о лесоразведении, он всегда настаивал на том, что это нужное и полезное дело приведет в конечном счете к повышению естественного плодородия почв. А не это ли так важно для Одессы, Херсона, Николаева — значительных хлеботорговых центров?! За четыре прошедших десятилетия под руководством Скаржинского в голых безводных местах разведено более 400 гектаров леса, создано 36 прудов!

В своих многочисленных статьях, опубликованных в “Листках” и “Записках” Общества сельского хозяйства, Скаржинский высказал немало дельных соображений относительно методики хозяйствования в степной зоне Украины. Именно он впервые предложил идею создания не сплошных лесных массивов, а системы взаимно перпендикулярных зеленых полос, посадки леса по оврагам и балкам с одновременным сооружением запруд. Им же даны первые рекомендации по выбору тех или иных древесных и кустарниковых пород сообразно с типом почвы, экспозицией участка и т. д.

Первый новороссийский лесовод часто сталкивался с непониманием и косностью окружающих. Так, во время дебатирования вопроса об обязательном для землевладельцев лесоразведении из расчета 0,5 десятины на каждые 10 тысяч десятин пахотной земли число его сторонников оказалось незначительным — мало кому хотелось браться за столь сложное и неблагодарное дело, — и предложение это было отклонено. Но труд и опыт замечательного подвижника не пропали даром...

Земляки высоко оценили научно-практическую деятельность В. П. Скаржинского, как и его боевые заслуги: 16 июня 1872 года в Одессе, в Городском саду, был открыт великолепный памятник главе новороссийских лесоводов, изготовленный по специальному заказу в мастерской петербургского ваятеля Трискорелли из белого итальянского (каррарского) мрамора. В недоброй памяти 30-е годы заслуги Скаржинского — представителя “правящего прежде класса” были забыты, а прекрасный памятник — один из немногих в Одессе, — уничтожен. И все же память о замечательном человеке жива: в лучших собраниях одесских

краеведов и коллекционеров бережно хранятся старые фотографии и почтовые карточки, запечатлевшие внешний облик монумента первому новороссийскому лесоводу.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Одесса есть город весь торговый. Гавань ее, усеянная множеством кораблей и судов под флагами всех народов Европы, доказывает ее коммерческое превосходство перед портовыми городами мною виденными, кроме Царяграда. Таковы Смирна, Салоники, Синоп, Самсун, Афины и проч. Великолепен вид набережной к морю — длинный бульвар перед цепью изящных домов, украшенный памятником Дюка де Ришелье и удивительной лестницей гигантских работ, ведущей к морю и к морским ваннам. Польза от этих ванн столь велика, что съезд из внутренних губерний в настоящее время весьма многочисленен. Здешные ванны или Одесса и ее благотворное море то же самое, что у нас Боржом и Кавказ с их минеральными водами... Дешевизна в городе Одессе, так многими рассказанная, по крайней мере в мое время, есть вещь баснословная: ее нет.*

П. И. ИОСЕЛИАНИ, 1849 г.

- *Я давно не чувствовал себя так дома, как в Одессе. Она имеет вид совершенно американского города; прекрасные, широкие, прямые улицы; низкие дома (в два или три этажа), просторные, чистые, свободные от всяких архитектурных украшений; гороховые деревья (их называют здесь акацией) окаймляют тротуары; улицы и магазины имеют суетливый и деловой вид; знакомая новизна проглядывает в домах и во всем; а поднимающееся облако пыли до такой степени напомнило нам сходство с нашей дорогой родиной, что мы едва могли удержаться, чтобы не пролить несколько благодарных слез и не произнести проклятий на американский лад. Тут ничего не напоминало нам, что мы в России. Но когда мы, пройдя немного дальше по улице, увидели странной архитектуры церковь, а потом извозчика в какой-то длинной юбке — иллюзия исчезла!*

МАРК ТВЕН, 1867 г.

Что пели об Одессе чумаки?

Ответить не так уж просто, ибо вопрос этот не разрабатывался краеведами уже много десятилетий. Библиография ограничивается буквально единичными названиями давних работ одесских исследователей Алексея Ивановича Маркевича и Доротеи Генриховны Атлас. Вместе с тем, в результате многолетнего изучения украинского народного творчества в целом накоплены весьма объемные материалы — это касается в первую очередь народных песен, — позволяющие значительно дополнить эти старые штудии как малоизвестными “одесскими” песнями, так и новыми вариантами тех, что уже публиковались в местной периодике.

Мимоходом касаясь истории собирательства и публикации украинских народных песен, отметим следующее. Нередко приходится слышать и читать, будто начало украинской фольклористике положено сборниками, изданными М. А. Максимовичем (1804—1873): “Малороссийские песни” (Москва, 1827), “Украинские народные песни” (Москва, 1834) и “Сборник украинских песен” (Киев, 1849). Нисколько не умаляя заслуг этого выдающегося украинского историка, этнографа, ботаника, члена-корреспондента Петербургской академии, приведем только его собственные на сей счет высказывания в предисловиях к двум первым сборникам. Автор напоминает, что его предшественником был, скажем, Н. А. Цертелев (“Опыт собрания старинных малороссийских песен”, СПб., 1819), что в работе над составлением второго сборника принимали участие Н. В. Гоголь, И. И. Срезневский, А. Г. Шпигоцкий, И. В. Крамаренко и другие. Добавим к этому, что сборники-песенники украинских народных песен появились уже в последней четверти XVIII столетия, как рукописные, так и печатные (М. Новикова, И. Прача, В. Трутовского, М. Чулкова и т. д.).

Вслед за сборниками М. А. Максимовича (бывавшего,

кстати говоря, в Одессе и имевшего здесь немало преданных друзей и единомышленников) выходит целый ряд других любопытных изданий с публикациями украинских народных песен. Привлекает внимание сборник чумацких песен И. Я. Рудченко (1874). Чумацкие маршруты издавна проходили через Одессу и ее предшественник Хаджибей (Качибей, Гаджибей, Аджибей). Сохранились достоверные исторические свидетельства о том, что добыча соли в близлежащих причерноморских лиманах осуществлялась в течение многих столетий: об этом говорят, например, в своих записках польский дипломат Михаил Литвин (около 1550 г.), турецкий путешественник Эвлия Челеби (около 1666 г.) и другие.

Юная Одесса, администрация которой была заинтересована в привлечении рабочего люда, радушно принимала “в свои объятия” не только иностранных колонистов, предпринимателей, инвесторов, ремесленников, но и чумаков, беглых крепостных и крестьян. Тема “Беглые в Новороссии” находит свое воплощение не только в литературе, но и в народном творчестве.

*“А в Одесі добре жити —
Мішком хліба не носити,
На панщину не ходити,
Подушного не платити:
Не за плугом, не за ралом —
Називають мене паном!”*

Не только хорошие заработки прельщали новоявленных одесситов (а в городе как поденщикам — сезонным рабочим, так и фабричным и даже обычной прислуге действительно платили значительно больше, нежели в других российских городах), но и сам воздух свободы, наполнявший солнечные улицы экзотического интернационального порта. На площадях, базарах, бирже, в гавани, многочисленных кофейнях и погребках слышалась русская, украинская, французская, итальянская, греческая, еврейская, польская, армянская, немецкая, турецкая, молдавская, албанская речь. Украинцы — запорожцы, чумаки, беглые крестьяне — принимали участие в основании нескольких предместий и хуторов. Здесь родились новые песни, связанные с Одессой, быть может, не такие уж и жизнерадостные — судьба поселяня складывалась по-разному, далеко не все из них преуспевали. Так, известный одесский краевед А. И. Маркевич в работе “Одесса в народной поэзии” приводит фрагмент песни, записанной в Дальнике — в те годы первой почтовой станции на тракте Одесса — Тирасполь — Бендеры — Кишинев:

*"Ой у городі та Одесі
Новая луна:
Ой там же то дівчинонька
Дитя народила,
Та не пустила на світ божий —
В морі втопила..."*

В серьезной работе одесской исследовательницы Д. Г. Атлас "Старая Одесса и русский народ" (1911 г.) развернута полемика с А. И. Маркевичем. Доротея Генриховна оспаривает трактовку поэтики некоторых украинских народных песен, приведенную "почтенным профессором" в упомянутой работе "Одесса в народной поэзии". Возражения в основном сводятся к иллюстрации несостоятельности утверждений Маркевича о том, будто приморский город сделался чем-то вроде гнезда разврата и напроочь деформировал мораль смиренных и простодушных чумаков, а также богобоязненных крестьян, невольно оказывающихся жертвами дьявольской Одессы:

*"Ой хвав я до Адесі
Та мав грошей два чересі,
А з Адесі повертаю —
Ні копійочки не маю".*

Поясним, что "чересі" — это кожаные пояса, в которых вояжеры обычно хранили деньги. Из рассуждений Маркевича следовало, что лишь одна Одесса понуждала своих гостей к мотовству. Д. Г. Атлас резонно возражала против такого заявления и приводила примеры, в которых Петербург, Москва, Киев и другие города едва ли уступали Южной Пальмире в отношении разнообразных соблазнов:

*"Що в Одесі
За сім років заробив, —
А в Полтаві зробив славу,
За дві ярмарки пропив".*

Вариант этой же песни обнаружился в весьма интересной в плане изучения тогдашнего одесского диалекта (но это тема отдельного обстоятельного разговора) книге Фортуната Михайловича Пискунова "Словниця української мови" (Одеса, 1873). Только здесь говорится, что деньги заработаны в Одессе и Бендерах, а пропиты "в Київі, на Подолі". Та же тема "одесского ухарства" звучит в известной народной песне, помещенной в сборнике А. Конощенко "Українські пісні з нотами" (Одеса, 1909):

*"Ой Одеса моя мила!
Чим ти мене спорядила?
З хазянка — бурлакою,
П'яницею, гулякою:*

*Против воли, против вози,
Против ярма, ще й закози,
Зосталась одна мазниця,
Щоб на завтра похмелиться!..
Против чумака, прогулявся,
А додому й не добрався!.."*

Да, вольный ветер Одессы иной раз мог сыграть с ее гостями недобрую шутку. Примечательно, что разнообразные варианты этой же популярной когда-то песни встречаются во многих сборниках, в частности, у И. Я. Рудченко.

Важнейшим источником изучения украинского фольклора, в том числе касающегося одесской темы, могут служить труды этнографо-статистических экспедиций, снаряжавшихся Русским географическим обществом в разные годы. Так, в материалах, собранных действительным членом этого общества П. Чубинским (1874 г.), находим народную песню о том, сколь небезопасной была дорога до Одессы в те давние времена: нередко случались разбойничьи нападения на чумацкие обозы, не каждому открывалась возможность в целости и сохранности доставить в город свой товар и невредимым же добраться туда самому.

Короткий наш обзор, понятно, не может претендовать на всеохватность. Заинтересованные читатели имеют возможность продолжить наше исследование, поскольку означенная тема далеко еще не раскрыта. И вот простое тому подтверждение. Давным-давно автору этих строк известна была достаточно хрестоматийная песня "Ой чумаке, чумаке". Целых два ее варианта (один — по сборнику И. Манжуры, другой — по гоголевскому) представлены, например, в одном из последних объемистых сборников украинских народных песен, составленных Еленой Хмилевской ("Соціально-побутові пісні", Київ, "Дніпро", 1985, сс. 121 — 122). Никаких упоминаний об Одессе здесь нет. Однако в процессе разысканий я наткнулся на другой вариант этой же песни, до сих пор не известный в нашем краеведении. Отыскался он в сборнике Антона Коципинского (Київ, 1885, сс. 43 — 45). И вот здесь-то об Одессе говорится очень тепло. Чумаки обращаются к своему вожаку: что делать, "отамане-батьку", обнищали до того, что уж и коней кормить нечем. Тогда вожак отвечает:

*"Косіть, хлопці, лободу,
Привикайте на біду;
Косіть, хлопці, отаву,
Пасіть коні на славу!..
Косіть, хлопці, митлицю,
Нахривайте пшеницю;*

*Косіть, хлопці, осоку,
Пасіть коні до смаку!..
Косіть, хлопці, та овес,
То поїдем у Адес;
А в Адесах рідна мати
Не дасть же нам загинати!..*

Вести из прошлого

- Жениха "по объявлению" приглашает к себе некий солидный глава семейства и говорит:
 - Судя по объявлению, вы имеете намерение жениться?
 - Да.
 - У меня есть четыре дочери. Я вас представляю им, и которая вам больше понравится, той можете делать предложение.
 - Хорошо-с.
 - Кроме того, считаю своим долгом предупредить вас, что за каждой имеется десяти тысячное приданое...Жених поспешно:
 - Хотите, я возьму двух?..

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 258 6

- Инцидент с опереточной певицей г-жой Монбазон, позволившей себе на сцене нашего Городского театра читать и петь непозволительные скабрёзности, обратил на себя внимание, по словам "Ведомостей Одесского Градоначальства", лучшей части нашей столичной печати...

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 259 6

- В клубе при колонии душевнобольных сделаны в настоящее время все приспособления для правильной постановки спектаклей, в которых будут принимать участие и больные. Предполагается давать спектакли два раза в месяц.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2610

- На Полицейском мосту задержана была 12-летняя девочка А. Рябих, заявившая, что она хотела броситься с моста, так как, потеряв 5 руб., данные ей хозяйкой, модисткой Власюковой, для покупки колена, боялась наказания.

"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2622

С чего начиналась деловая Одесса?

“Мы входим в сад (имеется в виду Городской — так называемый Дерибасовский сад — О.Г.), — писал в 1823 году будущий декабрист Н. А. Чижов, — и волшебное зрелище поражает наши взоры: воображаешь, что все народы собрались здесь наслаждаться прохладой вечерней и ароматнейшим запахом цветов... Единоземец великого Вашингтона идет подле бородатых жителей Каира и Александретты; древний потомок норманнов с утесистых скал Норвегии, роскошный испанец с берегов Гвадалквивира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собрались, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной... Можно сказать, что в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище...”

Интернациональный облик экзотического южного города порто-франко — вот одна из определяющих примет, поражающая приезжих. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы бегло ознакомиться с мемуарами не только российских, но и иностранных путешественников, посещавших наши края в первой половине XIX столетия.

Столь же этнически пестр и деловой мир юной Одессы, причем удивление вояжеров вызывает всеобщая гармония в этом “демографическом конгломерате”. В самом деле, в городе на небольшом удалении друг от друга расположены коммерческие конторы, лавки, магазины, склады, кофейни, кондитерские, трактиры и т. д. греческих, турецких, французских, итальянских, швейцарских, английских, немецких, югославянских, польских, еврейских и других предпринимателей. Здесь же высятся православные, католические, лютеранские, реформатские храмы, синагоги, каримская кенаса, магометанская молельня, клерикальные учебные заведения различного толка, — и никого это не смущает. Обстановка веротерпимости, сотрудничества.

Быть может, существовало какое-то “международное разделение труда” в деловой сфере, т. е. представители

различных этнических групп специализировались в разных областях производства, обслуживания, торговли, ремесла? Отчасти такое разделение труда действительно имело место. Это отчетливо заметно, скажем, в сфере ремесел. Например, немецкие колонисты специализировались в области производства сельхозорудий, среди них были хорошие токари, оружейники, кондитеры, фармацевты, специалисты по изготовлению разнообразных мясопродуктов. Еврейские мастеровые работали в обойных, седельных, корсажных, сапожных, швейных мастерских. Швейцарцы занимались виноделием и т. д. Однако давайте попытаемся разобраться в главном: была ли монополизирована негоциантами какой-либо одной нации морская торговля — основа жизнедеятельности города.

Говоря о морской торговле, церковный администратор армян-католиков Тавриды Минас Бжшкянц (Минай Медичи) во второй половине 20-х годов прошлого столетия подчеркивал, что ею занимаются *коммерсанты всех наций* — суда различных государств непрерывно посещают гавань, “доставляя европейские товары и унося пшеницу”. Так ли это было на самом деле? Проверим по архивным и другим библиографическим материалам. Перечислим крупнейшие морские коммерческие конторы и их учредителей. “Ландер и Джеймс”, “Эдуард Моберли и К^о”, “Рей Ревиллиод и К^о”, “Дж. Атвуд и К^о”, “М. Дженни и К^о” и др., — английские фирмы играли существенную роль в морской коммерции. Вспомним в этой связи, что Моберли был “спонсором” экспедиционного корпуса М. С. Воронцова во Франции (1814 г.). С Одессой связаны интересы крупного английского торгового дома, представителем которого являлся Чарльз Томсон — впоследствии выдающийся политический деятель: по словам А. И. Тургенева, он “знавал Пушкина в Одессе”.

Однако англичане вовсе не были монополистами. Сильные позиции занимали французские негоцианты — Шарль Сикар, Жан Рено, Жан Рубо и др. Значительные внешнеторговые операции, связанные с морскими перевозками, осуществляли югославянские коммерсанты — Джованни Ризнич и Филипп Лучич (сербы), Николо Палаузов (болгарин) и другие. Одним из крупнейших экспортеров зерна был Г. И. Маразли; весьма деятельное участие принимали в морской торговле и другие греческие негоцианты, а также русские купцы, например, фирма “Лонгинов и Морозов”.

Любопытно, что суда, курсировавшие между Одессой и малоазийскими и средиземноморскими портами, обычно

фрахтовались одесскими фирмами и ходили под российским, австрийским, сардинским, английским, французским, турецким флагами. Что касается владельцев и шкиперов, это также были “дети разных народов”. Для наглядности — перечень судов и их шкиперов, в одно и то же время стоявших в одесском порту: бомбарда французская “Виттория”, капитан Доменико Карбонель; бриг русский “Граф Ланжерон”, капитан Мишель Питтаревиц; бриг русский “Три друга”, капитан Джузеппе Миссич; бриг австрийский “Отишпа”, капитан Винченцо Коста; бриг английский “Ираилиа”, капитан Спиридон Метакса и т. д. Как видим, под русским флагом ходит судно, принадлежащее сербу, под австрийским — итальянцу, под английским — греку.

Перечисленные выше коммерческие конторы во многих случаях выполняют исключительно посреднические функции — передают доставленный в их адрес импортный товар другим фирмам и торговым домам для непосредственной реализации, а также индивидуальные заказы горожан. Скажем, в адрес тех же Ревиллиода, Ризнича, Сикара приходил оптовый товар (апельсины, сахар, табак, кофе, ткани, оливки и пр.), но любой желающий за соответствующую плату имел возможность выписать, допустим, ящик или даже несколько бутылок шампанского, “гитару музыкальную”, “зонтик шелковый”, “очки в роговой оправе” (питируется один из архивных реестров товарным местом), табакерку, чубук, пачку книг, записную книжку — да что угодно! — непосредственно из Франции, Италии, Англии, Греции, Турции. Что-то в этом, конечно же, было...

Вообще дело было организовано наилучшим образом, все продумывалось до мелочей. Предположим, судно надлежало отправляться из Архипелага (Ионических островов) в Одессу, за зерном, а попутного груза не было. Что же, идти порожняком? Отнюдь нет. В таком случае, узнаем из старых документов, судно приходило “в балласте”. Но это не означает — порожняком: шкипера предусмотрительно заполняли трюмы глыбами изверженных пород, в изобилии встречавшихся на средиземноморских островах. Одесса крайне нуждалась в прочных строительных материалах, необходимых для благоустройства города, прежде всего — для мощения улиц и дорог. В окрестностях ее имелись лишь мягкие осадочные породы — глины, лессы, известняки, а потому капитаны судов, доставлявших качественный “балласт”, пользовались в одесской гавани особыми льготами.

Нельзя не сказать, что положение любого предпринимателя в Одессе в годы порто-франко определялось вовсе не

его национальной принадлежностью или высокими связями, а степенью полезности городу, краю, а значит державе в целом. Иностранцы, надумавшие вложить капиталы в местную торговлю, со времен Ришелье пользовались условиями наибольшего благоприятствования: это была не только местная, но государственная политика. Для того, чтобы убедиться в обоснованности такого вывода, достаточно ознакомиться с “Инструкцией”, составленной министром коммерции графом Румянцевым, которая определяла стратегию действий Ришелье в соответствии с интересами и стремлениями российского руководства. “Умножающиеся торговые иностранные люди в Одессе, — говорится в этом документе, — ощутительную приносят государству пользу, поелику капиталами своими приводят труд народный в деятельность и рассеивают, так сказать, избытки тех капиталов поселянам“. Со своей стороны, Ришелье и его преемники сделали все возможное для инвестирования местной торговли зарубежным капиталом. Одесская администрация со всем гуманизмом встречала и привечала европейцев, стремящихся обосноваться в новом городе и заниматься частным предпринимательством. Вначале приезжие обычно приписывались в городское сословие по так называемой гостевой статье, оставаясь швейцарско-, английско-, турецко- и т. д. подданными, а затем желающие могли вступить и в гильдию или цех. Мало того, процедура их налогообложения была на редкость демократичной. Скажем, городская повинность — акциз — назначалась окладчиком, избираемым ими же самими, из своей же среды.

Все, что мы говорили об условиях благоприятствования зарубежным предпринимателям, хорошо иллюстрирует также следующий фрагмент письма генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника Бессарабской области графа М. С. Воронцова к А. Х. Бенкендорфу: там речь идет о “кротости и справедливости тех правил, коими постоянно руководствуется правительство в отношении к иностранцам... всячески защищая и покровительствуя тем, кто... ведет жизнь мирную и для общества небесполезную“. А потому не так важно, читал ли Воронцов Адама Смита: у него и без того доставало ума и здравого смысла, чтобы не экономикой руководить, но создавать наилучшие для ее естественной эволюции условия. По крайней мере, не чинить препон свободному предпринимательству, на котором и выросла Одесса. “Не будем слишком регулировать“ — вот золотое правило, которому следовали одесские администраторы (это, кстати, слова Ришелье).

Именно поэтому уже в эпоху порто-франко Одесса становится городом европейского масштаба, а к концу XIX столетия — одним из благоустроеннейших городов континента, четвертым в Империи (после Петербурга, Москвы и Варшавы). Красочный облик города 50-х годов XIX века запечатлен в литературных воспоминаниях Г. П. Данилевского: “Везде красовались итальянские, греческие и французские вывески. Молдаване, валахи, армяне, греки и татары в живописных национальных одеждах торговали в палатках на площадях и перекрестках улиц. Мелькали фески турецких матросов; какой-то алжирец в белой чалме носил и продавал ручную ученую обезьяну. Тысячи возов, телег и немецких гарб тянулись от взморья к громадным каменным амбарам и обратно... Везде слышался иноплеменный говор. Извозчики на оклики иностранцев отвечали, подавая дрожки: “Си, синьор“, “Престо“ и “Тутсюить“. Нарядные с восточными лицами красавицы под широчайшими с белой бахромой зонтиками проносились по улицам на рысаках, в богатых колясках и ландо...”

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Где-то подкрепившись за три копейки рюмкой малаги с бисквитом, конец вечера я провел в театре. Давали оперу “Сомнамбула” с знаменитой певицей Брамбилла и с неким замечательно-нежным и сладко-певучим тенором. Мастерски спевшиеся, оживленные и подвижные хоры, красивый дирижер — худой и бледный еврей Буффе с длинными черными волосами, живописно падавшими на его большие отложные воротнички, необычайно шумный, с перекликаньями через соседей, говор публики в антрактах и масса хорошеньких женщин в ярко освещенных ложах, отделанных бронзой и инкрустацией из зеркал, — все это на скромного путника, прибывшего с севера, произвело сильный эффект... Опера кончилась бурными овациями Брамбилле. С улицы слышались виваты и крики “ура“. Певице не дали ехать. Ее поклонники отпрягли лошадей и, осыпая артистку цветами, потащили ее в коляске на руках...*

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ, 1850 г.

В каком доме жил Пушкин?

Читателя может удивить вопрос, казалось бы, такой банальный. Ну, разумеется, — в знаменитом особняке по нынешней Пушкинской улице, номер 13, где установлена мемориальная доска и расположен пушкинский отдел местного Литературного музея. Все это так, но не этот адрес Пушкина в Одессе главный. Здесь, в “Отель дю Норд“, принадлежавшем небезызвестному Шарлю Сикару, поэт едва ли прожил больше двух-трех недель в общей сложности (включая посещения города в 1820 и 1821 годах). Из всех мемуаристов этот адрес, тем не менее, не называет никто: ни Липранди, ни Вигель, ни Бутурлин... Памятное место это локализовано лишь на основании указания генерала П. С. Пущина, опубликованного первым одесским пушкинистом профессором К. П. Зеленецким. Правда, заявление И. П. Липранди о том, что Пушкин любил бывать на обедах, устраиваемых в доме Сикара, обычно интерпретируется как подтверждение атрибуции упомянутого пушкинского адреса.

Но это еще надо доказать: насколько известно, Шарль и Лаура Сикар обитали в это время и совершенно в другом доме, на улице Садовой.

Впрочем, мы будем говорить о другом адресе — том самом, о котором говорят многие лица из одесского окружения Пушкина. Речь пойдет о знаменитом доме барона Рено, расположенном на пересечении Дерибасовской и Ришельевской улиц. Не так давно этот самый дом (либо комплекс строений, “выросших“ на его основе) подвергся капитальной реконструкции, ибо историко-культурная ценность этого сооружения ни у кого не вызывает сомнения. Но ценность эта возрастет вдвойне, если принять во внимание, что в этом доме “запрятан“ главнейший, пожалуй, памятник пушкинской Одессы. Не стану интриговать читателей, скажу прямо: очевидно, левая часть этого дома (первые полтора этажа — “Этаж с антресолями“) — ничто иное

как клубная зала, устроенная бароном Рено еще в ришельевскую эпоху, та самая зала, которую посещала вся местная элита и в воронцовский период.

Нет надобности напоминать о том, что клубный дом — не просто один из адресов, связанных с пребыванием Пушкина в Одессе: это и значительный центр общественной жизни города тех времен, о чем сохранилось немало самых авторитетных свидетельств. Это было одно из лучших городских строений. Если прибавить к этому кардинальную неизменность внешнего облика фасада на протяжении всей истории существования здания, если, наконец, сопоставить его графическое изображение на разных этапах эволюции, станет очевидно, что все “архитектурные модификации” создавались на базе некоего ядра, а именно — клубной залы, построенной стараниями Рено.

В год рождения города все начиналось с длинного полуторазтажного дома Волконского, протянувшегося от современной улицы Ласточкина (Ланжероновской) до Дерибасовской. В начале XIX ст. здесь уже хозяйничал Рено — французский коммерсант, сподвижник А. Э. де Ришелье, — устроивший в средней части здания роскошную овальную залу, своеобразный аристократический клуб. Подробное описание этого сооружения, как бы разрезавшего дом Волконского на две симметричные части, имеется в книге знаменитого польского писателя Юзефа Крашевского “Воспоминания об Одессе, Едиссане и Буджаке”, изданной в Вильно в 40-х годах прошлого столетия.

“По внешнему виду дома, в котором она (клубная зала — О. Г.) находится, едва ли можно догадаться, как велико и красиво помещение внутри... Это первая и старейшая бальная зала в Одессе, т. к. в ней еще для герцога Ришелье давались балы. Вход украшают два белых льва из алебаstra. По темным ступеням проходишь в достаточно просторную залу, которая освещается двумя рядами окон с двух сторон. Вокруг тянется галерея, поддерживаемая высокими колоннами, отстоящими от стен. В глубине был буфет; на возвышении, составляющем часть галереи, стояли между колоннами и окнами столики и кресла. То же самое — посередине (залы — О. Г.). На столиках разбросаны газеты: Курьер коммерческий генуэзский, венецианский, газета Ллойда, “Дебата”, немецкие и даже наш петербургский еженедельник. Об этой зале, построенной посредством кавалера Рено, коммерческого советника, возле которой собиралась биржа, а летом — в ней самой, — упоминает в своем “Путешествии” Кастельно”. (Маркиз Габриель де Кастельно, адъютант Ришелье, автор книги

“Опыт древней и современной истории Новороссии“, Париж, 1820).

В 1821 году Жан Рено перестраивает также правую часть дома Волконского, надстраивая этаж, после чего здесь разместилась та самая гостиница, в которой Пушкин обитал на протяжении практически всего пребывания в Одессе в 1823—1824 гг. В левой, полутораэтажной части бывшего дома Волконского, располагавшейся непосредственно за клубной залой, напротив Городского театра, находилось итальянское казино. Вот как описывает весь этот комплекс строений одесский старожил В. В. Лорович: “На угле (Ришельевской и Ланжероновской — О. Г.) — дом в полтора этажа, где помещалось одесское коммерческое казино; возле него — большая овальная зала, в которой давались балы и концерты. От этой залы до угла и за угол, до дому Маразли — тоже большой двухэтажный дом (клубная гостиница — О. Г.). Двор был разделен посередине двухэтажным домом, в нижнем этаже которого Казанов устроил первые бани в Одессе“.

Чтобы наглядно воссоздать быт гостиницы Рено в пушкинскую эпоху, обратимся к книге английского медика Роберта Лайелла “Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии“, изданную в Лондоне в 1825 году (путешествие осуществлялось в 1822—1824 гг.). “В Одессе есть несколько гостиниц, — пишет Лайелл, — все они очень дорогие. Мы жили в Клубе, как его называют, и платили 20 рублей в день за четыре комнаты и за номер для наших слуг. Обеды непомерно дороги. В этой гостинице есть недавно основанный Английский клуб, или читальный зал, куда поступают лондонские газеты, британские журналы и т. д.; посторонние могут попасть туда, предварительно зарегистрировавшись у одного из членов клуба“. Далее — подробности о клубной зале: “Для того, чтобы дать одеситам возможность разнообразно развлекаться, много лет тому назад мсье Рено построил здесь залы для собраний и балов, которые, как мы поняли, хорошо посещают. Большой овальный зал, окруженный галереей, опирающейся на многочисленные колонны, используется для двух целей: как танцевальный зал и как помещение биржи, где купцы иногда заключают свои сделки, хотя обычно они предпочитают кафе при гостинице (т. е. казино — О. Г.), где мы остановились; весь день, с утра до вечера, оно переполнено посетителями, в особенности евреями, которые, впрочем, больше едят, пьют и играют в различные игры, чем заключают сделки“.

Не менее интересно описание обеих “пушкинских гос-

тиниц“ и Клуба находим в мемуарах другого английского вояжера, побывавшего в Одессе двумя-тремя годами позднее, — Эдварда Мортонa, — “Путешествие по России и пребывание в Санкт-Петербурге и Одессе в 1827—1829 гг.“. Клуб, сообщает Мортон, представляет собой огромное здание, воздвигнутое г-ном Рено в конце Ришельевской улицы. “Здесь находится зал для собраний (балов), — красивый овальный зал, сверху окруженный галереей, опирающейся на колонны. Он может вместить 1000 человек; за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, — уверяет англичанин, — в Российской империи нет города, в котором можно было бы увидеть такой прекрасный зал“. Мортон подтверждает также, что здесь проводятся биржевые собрания, а также заседает местный элитарный клуб “Нью Ресурс“, членами которого состоят наиболее значительные негоцианты, капитан порта, чиновники, консулы иностранных держав и т. д. В овальной зале дают балы, здесь функционирует читальный зал, а недавно действовал и Английский клуб, временно прекративший свое существование в силу ряда неблагоприятных обстоятельств. В Клубе также есть кафе и бильярдная.

“В городе всего две гостиницы, — продолжает свое повествование наблюдательный англичанин, — а именно — Клуб и “Отель дю Норд“. Клуб является частью только что описанного одноименного здания; что касается “Отель дю Норд“, то это большое здание, расположенное в другой части города; удобства в обеих гостиницах небольшие, а цены высокие. Комнаты в Клубе большие, в “Отель дю Норд“ — поменьше, но и там и там почти нет мебели и царит ужасающая грязь...”

Располагая столь впечатляющими свидетельствами (упомянутые мемуары, между прочим, прежде не были введены в литературно-краеведческий оборот), можно вполне наглядно представить себе, в каких бытовых условиях оказался Пушкин во время пребывания в “Южной Пальмире“. Впрочем, в его описании Одессы не ощущается никакого неудовольствия, даже и во фрагменте, относящемся к дому Рено. Напротив, здесь явно преобладают оптимистические нотки:

*Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздаётся; на балкон
Маркер выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.*

В середине 30-х годов прошлого столетия в клубной зале случился пожар, о чем упоминает в своих мемуарах местный врач и общественный деятель Э. С. Андриевский. Этот факт заставил исследователей предполагать, что уже тогда "пушкинский дом" был отстроен заново. Но это не соответствует истине, ибо приведенное выше описание клубной залы Крашевским относится к 40-м годам XIX ст. Однако здание горело вторично — в конце 50-х годов, и существуют документы о том, что "сгоревший дом", принадлежавший тогда барону Кальма (прежде им владела дочь Рено, княгиня Кантакузина), приобрел крупный одесский предприниматель барон Стиффель. Есть основания говорить: едва ли дом сгорел настолько, что не поддавался восстановлению. Очевидно, в 1858 году он не отстраивался заново, а был капитально реконструирован. Это тем более верно, что сохранился первый этаж с антресолями, — какой коммерсант разорился бы тогда на подлинное воссоздание прежнего облика здания в ходе нового строительства? Тогда дом был надстроен двумя этажами. И, наконец, после перестройки 1886 года он приобрел свой окончательный вид — появились мансарды.

Гипотеза о том, что "пушкинский дом" сохранился до сих пор как составная часть здания "на Дерибасовской угол Ришельевской", нашла поддержку у ведущих специалистов в области истории одесского градостроительства — В. И. Пилявского и В. А. Чарнецкого. В частности, архитектор Валентин Пилявский сообщил мне, что в процессе обследования, проведенного в интересующем нас доме накануне недавней реставрации, выявлены фрагменты галерейной схемы корпусов во дворе, что отвечает традициям 20—40-х годов прошлого столетия. Он вполне согласен с тем, что и антресоль над первым этажом нетипична для более поздних построек и едва ли появилась бы, если бы дом отстраивался заново. В. И. Пилявский рассеял и другие мои сомнения: полуторазэтажный клубный дом, заверил он, вполне мог быть надстроен двумя-тремя этажами. Архитектор привел многочисленные примеры, когда аналогичные одесские строения надстраивались не только двумя-тремя, но даже четырьмя (!) этажами.

А дело в том, что здания возводились в ту пору с огромным запасом прочности. Это тем более справедливо в нашем случае, когда речь идет об одном из лучших городских строений (клубную залу, кстати, возводил знаменитый зодчий Фраполли). Кроме того, оказывается, старый, выстоявшийся ракушечник не только не утрачивает прочности, но, напротив, укрепляется с годами. Все это наве-

вает мысль о том, что клубный дом в самом деле сохранился как составляющая часть более поздней постройки. В. И. Пилявский признался мне, что подобная идея зародилась и у него в ходе обследования дома накануне реконструкции. Разумеется, нелишне разыскать документы, более определенно трактующие характер строительных работ, связанных с "нашим домом" (1858 и 1886 гг.): они стали бы веским аргументом в ходе бесед с возможными оппонентами. И хотя в конкретном случае такого рода документальные подтверждения представляются чисто формальными (тем более, что мы имеем серию гравюр, литографий, рисунков, фотографий, иллюстрирующих все этапы эволюции дома Рено), лучше все же, как говорится, иметь их на руках.

Так или иначе, возьму на себя смелость заявить, что реестр не столь уж многочисленных памятников пушкинской Одессы пополнился еще одной важнейшей позицией. Именно в этом доме — эпицентре исторической части Одессы — Пушкин бывал буквально во всякий день своего тринадцатимесячного пребывания в городе.

Вести из прошлого

- Хильченко разыскивал в Сабанеевом мосту вчера предполагаемый клад. В час ночи с 21 на 22 мая, в присутствии чинов полиции, инженеров и архитекторов, в стене Сабанеевского моста Хильченко с товарищем садовыми ручными пилами вырезали в нескольких местах камни. Поиски, однако, оказались безуспешными, и Хильченко неудачу эту объяснил тем, что он нехорошо ознакомился с имеющимся у него планом. Работы производились ночью, между 1 и 3 ч. утра.
"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2624.
- К характеристике кафешантанных нравов. Каждое лето в кафе-шантанах появляются шантажисты, вымогающие у певец деньги. Если певица даст им "контрибуцию", то они ей аплодируют; в противном случае при появлении "непокорной" раздаются свистки. Несколько таких шантажистов-"свистунов" удалось задержать одному полицейскому надзирателю. Составлен протокол для привлечения их к ответственности.
"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2624.
- Старшина парикмахерского цеха Гречухин составил протокол парикмахеру Теодору за то, что у последнего на вывеске написано "куафер из Парижа", между тем как местный цех не выдает аттестатов на звание "парикмахера из Парижа".
"ОДЕССКИЕ НОВОСТИ", 1893, № 2633.

Почему на Соборной площади нет собора?

Вопрос, конечно, риторический. В недоброй памяти 30-е годы одесские храмы, как и храмы множества иных городов и сел, подверглись почти повальному уничтожению. И не только православные. Подумать только, в начале века в городе действовало 46 православных храмов, из них 26 — при благотворительных и учебных заведениях, а также старообрядческая, греческая, армяно-григорианская, две римско-католические, лютеранская, евангелическо-реформатская, англиканская церкви, три большие и несколько малых синагог, караимская кенасса, магометанская молельня... Сталинская политика уничтожения народных святынь была по существу политикой отсечения корней, пересадки на целину, духовного омертвления методом культивирования душ по-лысенковски.

... С младенчества города Соборная площадь была местом, традиционно связанным со всеми сколько-нибудь значительными событиями его общественной и духовной жизни. Всевозможные праздники — как церковные, так и гражданские, — посещения города представителями царствующего дома, героями сражений, пуск городского водопровода, крестный ход и т. д. — все эти многолюдные мероприятия начинались либо оканчивались именно здесь.

Николаевская соборная церковь почти ровесница Одессы, заложена она 14 ноября 1795 года митрополитом Гавриилом. В период сооружения этой церкви богослужения совершались во временном деревянном храме Николая Мирликийского, а прежде этого — в походной церкви нижегородских гренадеров. Строительство собора, осуществляемое по планам инженер-капитана Ванрезанта и архитектора Фраполли, завершилось 25 мая 1808 года. В этот день архиепископ Платон освятил в честь Преображения Господня главный престол, отчего собор и называется Преображенским, а не Николаевским.

В пушкинские времена собор был еще невелик, тесен.

Опальный поэт мог наблюдать во время богослужений новый (1821 г.) иконостас, изготовленный воронежским мастером Юхариным, с иконами художников-академиков Угрюмова и Иванова. В зимнее время выстоять церковную службу было непросто из-за холода, и в 1824 году составляется проект колокольни, предусматривающий также сооружение “теплой церкви”. Колокольня (но все-таки без “теплой церкви”) была готова лишь в год гибели Пушкина. Главный колокол звонницы отлили в городе из 28-ми турецких пушек — трофеев кампании 1828 года.

В том же 1837 году Екатеринославская епархия разделилась на собственно Екатеринославскую и Херсонско-Таврическую. Одесса сделалась резиденцией херсонско-таврического епархиального архиерея, а Преображенский собор — кафедральным. Поэтому начинается его большая перестройка: он соединяется трапезной церковью с колокольней, заменяются купола, расширяются и поднимаются боковые приделы, где устраиваются ризница, библиотека и архив, полы устилаются мраморной плиткой, изготавливаются специальные люстры и т. д. В дальнейшем собор неоднократно реконструируется и перестраивается: последние значительные работы относятся к 1900—1903 годам.

Несмотря на многочисленные реставрации и реконструкции (а может быть, как раз по этой причине), к числу шедевров архитектуры собор не причисляли. Современники понимали, что он состоял по существу из трех различных элементов — собственно старого здания, колокольни и соединяющей их трапезной церкви, — создававшихся в разное время, по различным планам, а затем состыкованных и “причесанных”. “Этим и объясняется непропорциональность его форм с внешней стороны, — сообщает, например, популярный путеводитель Григория Москвича за 1904 год, — непропорциональная отдаленность главного купола от колокольни и несоразмерная длина всего здания”. Тем не менее, собор, безусловно, был одним из наиболее значительных памятников истории и культуры города, важным элементом городского ландшафта: вспомним, что его купола являлись основными “одесскими” ориентирами для мореходов, указанными во всех лоциях.

Особое место собора в духовной жизни города и края определялось еще и тем, что здесь хранились ценнейшие и высокочтимые народные реликвии: Касперовская чудотворная икона, образ Николая Мирликийского, икона Троицы известного художника Поля Леруа, копии так называемых курсунских икон, медный крест, отлитый из монет, пожертвованных рядовыми Крымской войны, трофейное ту-

репское знамя и т. д., в Преображенском соборе, были погребены херсонские архиепископы Иннокентий, Иоанникий, Димитрий, Никанор (перезахоронены в Успенском монастыре на мысе Большой Фонтан), генерал-губернатор Новороссийского края и полномочный наместник Бессарабской области князь М. С. Воронцов и его супруга Елизавета Ксаверьевна (перезахоронены на Слободском кладбище).

Отец мой и дядя помнят еще, как разрушали Собор — и не могли разрушить: возводили на совесть. Бродили они и среди мраморных надгробий Старого христианского кладбища, на котором почивала вся пушкинская Одесса и “брат милый” — Левушка Пушкин. Видели они и Покровскую церковь, и Новый костел... Хорошо, хоть старые почтовые открытки да фотографии сохранили внешний облик одесских святынь. Но вот восстанавливаются обветшавшие за долгие годы забвения сохранившиеся храмы Одессы, а на морском вокзале строится новая часовня — во имя Николая Чудотворца, покровителя мероплавателей. Будем же уповать на то, что и на Соборной площади когда-нибудь засверкает золотыми куполами воскрешенный Храм... Храм Преображения.

ГЛАЗАМИ ПРИЕЗЖИХ

- *Простой народ в Одессе зарабатывает денег больше, чем в ином месте, но, к несчастью, пропивает свой заработок; пьяных везде множество. Простые девушки с наслаждением грызут семечки подсолнечников, тыквы и дынь. Когда под вечер их соберется несколько под воротами домов, начинается нескончаемая болтовня; семечки щелкают, скорлупки шуршат; часа в полтора такого раута набирается их на земле, как будто поблизости драли крупу. В какое общество ни войдешь, с кем ни заговоришь о прислуге, везде слышишь одни и те же жалобы на леность, бесчестность и пьянство. Плата дорогая: самая низкая поденная 75 коп. серебром. Это получает работник, вовсе ничего не знающий, но расторопный и сметливый получает от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. в день. Я спросил у одного подмастерья слесаря, что он получает в неделю: “На готовых харчах с хозяйской квартирой, — ответил он, — по шести с половиной в неделю, а на своих — по 15 руб.” Из этого хорошего жалованья, однако ж, редко который скапливает себе что-нибудь: по большей части все идет на водку и на пирушки. Не только русские мастера, но и немцы, и другие иностранцы очень скоро спиваются с кругу. Евреи составляют блистательное исключение; между ними находят лучших работников, самых смелых, ловких и трезвых, поэтому во многих случаях еврея предпочитают русским и немцам.*

Дагерротип — изобретение одесское?

Почти что так. Во всяком случае, если говорить о России, то именно в Одессе фотография делала первые свои шаги.

Прежде чем назвать поименно патриархов фотодела в Южной Пальмире и коротко их охарактеризовать, заметим, что фотография в приморском городе имела своих предшественников. Так, здесь устраивались специфические “зрелища” — демонстрации разного рода оптических фокусов, основанных на использовании камеры-обскуры: плеорамы, косморамы, диа-панорамы и т. п. Все это напоминало показ теперешних “слайдов”. Еще во времена Крымской войны в космораме при “Новороссийской” гостинице или в так называемом “Кабинете светозорий” за умеренную плату можно было увидеть изображения Монблана и Женевского озера, Рио-де-Жанейро и Нью-Йорка, Дрездена и Вены, а заодно — “балетной девушки Калионы Шимони из г. Пьемонта”.

Фотографы в то время уже вовсю развернули бурную деятельность, однако, как и всякое нововведение, фотография должна была стать привычной для горожан. На первых порах они относились к фотомастерам с недоверием и предпочитали увековечивать свой облик, прибегая к услугам местных художников-портретистов — Галли, Медеве, Сорокина, Фросте и других. Самое первое объявление, связанное с изготовлением “дагерротипных портретов”, обнаружено нами в газете “Одесский вестник” от 27 февраля 1843 года: “Нижеподписавшийся, достигши высокой степени совершенства в сходстве и чистоте отделки портретов посредством дагерротипии, приглашает любителей сего удивительного изобретения пожаловать к нему для составления понятия о его нынешних произведениях”. “Нижеподписавшийся” — пионер одесской фотографии Филипп Гаас (Гааз). Вот как по-одесски иронично и бойко описывает его фотомастерскую известный польский романист

Юзеф Игнаци Крашевский, посетивший город в том же 1843 году.

“Открывается внутренность грязного закутка, в котором фоном служит стена, обитая белым фланелевым покрывалом; вместо аксессуаров горы мусора и грязной посуды. Столик, два кресла — возле камеры. Усаживают тебя с удивительной поспешностью перед тяжелой камерой, укладывают голову... И бедняге сказано сидеть тридцать секунд неподвижно. Помощник г. Гааса (к тому же глухого) проворно закрывает стекло и говорит: “Мерси“. Освобождающийся мог бы ответить так же с намного более глубоким чувством. Есть за что. Далее входим в помещение, полное художественного беспорядка, сцена дополняется ароматами химикалий, жареного и т. д. Все это происходит очень быстро, отчасти прозаично... Наконец, пластинка вышла из повторной ванны, обработана и оправленной предстает пред взором. Потребность наглядно увидеть, как возникают черты твоей внешности... очаровывает. Похож — не похож. Смущен. Пятнист. Невыразителен. Лицо господина морщится. Г-н Гаас, к счастью своему глухой, принимает выражение лица за знак согласия, отбирает 25 руб. ассигнациями и prepares новую пластину”.

И все же — спасибо старику Гаасу! Он начал большое дело, завершив его к 100-летию юбилею города уникальным альбомом — своеобразной фотолетописью Одессы. Вслед за Гаасом дагерротипную мастерскую открыли Кубат и Дизц. Помещалась она на Ришельевской улице, в том же доме, что и лучшая в городе типография Брауна. Местный ежегодник “Новороссийский календарь“ сохранил для нас имена других патриархов фотодела: Гешеле, Гольдштейн, Кордыш, Сковронский, Хлопонин. Некоторые из первых фотографов-консультантов приезжали в город из Австрии и Франции, обучали своему искусству одесситов за немалую плату — 250—300 руб. серебром за курс.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIX столетия фотография все решительнее внедряется в общественный быт Одессы. Успеху дела в известной мере способствовало то обстоятельство, что хороший портрет, сделанный хорошим же живописцем, обходился много дороже фотографии, да и хлопотное это дело — часами позировать художнику. Впрочем, по несовершенству тогдашней фототехники профессии художника и фотографа были достаточно близки. Ибо “почти всякое фотографическое изображение по окончательном переводе его на бумагу (позитив) требует еще и ретушевки“. И горе было тому, кого запечатлел умелый фотограф, но скверный ретушер, потому

что его произведения далеко не всегда соответствовали оригиналу.

Из первых одесских фотографов, несомненно, повезло г-ну Кордышу. Вообще говоря, он был известен горожанам как гравер, но никого не удивила его страсть к новомодному фотоделу. Некоторое время он увлеченно постигал суть открытий Дагера, Ньепса и Толбота, а затем закупил “фотографические снаряды” и открыл фотомастерскую. Главным же помощником новоиспеченного фотомастера сделался известный рисовальщик и литограф Франц Гросс, хорошо известный почитателям “Одессики” своими рисунками, запечатлевшими старый город. Будучи близким другом Кордыша, Гросс не только сделался его компаньоном, но выделил под мастерскую несколько комнат своей квартиры в Красном переулке. При таком содействии дело пошло отлично: “Мы видели там множество портретов знакомых нам лиц, — свидетельствует современник, — и были поражены изумительным сходством и изяществом...”.

Творческий союз фотографа и художника не вызовет особого удивления, если вспомнить о сложностях с ретушированием. В своей “Старой Одессе” Александр Дерибас прямо говорит о том, что искусство фотографии в те годы приравнивалось к живописи, и фотографии Мигурский, Федоровец, Хлопонин, Мичри принимали деятельное участие в организации Общества изящных искусств (1865 г.), “как заправские художники”.

До чего же интересными, колоритными фигурами были первые одесские фотомастера! Один из них — Сковронский — столько понарасказал Н. П. Раевскому, близкому другу Лермонтова по Пятигорску, что тот написал даже прелюбопытный фельетон “Фотография”, впоследствии опубликованный в “Одесском вестнике”. С отменным юмором Раевский повествует о московских фотографах и их коллегах-провинциалах, “смирненно снимающих только лица чиновников какого-нибудь суда или магистрата, да разве для разнообразия — сановитое купечество с их дородными половинами”.

Любопытнейшей фигурой был и одесский фотохудожник Федоровец. “Бархатная куртка, волосы, закинутые назад, большой умный лоб. Глаза мечтательные, верующие во все мистически красивое”. Таким вспоминает его А. М. Дерибас. В ту пору в местных салонах толковали о мистике, проводили сеансы гипноза (“сомнамбулизма”) и спиритизма (“магнетизма”). В этих делах не было равных нашему фотохудожнику, обладавшему, как принято теперь говорить, экстрасенсорным талантом. Федоровец собирал

значительные аудитории “лучших представителей умственной Одессы” — врачей, журналистов, профессоров лицей, и в их присутствии “усыпленная девушка отвечала на все вопросы, угадывала пол и возраст, давала медицинские советы, решала философские задачи”.

В середине прошлого столетия равноправно существовали два направления в “светописи”: дагерротипия (изобретение Дагера и Ньепса, 1839 г.) и калотипия, или собственно фотография (изобретение Толбота, 1841 г.). Светочувствительным средством в том и другом случае служил иодид серебра. Различие заключалось в том, что в дагерротипии сразу же получался позитив, правда, в единственном экземпляре, тогда как в калотипии изготовлялся негатив. Что предпочесть: более простой способ или сложный, но позволяющий получить множество отпечатков? Этот вопрос не был риторическим и для одесских светотипистов. Конкурируя между собой, дагерротиписты и калотиписты совершенствовали технический инструментарий и качество своей продукции. Всякий раз являлось что-нибудь “сверхновое” и “супероригинальное”: то клиентам предлагались портреты со складными стереоскопами, то — новые фотографии на клеенке, то еще что-нибудь небывалое. А где-то в начале 50-х годов прошлого столетия, помимо портретных, появляются уже и *видовые фотоработы*. Так, на художественной выставке в Москве в 1855 году демонстрировались “портреты и виды Москвы” столичного фотомастера Мебиуса. В Одессе фотовиды появились, очевидно, раньше. Во всяком случае, первая фотореклама некоторых авторитетных одесских магазинов относится к началу 50-х.

Насколько нам удалось установить, впервые город начали успешно снимать Филипп Гаас и Иосиф-Карл Мигурский. Несомненно, что второй нисколько не уступал первому. Вот фрагмент рекламы фотомастерской Мигурского, относящейся к 1862 году: “После моей поездки за границу фотография моя поставлена на ту ступень совершенства, что она может выдержать сравнение с лучшими фотографиями, вышедшими из европейских заведений”. И это не пустое бахвальство, уверяю вас. В музеях, книгохранилищах и частных коллекциях мы видели значительное число работ Мигурского, которые, вообще говоря, сегодняшним собирателям попадают крайне редко и считаются невероятной удачей. Всмотриваясь в эти раритеты, удивляешься не только оригинальности ракурсов и сюжетов, качеству, но и сохранности. Ведь старые фотографии ассоциируются в нашем сознании с чем-то блеклым, ветхим, достой-

ным жалости и даже какой-то немного грустной иронии. Глядя на снимки Мигурского, ничего подобного не скажешь: здесь — яркость, сочность, контрастность, — современные фотохудожники позавидуют. Чудесные атласные паспарту, разнообразная привлекательная атрибутика.

...Вот пересечение Преображенской и Успенской улиц. Снято с колокольни Успенской церкви. Картина настолько свежая, что, кажется, продолжает свое существование в каком-то параллельном пространстве отраженная в ней реальность: почти не изменившиеся контуры строений (в особенности у гарнизонной бани — бывшей бане Исаковича), запыленная мостовая, волю, понуро везущие тяжелые возы с пшеницей. А снимок сделан... в 1858 году! А вот открытие памятника светлейшему князю М. С. Воронцову 8 ноября 1863 года, старый “пушкинский” театр, Театральная площадь — до и после новогоднего пожара (1872 — 1873 гг.), Николаевский бульвар с рядами совсем еще юных платанов, памятник Ришелье, “лестница-гигант” в начале 70-х годов XIX века, одноэтажный еще Пале-Рояль, дома Стифеля и Лучича, работы по мощению улиц и устройству дренажных галерей, почтенные обитатели старой Одессы.

Многие из фоторабот Мигурского запечатлели и несохранившиеся здания, сооружения, ландшафты: старую кирху, Покровскую церковь, старый дом музея Общества истории и древностей, первое христианское (а фактически — интернациональное) кладбище и даже отдельные надгробья, причалы в порту. Какие только бытовые сюжеты не привлекали внимания замечательного мастера: выстрел из сигнальной пушки на бульваре, сцены в открытых кафе, на катке, “гулянья под качелями” — одно из старейших развлечений одесского простонародья, городской “транспорт” — волю, мирно дремлющие после трудового дня. Есть у Мигурского и бесценные фотоматериалы пушкинской тематики: ранний снимок “Отель дю Норд”, памятник поэту на Приморском бульваре накануне открытия, дача Рено, несохранившиеся дома, которые посещал поэт и т. д. Как видим, одесская фотолетопись — ценнейший источник изучения различных аспектов истории города и края. А потому хочется назвать поименно лучших фотографов, чьи портреты и виды воссоздают старую Одессу, тех людей, что наполняли живую душу города огнем и ароматом: Антонопуло, Готлиб, Грабяж, Князев, Коншин, Мотылев, Тираспольский, Фрейденберг, Чеховский и многие, многие другие. Именно они сформировали Одесское фотографическое общество (1891 г.), организовали первую междуна-

родную фотовыставку в Одессе (1890 г.), завоевали великое множество призов и наград на фотовернисажах в европейских столицах, издавали специальные фотографические журналы...

“При взгляде на дагерротип, — писал Юрий Олеша, — тотчас же рождается мысль не слишком серьезная, но увлекательная, о том, как было бы замечательно, если бы фотография была изобретена раньше. Подумать только, мы могли бы увидеть подлинного Пушкина, подлинное заседание Конвента, подлинного Суворова у подножья Альп”.

Если вы все-таки сумели разглядеть старую Одессу за строчками этой книги, мы считаем свою задачу выполненной.

Вести из прошлого

- В окружном суде с участием присяжных заседателей рассматривалось вчера дело по обвинению запасного рядового Ст. Абрамовича в богохульстве. Дело слушалось при закрытых дверях, и публика допущена была в зал суда при объявлении резолюции. В силу вердикта присяжных заседателей, окружной суд приговорил Абрамовича к лишению прав и к ссылке в менее отдаленные места Сибири.

“ОДЕССКИЕ НОВОСТИ”, 1893, № 2637.

- Улов скумбрии у берегов Одессы до последних дней был незначительный, и скумбрия продавалась по дорогой цене — до 70 коп. за десяток. Вчера же скумбрия появилась в большом количестве. В особенности был значителен улов ее у берега Большого Фонтана. Благодаря большому улову, цена скумбрии понизилась до 30—40 коп. за десяток.

“ОДЕССКИЕ НОВОСТИ”, 1893, № 2649

- На водах.
— Как вы себя чувствуете, Анна Григорьевна? Помогли вам воды?
— О, да. Мне уже все косточки перемыли здешние кумушки.

“ОДЕССКИЕ НОВОСТИ”, 1893, № 2661

О Г Л А В Л Е Н И Е

Мифы старой Одессы / <i>вместо предисловия</i> /	3
Что такое "Привоз"?	12
В гостинице, как всегда, мест . . . есть?	18
Что такое "универмаг"?	23
Почем "пляшка файного бухла"?	29
Какие чаи гоняли наши дедушки?	32
Какие шиньоны носили наши бабушки?	35
Дело - табак?	38
Почему в Одессе принято посылать в баню?	42
Что делал в Одессе Эмир Бухарский?	45
Поставщик императорского двора - одессит?	50
Что там творилось - в одесском карантине?	54
Кто первым рисовал Одессу?	57
Одесситка - для гарема?	61
Как же звали Соньку Золотую Ручку?	65
Первый одесский вернисаж: давно ли это было?	69
С чего начиналась одесская журналистика?	73
В Одессе делали бумагу?	80
Типографию в каждый дом? А Вы как думали?!	83
60 местных газет: не может быть?!	85
Почему Пересыпь так называется?	88
Когда основан "Клуб Одесских Джентельменов"?	90
Профсоюз официантов?	94
Сколько лет одесской товарной бирже?	97
Так ли уж хороши были одесские шулера?	100
Как пройти на "Площадь Сомнения"?	107
Кафе Фанкони: это где?	111
Кто такая "Джинестра"?	115
Хотите отыскать клад? Ради Бога	120
Пираты — в Одессе???	124
Что такое "Роль - Палас"?	128
Как одесситы стали "мушкетерами"?	130
Когда одесситы жили в пещерах?	133
Бывал ли в Одессе Джеймс Фенимор Купер?	135
Кто насадил "Причерноморские леса"?	139
Что пели об Одессе чумаки?	142
С чего начиналась деловая Одесса?	147
В каком доме жил Пушкин?	152
Почему на Соборной площади нет собора?	158
Дагерротип — изобретение одесское?	161

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ОЛЕГ ИОСИФОВИЧ ГУБАРЬ

**100 вопросов
“за Одессу”**

Технический редактор А. И. ЛЕВИЦКАЯ

Сдано в набор 12.10 1993. Подписано в печать 06.12 1993. Формат 84x108/32. На текст бумага типографская, на вкладку — офсетная. Гарнитура тип “Таймс”. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,82. + усл. п. л. вкл. 0,84. Уч. — изд. л. 8,57. + уч. — изд. л. вкл. 1,26. Усл. кр. — отг. 18,27. Зак. № 6208

Издательство «Киноцентр» 270001, г. Одесса-1, пр. Мира, 4.
Издательство “Черноморье”. Площадь им. 50-летия СССР, 1.

Дрейс-куралты ысылантса по бастредобанію.

Что такое "Привоз"?

Почем "пляшка файного бухла"?

Какие чаи гоняли наши дедушки?

Какие шиньоны носили наши бабушки?

Почему в Одессе принято посылать в баню?

Как же звали Соньку "Золотую Ручку"?

Когда основан "Клуб одесских джентльменов"?

Так ли уж хороши были одесские шулера?

Кафе Фанкони: это где?

Кто такая "Джинестра"?

Пираты в Одессе???

